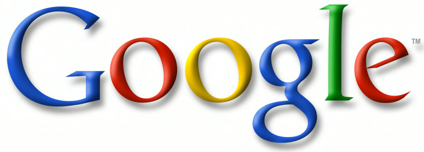




Н. В. Стороженко.

ЗАПАДНО-РУССКІЕ ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ СЕЙМИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА.

(Изслѣдованіе по архивному матеріалу.)



КІЕВЪ.
Типографія К. Н. Милевскаго, Прорѣзная улица, домъ № 10-й.
1888.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 3 Декабря 1887 года.

Н. В. Стороженко.

ЗАПАДНО-РУССКІЕ ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ СЕЙМИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА.

(Изслѣдованіе по архивному матеріалу.)



КІЕВЪ.
Типографія **К. Н. Милевскаго,** Прорѣзная улица, домъ № 10-й.
1888.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 3 Декабря 1887 года.

Считаю долгомъ выразить мою глубочайшую признательность ординарнымъ профессорамъ Императорскаго Университета св. Владимира Михаилу Флегонтовичу Владимирскому-Буданову и Владимиру Бонифатьевичу Антоновичу за совѣты и указанія, при составленіи мною настоящаго труда.

Николай Стороженко.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Древне-русское вѣче, какъ органъ народнаго самоуправленія съ политическими функціями, прекратило свое существованіе главнымъ образомъ въ эпоху монгольскаго завоеванія; но осколокъ его, въ формѣ всесословныхъ собраній, для обсужденія экономическихъ вопросовъ и для суда, сохранился во все послѣдующее время. Въ юго-западной Руси эти собранія долгое время иначе и не назывались, какъ вѣчами; но въ XVI вѣкѣ терминъ этотъ исчезаетъ, а такъ какъ собранія были двухъ родовъ—сельскія общинныя и областныя, то и является два термина для ихъ обозначенія—копы и сеймы. Когда въ эпоху люблинской уніи происходила полонизація областнаго управленія, то сначала на ряду съ народными собраніями появились собранія со специфически польскимъ характеромъ—сословныя: въ нихъ могли принимать участіе лишь—дворяне; потомъ постепенно эти послѣднія совершенно вытѣснили первыя, сосредоточивши въ своихъ рукахъ всѣ функціи областнаго самоуправленія. Собранія эти стали называться воеводскими сеймиками. Они продержались болѣе двухъ вѣковъ и кончили свое существованіе вмѣстѣ съ речьюпосполитой, будучи одной изъ важныхъ причинъ ея гибели. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, а также въ виду того, что втеченіе послѣднихъ вѣковъ существованія речипосполитой сеймикъ былъ единственнымъ областнымъ представительнымъ учрежденіемъ, въ которомъ, несмотря на его внѣшнюю

польскую форму, отражались почти во всей своей полнотѣ мѣстныя особенности каждой данной области, не безъинтересно ознакомиться подробнѣе съ его исторіей, организаціей и кругомъ дѣятельности. Главнымъ матеріаломъ для этого по отношенію къ юго-западной Руси служатъ универсалы королей къ дворянамъ, инструкціи дворянъ посламъ на генеральные сеймы и сеймиковыя постановленія, находящіеся въ гродскихъ записовыхъ книгахъ, хранящихся въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ. Въ 1861 году былъ изданъ Кіевской Археографической Коммиссіей томъ подобныхъ актовъ подъ редакціей профессора Н. Д. Иванишева; въ настоящее время коммиссія уже издала и въ непродолжительномъ времени выпуститъ въ свѣтъ второй томъ такихъ же актовъ, составленный нами. Къ этому тому актовъ имѣетъ быть приложена, написанная нами, статья, въ которой мы касаемся лишь нѣкоторыхъ предметовъ обсужденія на сеймикахъ, въ такомъ же родѣ и передовая статья профессора Н. Д. Иванишева; въ настоящемъ же трудѣ мы, главнымъ образомъ на основаніи изданнаго Коммиссіей архивнаго матеріала, старались посильно изобразить исторію, организацію и кругъ дѣятельности сеймика во всей его полнотѣ. Вторая половина XVII вѣка есть періодъ наиболѣе полнаго развитія и процвѣтанія сеймика.

Насколько удовлетворительно исполнена нами, поставленная нами, задача, конечно, судить не намъ, но если компетентные критики найдутъ, что настоящее изслѣдованіе можетъ служить нѣкоторымъ пособіемъ при изученіи исторіи западнорусскаго края вообще и въ частности исторіи представительнаго самоуправленія въ этомъ краѣ, то мы будемъ считать себя вполнѣ вознагражденными за потраченный нами трудъ.



I.

ИСТОРІЯ И ОРГАНИЗАЦІЯ СЕЙМИКОВЪ.

Нельзя вполнѣ точно опредѣлить время возникновенія сеймиковъ въ Польшѣ; основываясь на словахъ Яна Длугоша и Мартына Бѣльскаго, можно лишь предполагать, что впервые эти провинціальные съѣзды происходили при Ягеллѣ, а именно, въ 1404 году. Ягеллу хотѣлось выкупить у ордена Меченосцевъ землю Добржинскую по р. Вислѣ, а потому онъ назначилъ на 11 ноября 1404 года генеральный сеймъ въ Корчинѣ (при впаденіи р. Ниды въ р. Вислу), а предварительно сеймики по повѣтамъ, съ цѣлью обсужденія предполагавшагося поземельнаго налога. Бѣльскій говоритъ, что такихъ сеймиковъ прежде въ Польшѣ не бывало. У Станислава Сарницкаго въ его „Annales sive de origine et rebus gestis Polonorum et Lithuanorum Libri VIII" (1587 г.) подъ 1413 годомъ говорится, что на первыхъ сеймикахъ еще не были избираемы спеціальные послы на генеральные сеймы, а порученіе передать содержаніе сеймиковаго постановленія давалось повѣтовымъ урядникамъ, обязательно ѣздившимъ на сеймы. Сынъ и преемникъ Ягелла, Казимиръ IV, постановленіемъ 1454 года, по которому ни одинъ законъ не могъ быть утвержденъ безъ предварительнаго созыва сеймиковъ и разсмотрѣнія на нихъ законопроекта, далъ полное право гражданства сеймикамъ. При Кази-

мирѣ же, съ 1468 года, начали выбирать пословъ на сеймы; произошло это въ первый разъ по слѣдующему поводу:

Король хотѣлъ доплатить жалованье войскамъ, стоявшимъ въ Пруссіи, а такъ какъ въ казнѣ денегъ не было, то приходилось прибѣгнуть къ чрезвычайной мѣрѣ— возвышенію размѣра податей; для обсужденія этой мѣры, король созвалъ областные сеймы Малополянъ въ г. Вислицу, Великополянъ въ г. Колу—оба сейма несогласились съ предложеніемъ короля.

Желая настоять на своемъ, Казимиръ IV назначилъ генеральный сеймъ въ Петроковѣ и выразилъ желаніе, чтобы на этотъ сеймъ прибыли нарочито выбранные на повѣтовыхъ сеймикахъ послы, по два отъ каждаго воеводства и земли, съ уполномочіемъ согласиться на возвышеніе размѣра податей. Съ этихъ поръ вошло въ обычай, чтобы всѣ воеводства и земли присылали на генеральные сеймы своихъ спеціальныхъ пословъ.

Во всѣхъ русскихъ земляхъ въ княжескую эпоху существовали всесословныя народныя собранія, которыя именовались вѣчами. Монгольское завоеваніе было однимъ изъ главныхъ факторовъ паденія вѣча, какъ политическаго органа, за то вѣче съ административно-хозяйственными функціями не только не прекратило своего существованія, но даже продолжало развиваться во всей Россіи въ продолженіи всего допетровскаго періода; въ юго-западной Руси точно также существовали народныя собранія, являвшіяся органами общинъ и бывшія осколками древняго вѣчеваго быта. Онѣ даже долгое время иначе и не назывались, какъ вѣчами. Впослѣдствіи (въ XVI стол.) подобныя собранія получили другое наименованіе и стали называться копами, купами или громадами. Въ составъ общины обыкновенно входило нѣсколько селеній (отъ 4 до 9). Въ одномъ изъ нихъ было центральное мѣсто,

куда сходились на вѣче, впрочемъ это мѣсто часто мѣнялось въ виду того, что засѣданія происходили подъ открытымъ небомъ и не представлялось никакой трудности переносить ихъ съ мѣста на мѣсто. Каждая община имѣла свое собраніе, въ составъ котораго входили только одни домохозяева, имѣвшіе постоянную осѣдлость въ общинѣ. Выдающуюся роль играли на собраніяхъ старцы. Вообще присутствіе на собраніяхъ считалось обязательнымъ и число сходатаевъ (членовъ собранія) было довольно многочисленно (до 100 и болѣе). Дѣла рѣшались единогласно. Функціи собранія по преимуществу были судебныя [1]).

На ряду съ копами въ самомъ началѣ XVI вѣка въ литовско-русскомъ государствѣ существовали уже и болѣе крупныя собранія, на которыя съѣзжались обыватели цѣлой земли, области—„духовные, князи и панове и бояре [2]) и земяне [3]) и вся шляхта". Это видно изъ

[1]) Латкинъ. Земскіе соборы древней Руси. СПБ. 1885. Стр. 18—21.— Иванишевъ. О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи. Сочиненія. К. 1876. Стр. 231—260.

[2]) Боярами въ великомъ княжествѣ литовскомъ назывались самые мелкіе поземельные собственники: они владѣли меньше чѣмъ службою, т. е. участкомъ земли менѣе 200 десятинъ, а потому съ нихъ и нельзя было требовать вооруженнаго человѣка для войска, а возлагались на нихъ обязанности, связанныя съ меньшими затратами. Эти бояре раздѣлялись на двѣ категоріи: одни владѣли большими участками земли и назывались панцырными боярами или ордынскими слугами, другіе владѣли меньшими участками и назывались путными боярами или замковыми слугами. Лица первой категоріи, приписанныя къ какому нибудь замку должны были являться въ случаѣ нападенія для защиты этого замка, а въ тѣхъ областяхъ, которыя подвергались нападенію Татаръ, должны были держать полевую сторожу. Другая категорія—путные бояре, назывались такъ потому, что несли при намѣстникѣ обязанности нынѣшнихъ разсыльныхъ.

[3]) Земянами называлось среднее сословіе, состоявшее изъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Развитіе этого сословія вытекало изъ желанія Витовта уменьшить значеніе крупныхъ ленниковъ, князей и пановъ. Но вскорѣ это сословіе стало стремиться стать на равнѣ съ польскимъ дворянствомъ, а позднѣе стало на сторонѣ уніи и захватило въ свои руки всю власть.

уставныхъ и льготныхъ грамотъ великихъ князей литовскихъ Александра и Сигизмунда II Казимировичей отъ 1501, 1503 и 1507 годовъ къ жителямъ волынской, бельзской и кіевской земель[1]), выданныхъ въ удовлетвореніе коллективныхъ просьбъ обывателей этихъ областей, которыя могли быть составлены лишь на какомъ нибудь съѣздѣ, собраніи, сеймѣ; въ двухъ же листахъ Сигизмунда II къ гетману князю Константину Ивановичу Острожскому, отъ 9 апрѣля 1523 года, и къ панамъ радамъ волынской земли, отъ 14 декабря 1527 года, а также въ уставной подтвердительной грамотѣ его-же жителямъ кіевской области, отъ 1 декабря 1529 года[2]), мы находимъ прямыя указанія на существованіе *сеймовъ*, такъ, въ своемъ листѣ къ панамъ радамъ волынской земли Сигизмундъ пишетъ, чтобы они *на будущемъ сеймѣ въ Луцкѣ* постановили рѣшеніе по волынскимъ законамъ въ тяжбѣ о земляхъ маршалка волынской земли князя Андрея Сангушка съ земянами волынскими Ставецкими.

Итакъ, въ литовско-русскомъ государствѣ въ XVI вѣкѣ до введенія люблинской уніи существовали копы, областные и вальные сеймы; были ли и повѣтовыя или впослѣдствіи воеводскія собранія, извѣстныя въ Польшѣ подъ именемъ сеймиковъ, это—вопросъ; во всякомъ случаѣ, если и были, то та организація ихъ, которую мы наблюдаемъ въ XVII вѣкѣ, установлена жалованной грамотой Силизмунда Августа всѣмъ обывателямъ великаго княжества литовскаго, отъ 30 декабря 1565 года, гласящей между прочимъ:

...„Приводячи къ большому порядку рѣчь посполитую, што быхмо на выбиранье пословъ къ соймомъ вальнымъ и инымъ потребамъ земскимъ належачихъ, дозво-

¹) Акты Ю. и З. Р. Т. I, № 36; Акты З. Р. Т. I, № 189, 201, т. II, № 30.
²) Акты Ю. и З. Р. Т. II, № 107, 114; Акты З. Р. Т. II, № 164.

лили и допустили въ повѣтѣхъ (то есть, гдѣ кольвекъ вряды судовые засажены, и гдѣ потомъ черезъ насъ господаря засажены врядовъ судовыхъ зъ ихъ прозьбы и зволенья дойдетъ) соймы малые къ збиранью всихъ обывателей въ каждомъ повѣтѣ мѣти, и на тые соймы повѣтовые всимъ паномъ радамъ нашимъ, княземъ, паномъ врадникомъ земскимъ и дворнымъ, и всимъ станомъ народу шляхетского и стапу рыцерского, гдѣ хто въ которомъ повѣтѣ осѣлость маетъ, на часы черезъ листы наши назначеные зъѣзжатися, тымъ же прикладомъ и порядкомъ, яко на такихъ соймѣхъ повѣтовыхъ справа, поступокъ и обычай заховывается въ паньствѣ нашомъ корунѣ Польской... А въ тыхъ же повѣтѣхъ... зъѣхавшися, о потребахъ рѣчи посполитой радити и намовляти и обмышляти, о чомъ имъ отъ насъ господаря ознаймено будетъ; и съ тогожъ собранья и намовъ спольныхъ, пословъ обирати и на съемъ великій вальный звыклый въ томъ паньствѣ нашомъ (кгды листы нашими господарскими мѣстцо таковому сойму ознаймено и зложено будетъ) выправляти, и черезъ тыхъ пословъ потребы рѣчи посполитоѣ и каждого зособна повѣту до насъ господаря приносити"... [1])

Существенная разница въ огранизаціи литовско-русскихъ сеймовъ до и послѣ люблинской уніи та, что послѣ уніи они стали носить сословный характеръ, что составляетъ отличительную черту польскихъ представительныхъ учрежденій съ XI вѣка [2]).

Чтобы яснѣе представить себѣ кругъ дѣятельности повѣтовыхъ и воеводскихъ сеймиковъ нужно предварительно ознакомиться съ областнымъ управленіемъ въ литовско-русскихъ земляхъ.

---

[1]) Акты З. Р. Т. III, № 38.
[2]) Латкинъ, l. c., стр. 25—29.

Въ областномъ управлении до люблинской уніи мы замѣчаемъ двѣ главныя фазы развитія: одна—до Витовта, а другая послѣ него. До Витовта областное управленіе соотвѣтствовало русской удѣльной системѣ: земля дѣлилась на области или удѣлы, которые обыкновенно раздавались лицамъ княжескаго происхожденія въ управленіе; но при Витовтѣ происходятъ измѣненія—онъ стремится замѣнить старый удѣльный порядокъ строго организованной монархіей, вслѣдствіе чего старается смѣщать удѣльныхъ князей и ихъ удѣлы преобразовываетъ въ намѣстничества, зависѣвшія отъ самого великаго князя. Единицей такого новаго устройства былъ такъ называемый *повѣтъ*—самая крупная единица, въ родѣ нашей губерніи. Центромъ каждаго повѣта былъ замокъ, имѣвшій не только значеніе укрѣпленія, но и главнаго административнаго центра. Замокъ отдавался въ управленіе намѣстнику. Аттрибуты власти намѣстниковъ состояли въ томъ, что въ данной области они вполнѣ замѣняли власть великихъ князей. Намѣстникъ былъ начальникомъ военныхъ силъ повѣта и, въ случаѣ войны, правительство извѣщало его о необходимости сбора войскъ, которыя и выступали на войну подъ предводительствомъ намѣстника. Другая функція его состояла въ томъ, что онъ былъ главнымъ судьею, военнымъ и гражданскимъ, въ своемъ повѣтѣ. Всѣ земяне даже въ мирное время считались военными, а потому подлежали суду намѣстника. Право суда въ рукахъ намѣстника было очень обширно въ гражданскихъ судахъ на его рѣшенія еще можно было аппеллировать великому князю, но въ нѣкоторыхъ уголовныхъ дѣлахъ его рѣшенія были безаппелляціонны. Кромѣ военной власти и права суда у намѣстника была еще широкая административная власть: онъ приводилъ въ исполненіе распоряженія правительства, наблюдалъ за распредѣленіемъ поземельной собственности, за правиль-

нымъ исполненіемъ воинской повинности, долженъ былъ слѣдить за переходомъ земельнаго имущества и доносить, какія земли «отумерлыя» (выморочныя). Намѣстники обыкновенно назначались пожизненно, но великій князь могъ смѣщать ихъ по своему желанію и только при Александрѣ Казимировичѣ власть великаго князя въ этомъ отношеніи была ограничена, такъ какъ намѣстники могли быть смѣняемы лишь по суду.

Во второй четверти XV вѣка въ нѣкоторыхъ русскихъ земляхъ является новое административное дѣленіе, а слѣдовательно и новый терминъ—воеводство. Въ 1434 году на коронаціонномъ сеймѣ Владислава III подольская шляхта была уравнена въ своихъ правахъ и привилегіяхъ съ польской и было образовано подольское воеводство, первымъ воеводой былъ Петръ изъ Спровы Одровонжъ. Въ 1471 году кіевская земля была переименована въ воеводство и первымъ воеводой былъ Мартынъ Гаштольдъ [1]).

Таково было областное управленіе до люблинской уніи. Послѣ уніи все областное управленіе на всемъ пространствѣ литовско-русскихъ земель было реформировано по польскому образцу. Административная единица сдѣлалась крупнѣе: вмѣсто повѣта воеводство, состоявшее изъ двухъ, трехъ повѣтовъ, во главѣ котораго стоялъ воевода. Этотъ воевода не имѣлъ строго опредѣленныхъ функцій: онъ считался представителемъ воеводства въ сенатѣ; главнымъ же образомъ его власть и ограничивалась только правомъ предводительствовать ополченіемъ дворянъ и правомъ суда надъ евреями, остальныя же функціи прежняго намѣстника, котораго нѣкоторымъ образомъ замѣнилъ воевода, перешли къ другимъ чинов-

---

[1]) Молчановскій. Очеркъ извѣстій о подольской землѣ до 1434 года. Стр. 382, 388.—Balinski i Lipinski. Starożytna polska. T. II, pp. 489, 936.

никамъ. Завѣдованіе крѣпостями было возложено на каштеляновъ, но такъ какъ эти каштеляны имѣли мѣсто въ сенатѣ, то они на самомъ дѣлѣ не жили въ крѣпостяхъ, фактическое завѣдованіе которыми ввѣряли бургграфамъ. Такимъ образомъ и воеводы, и каштеляны, были лишь титулярными правителями областей, а на самомъ дѣлѣ были членами сената. Цѣлое государство жило болѣе двухъ столѣтій безъ всякой исполнительной административной власти: государь издавалъ различные указы, но слѣдить за ихъ исполненіемъ некому было и исполнялъ ихъ, кто хотѣлъ [1]).

Во второй половинѣ XVII вѣка мы застаемъ въ предѣлахъ юго-западнаго края четыре воеводства: кіевское, волынское, брацлавское и подольское. Кіевское—состояло изъ слѣдующихъ повѣтовъ: кіевскаго, житомирскаго и овруцкаго; волынское—изъ луцкаго, владиміро-волынскаго и кременецкаго; брацлавское—изъ брацлавскаго и винницкаго: подольское изъ каменецкаго, червоногродскаго и летичевскаго. Мы увидимъ ниже, въ какихъ городахъ преимущественно и вслѣдствіе какихъ именно причинъ тамъ, а не въ другомъ мѣстѣ, собирались сеймики южнорусскихъ воеводствъ въ разсматриваемый нами періодъ времени. Иногда, для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, дворяне собирались и по повѣтамъ, въ особенности въ волынскомъ воеводствѣ, занимавшемъ обширную территорію [2]).

Обыкновенно сеймики созывались универсалами королей, гетмановъ и воеводъ; но иногда они собирались и безъ универсала, такъ, напримѣръ, кіевскіе дворяне собрались 9 августа 1655 года на сеймикъ во Владимірѣ, руководствуясь лишь универсаломъ короля, даннымъ лю-

[1]) Исторія Литовской Руси. Лекціи проф. В. Б. Антоновича, К. 1882.
[2]) Актъ № VI а (подразумѣвается II т. 2 ч. Архива Ю. З. Р.).

блинскому воеводству [1]). Сеймики предсеймовые всегда созывались королемъ: за восемь или девять недѣль до генеральнаго сейма разсылался во всѣ гродскія канцеляріи королевскій универсалъ, въ которомъ съ 1520 года (постановленіе сейма въ Быдгощѣ, въ Познани) излагались вопросы, подлежавшіе обсужденію на сеймѣ, а также назначался день сеймика; каждая гродская канцелярія въ свою очередь разсылала копіи съ королевскаго универсала ко всѣмъ магнатамъ и урядникамъ своего воеводства или повѣта, а также приказывала прибить таковыя къ дверямъ приходскихъ костеловъ и поручить возному огласить содержаніе ихъ на торгахъ по городамъ и селамъ. Кромѣ универсаловъ ко всѣмъ сенаторамъ разсылались изъ королевской канцеляріи письма, обсуждавшія предметы, имѣющихъ быть на сеймѣ, преній (epistolae deliberatoriae); впрочемъ, иногда ограничивались однимъ универсаломъ [2]).

Сеймики украинскихъ воеводствъ, какъ принадлежавшихъ къ одной провинціи—Малопольшѣ, созывались обыкновенно въ одинъ и тотъ же день. Мѣстомъ собранія сеймиковъ кіевскаго воеводства былъ первоначально Житомиръ, но съ 1659 года Владиміръ—Волынскъ и лишь при Станиславѣ Августѣ снова Житомиръ; сеймики волынскаго воеводства собирались въ Луцкѣ, Владимирѣ и Кременцѣ; въ подольскомъ воеводствѣ мѣстомъ сеймиковъ до 1673 года былъ Каменецъ-Подольскъ, затѣмъ Галичъ, а съ 1677 года Львовъ [3]); въ брацлавскомъ воеводствѣ до 1598 года сеймики происходили въ Брацлавѣ, затѣмъ въ Винницѣ, а съ 1659 года во Влади-

---

[1]) Актъ № IV.

[2]) De republica polonica, Christophori Hartknoch. Lipsiae 1698. P. 647 sq.—Gotfridi Lengnich. Jus publicum regni poloni. Gedani. 1746. T. II, p. 292 sq.

[3]) Vol. legum, V, 124. 468.

мирѣ [1]); наконецъ, въ черниговскомъ воеводствѣ сеймики бывали въ Черниговѣ, когда же оно сдѣлалось лишь титулярнымъ, то бывшіе черниговскіе дворяне съ 1659 года стали собираться на сеймики во Владимиръ и Луцкъ. Во время походовъ экстраординарные сеймики происходили на мѣстахъ стоянокъ войскъ [2]).

Западнорусскіе дворяне хлопотали иногда о замѣнѣ этихъ городовъ другими, въ виду разныхъ причинъ, но повидимому ихъ хлопоты были безуспѣшны. Брацлавскіе дворяне, напримѣръ, просили въ 1688 году, чтобы сеймики кіевскаго воеводства отбывались въ Овручѣ, а брацлавскаго въ Луцкѣ, вслѣдствіе крайняго разоренія Владимира. Въ 1692 году кіевскіе дворяне хлопотали о перенесеніи мѣста засѣданій всякаго рода сеймиковъ изъ Владимира въ Олыку, кромѣ сеймиковъ для избранія депутатовъ въ коронный трибуналъ, которые чтобы происходили поперемѣнно то во Владимирѣ, то въ Олыкѣ, пока можно будетъ перенесть ихъ въ Житомиръ, если этотъ городъ будетъ находиться въ безопасности отъ непріятеля. Въ 1693 году черниговскіе дворяне находили большимъ неудобствомъ, что сеймики всего чаще собираются въ Луцкѣ, вслѣдствіе чего нѣкоторые дворяне по отдаленности мѣстожительства не могли присутствовать, а потому просили о подтвержденіи прежнихъ постановленій, чтобы сеймики всякого повѣта происходили въ своемъ городѣ—луцкаго въ Луцкѣ, владимирскаго во Владимирѣ, кременецкаго въ Кременцѣ, а кіевскаго, за отдачей Кіева Россіи, въ Корцѣ [3]).

Право голоса на сеймикахъ имѣли мѣстные осѣдлые

---

1) M. Balinski i T. Lipinski. Starożytna polska. T. II. p. 1365.—Универсалъ Яна Казимира, отъ 26 іюня 1662 г., предлагаетъ брацлавскимъ дворянамъ устроить сеймикъ въ Винницѣ. Кн. Владим. № 1030, л.1394 об.

2) Vol. legum, II. 758; III. 865; IV, 634; V, 671.

3) Акты №№ LXXXVIII, XCVI, XCIX.

дворяне, владѣвшіе или наслѣдственными имѣніями, или заложенными имъ, или отданными имъ въ пожизненное пользованіе, или по чиншевому праву (emphiteusis); кромѣ того этимъ правомъ пользовались всѣ мѣстные чины—воевода, каштелянъ и т. д. и епископы.—Сенаторы, землевладѣльцы даннаго воеводства, небрежно относившіеся къ исполненію обязанности посѣщенія сеймиковъ, подвергались даже штрафу. Дворянинъ имѣлъ право участвовать въ сеймикахъ, по достиженіи восемнадцати лѣтъ отъ роду [1]). Военные, неимѣвшіе поземельной собственности въ томъ воеводствѣ, гдѣ они стояли, не могли участвовать въ сеймикахъ этого воеводства, а чтобы они не оказывали давленія на участниковъ сеймика, было постановлено, чтобы города на время сеймика освобождались отъ постоя, исключая Каменецъ-Подольска и Варшавы [2]). Въ 1669 году волынскіе дворяне хлопотали объ ограниченіи числа лицъ имѣющихъ право голоса на сеймикахъ, въ виду того, что въ волынскомъ воеводствѣ значительно увеличилось количество арендаторовъ и залогодателей, которые притѣсняютъ на сеймикахъ и подавляютъ своимъ большинствомъ старинныхъ обывателей и патріотовъ—дворяне просили, чтобы не коренные жители дворянскаго происхожденія, хотя бы и владѣвшіе землей на одномъ изъ вышеписанныхъ основаній, имѣли лишь право мнѣнія на сеймикахъ, а не право голоса, и чтобы они не смѣли срывать сеймиковъ ни сами лично, ни чрезъ своихъ представителей [3]).

Въ назначенный универсаломъ день дворяне съѣзжались въ свой повѣтовый городъ и мѣстный староста долженъ былъ указать имъ квартиры [4]). Дворяне бывали

---

[1]) Vol. legum, VII, 623.
[2]) Jb. VIII, 916.
[3]) Актъ № XLV.
[4]) Vol. legum, I, 677.

всегда при сабляхъ, хотя это было запрещено еще въ 1496 году [1]). Въ день сеймика всѣ шли въ костелъ, гдѣ происходило сначала богослуженіе, а затѣмъ приступали къ выбору большинствомъ голосовъ сеймиковаго маршалка, по избраніи котораго, старшій по званію урядникъ изъ присутствовавшихъ на сеймикѣ съ почетомъ принималъ королевскаго посла, который обыкновенно пріѣзжалъ на всякій сеймикъ. Посолъ, послѣ приличнаго предисловія, читалъ инструкцію, въ которой излагались предметы обсужденій будущаго сейма, послѣ чего удалялся, предоставляя полную свободу преніямъ. По обсужденіи инструкціи, приступали къ разсмотрѣнію мѣстныхъ нуждъ и при этомъ постановленія, сдѣланныя съ общаго согласія (unanimo consensu nostro et nemine contradicente), записывались и вторично разсматривались, послѣ чего подтверждались подписями сенаторовъ, если таковые были въ числѣ присутствовавшихъ на сеймикѣ, и сеймиковаго маршалка.

Въ концѣ сеймика выбирали пословъ на генеральный сеймъ большинствомъ голосовъ, причемъ маршалекъ имѣлъ два голоса [2]). Кіевское, волынское и подольское воеводства выбирали обыкновенно по шести пословъ, черниговское четырехъ, брацлавское двухъ и лишь съ 1764 года четырехъ. Послами не могли быть лица, неимѣвшія двадцати трехъ лѣтъ отъ роду и земельной собственности, также лица, имѣвшія судебное дѣло, подлежавшее разсмотрѣнію на сеймѣ, сборщики податей и депутаты въ коронный трибуналъ [3]). Посламъ вручалась инструкція, о чемъ хлопотать на генеральномъ сеймѣ, за подписью сеймиковаго маршалка; инструкція эта вносилась обыкно-

---

1) Ib. 272.
2) Vol. legum, VII, 625.
3) Vol. legum, II, 1523; III, 273, 697.

венно въ мѣстную гродскую книгу. Званіе посла было очень почетнымъ, за оскорбленіе посла строго наказывали [1]). Лицо, выбранное посломъ, пользовалось правомъ неприкосновенности за четыре недѣли до сейма и четыре недѣли спустя. Такъ какъ послы отправлялись на генеральные сеймы по общественной надобности, то понятно, что они получали полное содержаніе отъ воеводства на время дороги, во время же сейма имъ выдавались деньги на содержаніе изъ государственной казны. За то еслибы кто изъ выбранныхъ въ послы взялъ деньги и не поѣхалъ на сеймъ, то онъ долженъ былъ возвратить взятые деньги и еще столько же въ видѣ штрафа. Отъ этого штрафа освобождался лишь не поѣхавшій по болѣзни, но взятые деньги все-таки должны были быть возвращены. Всякій посолъ долженъ былъ передъ отъѣздомъ на сеймъ произнесть присягу въ точномъ исполненіи данной ему инструкціи; вотъ, для образчика присяга волынскаго посла въ 1688 году: „Я, N, присягаю Господу Богу Всемогущему въ Тройцѣ Святой Единому, что будучи выбранъ посломъ, буду имѣть въ виду общественное благо моего волынскаго воеводства и прежде всего, ни къ чему другому не приступая, буду хлопотать объ оставленіи войска подъ старымъ начальствомъ маршалковскимъ гетмановъ обоихъ народовъ; упомяну о стоянкахъ, судѣ и удовлетвореніи просьбъ стоящихъ у насъ хоругвей; не упущу напомнить объ обидахъ, наносимыхъ литовскими войсками съ 1675 года по нынѣшній и о приведеніи въ исполненіе написаннаго постановленія относительно коммиссіи для удовлетворенія волынскихъ обывателей; буду хлопотать о законѣ относительно постоя, чтобы впредь его не бывало въ земскихъ имѣніяхъ; не буду брать взятокъ и не буду бояться угрозъ; буду ста-

[1]) Vol. legum, I, 372, 550.

раться на сеймѣ отъ начала его и до конца о приведеніи въ исполненіе желаній нашего воеводства и принесеніи пользы всей рѣчипосполитой, оставляя въ сторонѣ частные интересы, развѣ лишь не буду въ состояніи вообще и въ частности въ случаяхъ противорѣчія законамъ. Такъ мнѣ, Господи Боже, помоги и да поможетъ мнѣ святое страданіе Его"[1]). Но, несмотря на подобныя присяги, въ избѣ посольской царилъ подкупъ. Сеймовые послы уже съ XV вѣка пріобрѣли большое вліяніе на дѣла и это привело къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ—Мартынъ Бѣльскій (род. 1495 г. † 1575 г.) въ своей хроникѣ подъ 1468 годомъ плачется на своевольства избы посольской: „Послы пріобрѣли такую силу, что сенатъ потерялъ всякое значеніе. Этому способствовали главнымъ образомъ сами короли: когда они хотѣли получить согласіе на сборъ какого-либо налога, то они подкупали крикуновъ; а если хотѣли, чтобы эти послѣдніе молчали, то опять таки затыкали имъ ротъ взяткой... Также, если магнаты недовольны за что нибудь на короля (въ особенности, если король откажетъ имъ въ какой нибудь просьбѣ), то послы надуются и до тѣхъ поръ болтаютъ, пока магнатъ не достигнетъ своего, а ихъ за это наградитъ. Я боюсь, чтобы когда-нибудь наши сеймы не послужили болѣе къ гибели нашихъ вольностей, чѣмъ къ ихъ обереженью. Нужно опасаться, чтобы эта чрезмѣрная свобода не повела къ неволѣ и не кончилась тираннiей, или всѣхъ насъ не погубила"... Въ XVI вѣкѣ поведеніе пословъ было нехорошо, а во второй половинѣ XVII вѣка и того хуже; вотъ, какъ характеризуетъ порядки въ посольской избѣ талантливый дипломатъ того времени, черниговскій воевода, Станиславъ-Казимиръ Бѣ-

---

[1]) Актъ № LXXXVI.

невскій [1]), въ своей запискѣ о состояніи речипосполитой, вставленной въ инструкцію дворянъ волынскаго воеводства, отъ 31 декабря 1675 года: „въ избѣ посольской я вижу публичную торговлю, всякого рода продажность— оттуда, какъ изъ желудка, распространяются на всю речьпосполитую всякія болѣзнц; постановленія о нашихъ

[1]) Станиславъ-Казимиръ Бѣневскій принадлежалъ къ старинному коренному польскому роду, представители котораго жили въ XV и XVI вѣкахъ въ сохачевской землѣ подъ Варшавой. Объ отцѣ Станислава-Казимира извѣстно лишь, что его звали Бенедиктомъ. Первое, извѣстное намъ, свѣдѣніе о самомъ Станиславѣ-Казимирѣ относится къ 1650 году, когда онъ былъ посломъ волынскаго воеводства на генеральномъ сеймѣ, въ званіи гродскаго луцкаго писаря; въ 1652 году онъ продолжалъ быть гродскимъ луцкимъ писаремъ и былъ избранъ маршалкомъ луцкаго сеймика и опять посломъ на генеральный сеймъ; въ 1653 году онъ является посломъ волынскаго воеводства на брестскомъ сеймѣ. Въ 1657 году Бѣневскій получилъ званіе каштеляна волынскаго и былъ отправленъ посломъ къ Богдану Хмельницкому, чтобы уговорить послѣдняго возсоединиться съ речьюпосполитою; по универсалу Яна Казимира, отъ 3 декабря 1657 года, онъ былъ награжденъ за важныя заслуги богуславскимъ староствомъ въ кіевскомъ воеводствѣ, оставшимся вакантнымъ послѣ смерти каменецкаго каштеляна Гіацинта Шемберка, и состоявшимъ изъ г. Богуслава, м. Медвина, Синицы и прилежащихъ земель. Въ 1658 году Бѣневскій ѣздилъ въ Гадячъ, въ качествѣ королевскаго посла, для утвержденія гадяцкихъ пактовъ; въ этомъ же году онъ былъ выбранъ администраторомъ чоповаго въ волынскомъ воеводствѣ и членомъ суда, которому подсудны были дѣла о невзносѣ чоповаго. Въ 1659 году Бѣневскій былъ возведенъ въ званіе черниговскаго воеводы. Въ концѣ 1662 и началѣ 1663 года онъ велъ переговоры съ крымскимъ ханомъ о заключеніи дружескаго союза съ Польшей; въ 1668 году ѣздилъ въ званіи великаго королевскаго посла въ Москву, для подтвержденія андрусовскаго договора и пополненія его пунктомъ „о слученіи силъ и о союзѣ общемъ противо бусурманъ на оборону прежде Украйнѣ, а потомъ и обоимъ великимъ государствамъ отъ нахожденія бусурманскаго оборонною рукою единъ за единого, яко братъ за брата, отпоръ давати;“ въ 1670 году онъ вторично былъ въ Москвѣ; въ 1671 году участвовалъ въ острожской коммиссіи для переговоровъ съ козаками. Въ 1672 году, по взятіи Каменецъ-Подольска Турками, Бѣневскій былъ посланъ туда королемъ къ „турскому солтану съ выговоромъ, для чего онъ салтанъ пришолъ въ полскіе городы войною тайно? И салтанъ турской сказалъ, что пришелъ онъ въ полскіе городы войною, а не тайно и тѣхъ

посольскихъ правахъ измѣняются, одни послы присягаютъ въ посольской избѣ вмѣстѣ со своими маршалками, другіе на сеймикахъ. Вообще все идетъ совершенно по—римски и, какъ палъ Римъ, такъ и мы должны погибнуть—изба посольская мѣшается въ дѣла сената и наоборотъ, чтобы давить другъ друга и въ свою очередь быть раздавленнымъ. Въ избѣ посольской все продажный народъ, согласный во всемъ томъ, что ведетъ къ нашей погибели, но никакъ не могущій прійти къ согласію, если нужно насъ спасать; пришла пора реформировать ее послѣ столькихъ лѣтъ и дать поручительство въ ея охраненіи"... [1])

Сеймики могли длиться неопредѣленное время. Первое время, выбранные на провинціальныхъ сеймикахъ, послы съѣзжались на общій для всего воеводства или даже для нѣсколькихъ воеводствъ сеймикъ, называвшійся генеральнымъ или просто генераломъ (conventus generalis), на которомъ сводили свои инструкціи въ одну общую инструкцію. Генералъ волынскаго воеводства происходилъ обыкновенно во Владимирѣ; послы русскаго, бельзскаго, кіевскаго и брацлавскаго воеводствъ съѣзжались обыкновенно въ Вишнѣ (м. Судовая Вишня въ Галиціи); послы подольскаго воеводства пріѣзжали въ Корчинъ, для участія въ генералѣ совмѣстно съ послами краковскаго, сандо-

---

пословъ турской салтанъ отпустилъ и приказалъ, чтобъ королевское величество съ нимъ салтаномъ ставилъ поля". Послѣднее извѣстіе о Бѣневскомъ относится къ 1680 году—на него и на его зятя, Каспера Куницкаго, была подана жалоба въ гродскій луцкій судъ за вымогательства и убытки, причиненные жителямъ м. Берестечка и принадлежащей къ нему волости. Бѣневскій былъ три раза женатъ: въ первый разъ на Маріаннѣ Лещинской, дочери воеводы бельзскаго; во второй—на Загоровской, дочери каштеляна инфлянтскаго; въ третій—на Терезѣ Кашевской. Его дочери были замужемъ: одна—за Самуиломъ Лещинскимъ, обознымъ коронным, другая—за Касперомъ Куницкимъ, подчашимъ черниговскимъ.

[1]) Актъ № LXVII.

мирскаго и люблинскаго воеводствъ. Около 1600 года, генеральные сеймики прекратили свое существованіе, вслѣдствіе своеволія шляхтичей, которые такъ затягивали повѣтовые сеймики своими безчинствами, что не было времени съѣзжаться на генеральные сеймики. Впослѣдствіи терминъ „генералъ“ примѣнялся къ землямъ, посылавшимъ прежде своихъ пословъ на одинъ общій генеральный сеймикъ [1]).

Даже законы о неприкосновенности костеловъ ничего не помогали—дворяне буйствовали, попирая эти законы. Черниговскіе дворяне, напримѣръ, жаловались въ 1677 и 1678 годахъ въ своихъ инструкціяхъ на кіевскаго ловчаго, Ковалевскаго, и кіевскаго же подчашія, Проскуру, что они, ведя частное дѣло съ кіевскимъ подкоморіемъ, Мартыномъ Чапличемъ, продолжали срывать сеймики лично и чрезъ подставныхъ лицъ и осквернять святыню пролитіемъ крови, несмотря на то, что они уже осуждены были коронным трибуналомъ [2]). За лесть и деньги на сеймикахъ можно было добиться чего угодно; вотъ, какъ характеризуетъ шляхту и ея съѣзды извѣстный уже намъ Станиславъ-Казимиръ Бѣневскій въ вышепомянутой запискѣ своей: „взгляну на любого собрата моего дворянина, чтобы опредѣлить, въ какомъ положеніи теперь дворянское сословіе вообще, тѣло речипосполитой: здѣсь я вижу страшное стремленіе къ лести, до такой степени, что писанное о Римѣ скорѣе къ намъ можетъ быть примѣнено, что римскій міръ, обманывая, или другихъ портитъ, или самъ нравственно портится; дворяне наши недовольствуются законами и всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ добиваются нарочитыхъ гет-

---

[1]) O sejmach i sejmikach. Presiowski. Bibl. Polska, Turowskiego. Krakow. Serya na rok 1861—zeszyt 16, p. 23 sq.

[2]) Акты №№ LXIX, LXX.

манскихъ универсаловъ. А на сеймикахъ каково-то голоса подаются?! Одинъ Богъ знаетъ, что будетъ! Незнаютъ несчастные, что, въ то время какъ продаютъ, сами себя продаютъ. Вообще много злого между нами происходило!"

Мы не станемь здѣсь касаться организаціи генеральныхъ или вальныхъ сеймовъ, такъ какъ это было бы уклоненіемъ отъ программы нашего изслѣдованія; скажемъ лишь, въ какомъ порядкѣ засѣдали на сеймахъ послы украинскихъ воеводствъ и какова была компетенція сеймовъ по отношенію къ сеймикамъ. Кіевское воеводство было четырнадцатымъ по значенію въ ряду съ другими воеводствами речипосполитой, семнадцатымъ было русское, восемнадцатымъ бельзское, девятнадцатымъ волынское, двадцатымъ подольское, тридцать пятымъ—брацлавское, тридцать девятымъ и послѣднимъ во всей речипосполитой—титулярное черниговское; послы занимали мѣста на сеймахъ соотвѣтственнно значенію своихъ воеводствъ и ревниво оберегали ихъ за собою. Компетенція сеймовъ по отношенію къ сеймикамъ была слѣдующая: на сеймахъ утверждались постановленія сеймиковъ и пріобрѣтали силу законовъ, а также разсматривались инструкціи, данныя сеймиками посламъ, и, по обсужденіи, одобренные пункты инструкцій заносились въ Volumina legum въ видѣ статей постановленія генеральнаго сейма.

По возвращеніи пословъ съ генеральнаго сейма, созывался сеймикъ, такъ называемый, реляційный, на которомъ послы докладывали о результатахъ сейма и въ частности о постановленіяхъ, касавшихся ихъ воеводства или повѣта, при чемъ копіи съ этихъ постановленій, скрѣпленныя подписью и печатью канцлера, вносились въ гродскія или земскія книги. Кромѣ сеймиковъ предсеймовыхъ и реляційныхъ, бывали еще трояхаго рода сеймики—военные, финансовые и судебные. На первыхъ об-

суждались мѣры къ защитѣ отечества въ случаяхъ грозившей внѣшней опасности, дѣлались постановленія о созывѣ посполитаго рушенія и происходилъ выборъ военачальниковъ, о содержаніи постояннаго регулярнаго войска, объ укрѣпленіи крѣпостей, выбирали депутатовъ въ коммиссіи для уплаты жалованія войскамъ и для участія въ военномъ судѣ; на вторыхъ опредѣляли размѣры податей и налоговъ, устанавливали новые, освобождали отъ уплаты податей пострадавшихъ отъ непріятелей, пожаровъ и градобитія, постановляли производить люстраціи и выбирали сборщиковъ податей и налоговъ, ревизоровъ и люстраторовъ; наконецъ, на третьихъ происходили выборы депутатовъ въ коронный трибуналъ, въ земскіе, гродскіе, скарбовые и иные суды.

Помимо обсужденія мѣстныхъ нуждъ на сеймикахъ часто разсматривались вопросы общегосударственнаго характера: касавшіеся внѣшнихъ сношеній, общегосударственной конституціи, религіозные, сословные и т. п. При такой широкой компетенціи сеймиковъ, понятно, что въ ихъ дѣятельности отражалась почти вся внутренняя жизнь государства и потому, чтобы проявленія этой дѣятельности въ разсматриваемый нами періодъ времени были вполнѣ понятны, необходимо вспомнить, хотя въ краткихъ чертахъ, общія событія въ польскомъ королевствѣ за вторую половину XVII вѣка.

1655 годъ былъ знаменательнымъ и тяжкимъ для Польши годомъ: съ одной стороны тѣснили ее Русскіе и захватили Смоленскъ и Вильно, съ другой шведскій король Густавъ ворвался вглубь речипосполитой и принудилъ ее поступить подъ его протекторатъ, а польскій король Янъ Казимиръ съ немногочисленными приверженцами долженъ былъ бѣжать въ Силезію. Война съ Москвой кончилась, было, въ 1656 году, но съ 1658 года опять возобновилась и продолжалась до андрусовскаго

перемирія 1667 года; война же со Швеціей продолжалась до 1660 года, когда былъ заключенъ миръ въ Оливѣ, около Гданска, по которому Янъ Казимиръ отказался отъ претензій на шведскій престолъ, а Густавъ возвратилъ всѣ завоеванныя польскія земли.

Такъ какъ внѣшнія бѣды были еще тяжче вслѣдствіе внутренней неурядицы, то Янъ Казимиръ задумалъ нѣсколько реформировать государственный строй речипосполитой. Главнымъ бѣдствіемъ было, дошедшее до крайности, самоволіе шляхты на сеймахъ, за способствованіе развитію котораго Мартынъ Бѣльскій упрекалъ, какъ мы видѣли выше, королей и магнатовъ; а потому Янъ Казимиръ, желая обуздать шляхту, вознамѣрился, было, усилить значеніе королевской власти черезъ избраніе себѣ преемника при жизни, но это не удалось ему, вслѣдствіе противодѣйствія шляхты, во главѣ которой сталъ честолюбивый польный коронный гетманъ Юрій Любомирскій. Въ 1668 году, утомленный неурядицей, Янъ Казимиръ отрекся отъ престола, указавши на принца Нейбурскаго, какъ на лицо, достойное избранія въ короли. Послѣ продолжительной борьбы, былъ избранъ королемъ въ 1669 году юный князь Михаилъ Вишневецкій, сынъ знаменитаго Іереміи, королевствованіе котораго ознаменовалось продолжительной войной съ Турками, закончившейся въ 1672 году постыднымъ бучацкимъ мирнымъ трактатомъ, по которому Польша лишилась Подоліи и Украины и обязалась взносить Портѣ ежегодно дань. Въ 1673 году коронный гетманъ Янъ Собѣскій одержалъ знаменитую побѣду надъ Турками подъ Хотиномъ, что и доставило ему въ 1674 году польскую корону. Война съ Турками продолжалась и по избраніи его въ короли и въ 1675 году онъ разбилъ Турокъ подъ Львовомъ, а въ 1676 году заключилъ съ ними журавнинскій мирный договоръ, уничтожавшій бучацкій и

возстановлявшій поруганную честь речипосполитой. При дворѣ Собѣсскаго происходила борьба двухъ чужеземныхъ вліяній—французскаго и австрійскаго; наконецъ, послѣднее одержало верхъ и Собѣсскій сталъ помогать Австріи въ борьбѣ съ Турціей—въ 1683 году Собѣсскій окончательно разбилъ Турокъ подъ Вѣной и выгналъ ихъ изъ предѣловъ австрійской имперіи; чтобы привлечь Россію къ участію въ этой борьбѣ, онъ заключилъ съ ней въ 1686 году вѣчный миръ, отказавшись навсегда отъ Смоленска, Чернигова и Кіева. Въ 1696 году Собѣсскій умеръ и въ слѣдующемъ году былъ избранъ польскимъ королемъ курфюрстъ саксонскій Августъ II.

Въ исторіи Украины вторая половина XVII вѣка, преимущественно съ раздѣленія гетманщины на два гетманства по двумъ сторонамъ днѣпровскаго побережья ознаменовалась еще внутренними смутами, буквально опустошившими страну. Этотъ періодъ смутъ, который Костомаровъ опредѣляетъ временемъ со второй половины 1663 года по іюль 1687 года, въ управленіе трехъ утвержденныхъ московскою властью одинъ за другимъ гетмановъ—Бруховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича, извѣстенъ въ народномъ воспоминаніи подъ именемъ «руины» [1]). Главными дѣйствующими лицами этой эпохи, помимо только что названныхъ гетмановъ, были знаменитый правобережный гетманъ Петръ Дорошенко, Юрій Хмельницкій, Михаилъ Ханенко, Иванъ Сѣрко, Евстафій Гоголь и др.



[1]) Костомаровъ. Историческія монографіи. Т. XV. СПБ. 1882. Стр. 3.

II.

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ЮЖНО-РУССКИХЪ ВОЕВОДСТВЪ.

Вторая половина XVII вѣка, какъ можно убѣдиться изъ вышеприведеннаго краткаго очерка событій, была такой порой въ исторіи речипосполитой, когда, можно сказать, безъ умолку гремѣло оружіе. Естественно, что дворянству приходилось подумать прежде всего о томъ, какъ защитить отечество отъ внѣшнихъ опасностей.

Русскія воеводства взаимно тяготѣли другъ къ другу, вслѣдствіе административной принадлежности къ одной провинціи—Малопольшѣ; что касается сепаративныхъ стремленій, то населеніе русскихъ воеводствъ раздѣлялось на двѣ неравномѣрныя части: громадное большинство—низшіе классы стремились отдѣлиться отъ ненавистныхъ Ляховъ и возсоединиться съ лѣвобережной Украиной подъ скипетромъ русскаго царя, меньшинство же—дворянство и высшее духовенство—было довольно своимъ положеніемъ и на немъ оправдывались слова нѣкоторыхъ участниковъ генеральнаго сейма, начавшагося 17 марта 1659 года, что не слѣдуетъ противиться утвержденію статьи гадяцкаго договора о княжествѣ русскомъ, а лишь стараться оттягивать ея осуществленіе, пока не перемрутъ виновники ея составленія, а ихъ *потомки не станутъ и напоминать о приведеніи ея въ исполненіе* [1]).

[1]) Moraczewski. Dzieje Polski. Ks. 29, p. 3 sq.

И дѣйствительно, уже въ 1661 году кіевскіе и волынскіе дворяне объявляютъ въ своихъ инструкціяхъ, что, видя несочувственное отношеніе короля и большинства дворянъ къ постановленію о выдѣленіи изъ речипосполитой княжества русскаго, а также замѣчая, что даже само войско запорожское стало хладнокровно относиться къ осуществленію этой мысли, они согласны, чтобы эта статья гадяцкихъ пактовъ не была приведена въ исполненіе, несмотря на то, что она касается ихъ ближе всѣхъ [1]).

Взаимное тяготѣніе русскихъ воеводствъ по вышеуказаннымъ причинамъ имѣло своимъ естественнымъ послѣдствіемъ то, что дворяне этихъ воеводствъ сообща заботились объ изысканіи мѣръ къ защитѣ отечества, устраивая съ этою цѣлью съѣзды депутатовъ отъ каждаго воеводства, такъ: въ 1655 году кіевскіе дворяне хлопотали объ учрежденіи военнаго совѣта съ тѣмъ, чтобы половина депутатовъ въ немъ была изъ сенаторовъ и военныхъ, а половина изъ представителей украинскихъ воеводствъ, съ назначеніемъ депутатамъ жалованья отъ казны [2]); лѣтомъ того-же года въ кіевскомъ воеводствѣ происходили выборы депутатовъ на съѣздъ представителей всѣхъ малопольскихъ воеводствъ, назначенный въ Люблинѣ на 15 августа [3]), а въ началѣ осени кіевскіе дворяне разсуждали о необходимости съѣзда депутатовъ отъ кіевскаго, русскаго, бельзскаго и волынскаго воеводствъ, для совмѣстнаго обсужденія мѣръ къ защитѣ отечества, въ виду начавшейся войны со Шведами и опасностей, грозящихъ со всѣхъ сторонъ государству [4]); въ 1665 году брацлавскіе дворяне хлопотали о совмѣстномъ совѣщаніи депутатовъ ихъ воеводства, а также кіев-

---

[1]) Акты №№ XVII, XVIII.
[2]) Актъ № III.
[3]) Актъ № IV.
[4]) Актъ № V.

скаго, волынскаго и черниговскаго [1]). Кромѣ того сеймовымъ посламъ постоянно поручалось обсудить совмѣстно съ другими послами мѣры, предлагаемыя королемъ, а также позаботиться объ изысканіи таковыхъ [2]). Иногда такого рода наставленія посламъ дѣлались и въ болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ, такъ: въ 1655 году брацлавскіе и черниговскіе дворяне поручали посламъ обсудить мѣры защиты отечества, предложенныя королемъ, чтобы онѣ не противорѣчили законамъ и вели не только къ сохраненію цѣлыхъ провинцій, но и къ возвращенію отнятыхъ и разоренныхъ [3]); въ 1661 году черниговскіе дворяне хлопотали о продолженіи войны съ московскимъ царемъ, для возвращенія, отошедшихъ по прежнимъ договорамъ, земель, и о недозволеніи впредь уступать послѣднему провинціи, принадлежащія речипосполитой, при заключеніи съ нимъ мирныхъ трактатовъ [4]); въ 1667 году волынскіе дворяне совѣтовали правительству быть осторожнымъ при выборѣ союзниковъ, чтобы они не были опасны для вольностей рочипосполитой [5]), а въ 1669 году, соболѣзнуя кіевскому, черниговскому и брацлавскому воеводствамъ, хлопочутъ, чтобы самъ король отправился во главѣ войскъ въ Украину и возвратилъ изгнаннымъ ихъ пепелища [6]); въ 1676 и 1677 годахъ кіевскіе и черниговскіе дворяне просили о понужденіи московскаго царя къ присылкѣ вспомогательныхъ войскъ, согласно андрусовскому договору и о заключеніи мира съ Турціей [7]).

Самой существенной мѣрой для защиты речипосполитой во второй половинѣ XVII вѣка и короли, и западно-

---

[1]) Актъ № XXVIII.
[2]) Акты №№ XXI, XXII, XXXI, LVII, LVIII.
[3]) Актъ № II.
[4]) Актъ № XVI.
[5]) Актъ № XXXV.
[6]) Актъ № XLV.
[7]) Акты №№ LXVIII, LXIX.

русское дворянство, считали созывъ посполитаго рушенія. Король Янъ Собѣсскій заявлялъ въ 1695 году въ своемъ универсалѣ къ волынскому воеводству, что посполитое рушеніе есть наилучшій способъ защиты отечества [1]); Станиславъ—Казимиръ Бѣневскій говоритъ о значеніи посполитаго рушенія слѣдующее: „благодаря этой милиціи, мы расширили границы нашего отечества, а потому теперь, видя настоятельную потребность въ посполитомъ рушеніи, мы не должны препятствовать его созыву, при такихъ условіяхъ: во первыхъ, чтобы сборъ былъ назначенъ въ началѣ весны; во вторыхъ, чтобы было строго опредѣлено, что можно, а чего не слѣдуетъ дѣлать шляхтичу во время похода, и чтобы сейчасъ же изъ избы посольской и изъ сената, конечно, отъ обѣихъ народностей, были назначены судьи, которые бы разбирали дѣла во время похода и удовлетворяли обиженнаго. Въ походѣ должны участвовать всѣ поголовно и доставлять на общее дѣло свои частныя средства“ [2]). Волынскіе дворяне высказали въ 1659 году мнѣніе, что посполитое рушеніе можетъ вполнѣ замѣнять регулярныя войска, въ случаѣ недостатка средствъ на ихъ содержаніе [3]). Западнорусскіе дворяне вообще выражали готовность участвовать въ посполитыхъ рушеніяхъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они имѣли право не дѣлать этого, въ виду причиненныхъ имъ непріятелемъ разореній [4]); они тяготились этою повинностью лишь тогда, когда ихъ созывали безъ настоятельной потребности и передвигали съ мѣста на мѣсто безъ толку.

Посполитое рушеніе въ речипосполитой XVII вѣка являлось наслѣдіемъ старыхъ временъ.

---

[1]) Актъ № CIг

[2]) Актъ № LXVII.

[3]) Актъ № XIII.

[4]) Акты №№ XXII, XXXV, XLIV, LXXVIII.

Кореннымъ условіемъ литовско-русскаго землевладѣнія была военная повинность, по которой всякій собственникъ обязанъ былъ выставлять извѣстное число вооруженныхъ людей, соотвѣтственно количеству земли, которой онъ владѣлъ. Въ характерѣ литовскихъ феодальныхъ отношеній мы замѣчаемъ два періода, разница между которыми заключается въ величинѣ леновъ—XIV вѣкъ является тѣмъ временемъ, въ который совершается эта перемѣна. При Гедиминѣ и Ольгердѣ преобладаетъ раздача въ видѣ цѣлыхъ областей, которыя даются большею частью лицамъ княжескаго рода, а эти крупные владѣльцы въ свою очередь дѣлятъ свою землю на части и отъ себя уже раздаютъ ее болѣе мелкимъ владѣльцамъ. При отдачѣ земли крупному владѣльцу опредѣлялось количество войска, которое онъ долженъ былъ выставить, но распредѣленіе этого войска по участкамъ зависѣло отъ него самого. Такимъ образомъ создалась цѣлая іерархическая лѣстница ленниковъ. Но къ концу XIV вѣка такое распредѣленіе земли измѣнилось, такъ какъ для правительства такой порядокъ оказался невыгоднымъ. Владѣя большими областями, крупные ленники стремятся къ еще большему расширенію своихъ владѣній и, тяготясь зависимостью отъ князей, стремятся къ самостоятельности—они заключаютъ между собою союзы противъ князя и послѣднему было очень трудно справиться съ ними. Вслѣдствіе этого Витовтъ, какъ мудрый политикъ, рѣшилъ измѣнить этотъ строй: вмѣсто крупнаго, онъ вводитъ систему мелкаго землевладѣнія, раздавая мелкіе участки земли не чрезъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а прямо отъ правительства. Единицей для раздачи земли, съ которой опредѣлялось число воиновъ, была такъ называемая *служба*, содержавшая въ себѣ 10 волокъ, или на нашу мѣру 199 десятинъ. Такихъ службъ давалось иногда и нѣсколько, смотря по заслугамъ полу-

чавшаго лица; по количеству этихъ службъ и опредѣлялось число воиновъ съ извѣстнаго участка земли. Владѣлецъ каждой такой службы долженъ былъ выставить одного вооруженнаго человѣка, въ противномъ же случаѣ лишался права пользоваться своимъ участкомъ. Сборъ ополченія зависѣлъ отъ великаго князя и отъ великаго гетмана. Въ случаѣ надобности собрать ополченіе, правительство, назначая срокъ, извѣщало объ этомъ намѣстниковъ, которые въ свою очередь разсылали путныхъ бояръ извѣстить объ этомъ земянъ, затѣмъ ополченіе каждаго повѣта, имѣя во главѣ особаго начальника, шло на общее мѣсто сбора. Такой сборъ военной силы былъ неудобенъ: онъ былъ сопряженъ съ большою потерею времени, при томъ многіе вовсе не являлись и вообще всякій разъ количество земскихъ силъ было значительно меньше, чѣмъ сколько должно было быть по разсчету правительства. Такая военная организація, несмотря на свое неудобство, просуществовала до люблинской уніи и, какъ увидимъ ниже, съ нѣкоторыми измѣненіями продолжала существовать и впредь. Происшедшія измѣненія объясняются польскимъ вліяніемъ [1]).

Въ польскихъ земляхъ еще въ XIV вѣкѣ при Владиславѣ Локеткѣ (1306—1333) и Казимирѣ Великомъ (1333—1370) существовало народное ополченіе. Со времени правленія Людовика Угорскаго или, лучше сказать, польскихъ пановъ отъ имени короля Людовика (1370—1383), совершаются перемѣны и народное ополченіе пріобрѣтаетъ постепенно тѣ формы, которыя мы наблюдаемъ въ XVII вѣкѣ. Король Людовикъ обязался выкупать на счетъ казны, попавшихъ въ плѣнъ, участниковъ, выведеннаго за границу, посполитаго рушенія; Ягелло, въ

[1]) В. Б. Антоновичъ, l. c.

случаѣ похода за предѣлы речипосполитой, платилъ по пять гривенъ каждому участнику такого похода [1]).

Въ 1573 году, по смерти короля Сигизмунда Августа, состоялось постановленіе варшавской генеральной конфедераціи, по которому король не имѣлъ права созывать посполитаго рушенія и передвигать его за границу безъ согласія сейма; въ 1576 году, по избраніи въ короли Стефана Боторія, эта конституція была подтверждена и было вновь постановлено, что походъ посполитаго рушенія за границу разрѣшался, по испрошеніи согласія на это у сейма, лишь при условіи уплаты пяти гривенъ каждому человѣку за три мѣсяца [2]), maximum времени, на которое можно было выводить посполитое рушеніе за предѣлы польскаго государства [3]). Итакъ, къ концу XVI вѣка короли потеряли право созыва посполитаго рушенія и неограниченнаго распоряженія имъ и это право перешло къ сейму.

Обыкновенно король или какое либо воеводство заявляли о крайней необходимости созвать посполитое рушеніе, затѣмъ вопросъ переходилъ на обсужденіе провинціальныхъ сеймиковъ и слѣдовавшій послѣ этого сеймъ дѣлалъ окончательное постановленіе, которое передавалось въ королевскую канцелярію. Изъ послѣдней разсылались во всѣ воеводства и земли универсалы, за подписью короля съ коронною или литовскою печатью, смотря по тому, куда посылался универсалъ, извѣщавшіе о сеймовомъ постановленіи. Эти универсалы обыкновенно назывались litterae restium или по польски wicie, такъ какъ ихъ привязывали къ прутьямъ, въ свою очередь прикрѣплен-

---

[1]) G. Lengnich, l. c. T. II, p. 622.—S. Hüppe. Verfassung der republik Polen, p. 333.
[2]) Vol. legum, II, 841, 898, 918.
[3]) Lengnich, ib

нымъ къ длинной палкѣ, и такимъ образомъ возили ихъ всюду, для всеобщаго свѣдѣнія. Такіе универсалы разсылались всегда три раза, одинъ послѣ другого черезъ извѣстный промежутокъ времени[1]); затѣмъ дворяне съѣзжались на сеймики, для обсужденія подробностей рушенія, т. е. выбирали себѣ нижнихъ начальниковъ, назначали мѣсто и время сбора.

Въ посполитомъ рушеніи должны были принимать участіе всѣ осѣдлые и неосѣдлые дворяне — отцы со всѣми своими взрослыми сыновьями[2]), даже повѣтовые урядники не должны были уклоняться отъ отбыванія этой повинности[3]); мѣщане владѣющіе землями; поссесоры королевскихъ имѣній[4]); города выставляли пѣхотные отряды[5]). Освобождались, и то отъ личнаго участія, лишь слабые здоровьемъ и старики, но, чтобы не было при этомъ злоупотребленій, имѣющіе право на льготу должны были лично являться на „пописъ“ и условливаться о количествѣ людей и лошадей, которое они обязаны выставить[6]); напротивъ того тѣ лица, у которыхъ имѣнія были или отняты, или опустошены непріятелемъ, какъ, напримѣръ, большинство черниговскихъ дворянъ, вообще крайне убогіе, должны были лично участвовать въ посполитомъ рушеніи и освобождались отъ содержанія вооруженныхъ отрядовъ[7]). Кромѣ того освобождались отъ личнаго участія: бургграбій краковскій; сановники, занимавшіе отвѣтственный постъ; сенаторы; послы къ иноземнымъ государямъ; войскіе; подстаросты; скарбовые

---

1) Lengnich, l. c. T. II, p. 616.
2) Актъ № VI.
3) Актъ № LIX.
4) Hartknoch. De republica polonica, lib. II, cap. VIII, § 2.
5) Акты №№ VIa, III.
6) Акты №№ V, VI в.
7) Актъ № XXXVIII.

составлять пописовые реестра, „съ этого времени"—говоритъ Бѣневскій—„начинается подготовленіе къ паденію речипосполитой". Онъ считаетъ причиной отмѣны „пописовъ" желаніе ослабить значеніе дворянства: „изобрѣтательные сеймовые послы подали мнѣніе, „что пописъ имѣетъ будто бы характеръ рабства, а на самомъ дѣлѣ это дѣлалось, чтобы отпоясать у дворянъ сабли, которыя были грозны, какъ для друзей, такъ и для враговъ; со времени отмѣны пописовъ былъ открытъ путь сильнымъ къ попранію равенства, которому только оружіе служило опорой". За всю вторую половину XVII вѣка въ южнорусскихъ воеводствахъ речипосполитой было, кажется, лишь два „пописа": всѣхъ трехъ повѣтовъ волынскаго воеводства подъ Луцкомъ 26 апрѣля 1669 года [1]) и всего кіевскаго воеводства подъ Несолонемъ (въ житомирскомъ повѣтѣ) 20 апрѣля 1697 года [2]). Конечно, только при соблюденіи прежняго порядка „пописовъ", постановленіе волынскаго воеводства, отъ 6 августа 1657 года, чтобы посполитое рушеніе собралось втеченіе трехъ дней [3]), не было бы пустымъ звукомъ; обыкновенно сборъ къ назначенному мѣсту длился цѣлыя недѣли и даже, когда посполитое рушеніе выступало уже въ походъ, все еще подходили вооруженные отряды и должны были нагонять выступившихъ.

Посполитое рушеніе созывалось въ случаяхъ крайней опасности, для отраженія же внезапныхъ нападеній непріятелей и для поддержанія порядка внутри края, въ предѣлахъ южно-русскихъ воеводствъ все таки стояли регулярныя войска, хотя въ небольшомъ количествѣ, такъ что дворянамъ постоянно приходилось жаловаться на недостаточность ихъ и просить правительство объ увеличе-

---

¹) Latopisiec Ioachima Ierlicza. T. II, p. 139.
²) Актъ № XCIII.
³) Актъ № VI в.

ніи ихъ числа. Въ инструкціи кіевскихъ дворянъ сеймовымъ посламъ, отъ 28 апрѣля 1655 года, мы находимъ жалобу на уменьшеніе количества, стоявшихъ въ кіевщинѣ, войскъ, слѣдствіемъ чего былъ значительный полонъ при татарскомъ набѣгѣ; въ 1659 году кіевскіе дворяне просили въ особенности объ увеличеніи числа гусаръ; въ 1672 году они опять настаиваютъ на увеличеніи количества войскъ, для окончательнаго умиротворенія Украины и при томъ объ одновременной мобилизаціи, предназначенныхъ для этой цѣли [1]). Волынскіе дворяне постановили въ 1658 году послать депутатовъ къ великому коронному гетману, Станиславу Потоцкому, съ просьбой оставить коронныя войска, размѣщенныя въ предѣлахъ волынскаго воеводства [2]); въ слѣдующемъ году они просили о распредѣленіи войскъ по воеводствамъ, соотвѣтственно, слѣдуемымъ съ каждаго воеводства, податямъ [3])— подобное постановленіе состоялось еще на генеральномъ сеймѣ 1652 года, подтвержденіе его произошло на сеймѣ 1662 года [4]); дѣлалось это съ тою цѣлью, чтобы войска были равномѣрнѣе размѣщены по воеводствамъ и чтобы они не были въ тоже время обременительны для населенія. Въ 1681 году волынскіе дворяне опять хлопотали объ увеличеніи войскъ [5]). Кромѣ этихъ просьбъ къ высшему правительству о содержаніи большаго количества жолнеровъ въ южно-русскихъ воеводствахъ, дворяне этихъ воеводствъ понуждали состоятельныхъ частныхъ лицъ способствовать этому: въ 1659 году волынскіе дворяне потребовали, чтобы ординаціи содержали на свой счетъ цѣлые отряды; въ 1661 году они настаивали на причисленіи пѣшихъ отрядовъ, которые

---

[1]) Акты №№ III, XII, LV.
[2]) Актъ № VIII.
[3]) Актъ № XIII.
[4]) Vol. legum, IV, 366, 922.
[5]) Актъ № LXXV.

составлять railописовые реестра, „съ этого времени"—говоритъ Бѣневскій—„начинается подготовленіе къ паденію речипосполитой". Онъ считаетъ причиной отмѣны „пописовъ" желаніе ослабить значеніе дворянства: „изобрѣтательные сеймовые послы подали мнѣніе, „что пописъ имѣетъ будто бы характеръ рабства, а на самомъ дѣлѣ это дѣлалось, чтобы отпоясать у дворянъ сабли, которыя были грозны, какъ для друзей, такъ и для враговъ; со времени отмѣны пописовъ былъ открытъ путь сильнымъ къ попранію равенства, которому только оружіе служило опорой". За всю вторую половину XVII вѣка въ южнорусскихъ воеводствахъ речипосполитой было, кажется, лишь два „пописа": всѣхъ трехъ повѣтовъ волынскаго воеводства подъ Луцкомъ 26 апрѣля 1669 года [1]) и всего кіевскаго воеводства подъ Несолонемъ (въ житомирскомъ повѣтѣ) 20 апрѣля 1697 года [2]). Конечно, только при соблюденіи прежняго порядка „пописовъ", постановленіе волынскаго воеводства, отъ 6 августа 1657 года, чтобы посполитое рушеніе собралось втеченіе трехъ дней [3]), не было бы пустымъ звукомъ; обыкновенно сборъ къ назначенному мѣсту длился цѣлыя недѣли и даже, когда посполитое рушеніе выступало уже въ походъ, все еще подходили вооруженные отряды и должны были нагонять выступившихъ.

Посполитое рушеніе созывалось въ случаяхъ крайней опасности, для отраженія же внезапныхъ нападеній непріятелей и для поддержанія порядка внутри края, въ предѣлахъ южно-русскихъ воеводствъ все таки стояли регулярныя войска, хотя въ небольшомъ количествѣ, такъ что дворянамъ постоянно приходилось жаловаться на недостаточность ихъ и просить правительство объ увеличе-

[1]) Latopisiec Ioachima Ierlicza. T. II, p. 139.
[2]) Актъ № XCIII.
[3]) Актъ № VI в.

ніи ихъ числа. Въ инструкціи кіевскихъ дворянъ сеймовымъ посламъ, отъ 28 апрѣля 1655 года, мы находимъ жалобу на уменьшеніе количества, стоявшихъ въ кіевщинѣ, войскъ, слѣдствіемъ чего былъ значительный полонъ при татарскомъ набѣгѣ; въ 1659 году кіевскіе дворяне просили въ особенности объ увеличеніи числа гусаръ; въ 1672 году они опять настаиваютъ на увеличеніи количества войскъ, для окончательнаго умиротворенія Украины и при томъ объ одновременной мобилизаціи, предназначенныхъ для этой цѣли [1]). Волынскіе дворяне постановили въ 1658 году послать депутатовъ къ великому коронному гетману, Станиславу Потоцкому, съ просьбой оставить коронныя войска, размѣщенныя въ предѣлахъ волынскаго воеводства [2]); въ слѣдующемъ году они просили о распредѣленіи войскъ по воеводствамъ, соотвѣтственно, слѣдуемымъ съ каждаго воеводства, податямъ [3])—подобное постановленіе состоялось еще на генеральномъ сеймѣ 1652 года, подтвержденіе его произошло на сеймѣ 1662 года [4]); дѣлалось это съ тою цѣлью, чтобы войска были равномѣрнѣе размѣщены по воеводствамъ и чтобы они не были въ тоже время обременительны для населенія. Въ 1681 году волынскіе дворяне опять хлопотали объ увеличеніи войскъ [5]). Кромѣ этихъ просьбъ къ высшему правительству о содержаніи большаго количества жолнеровъ въ южно-русскихъ воеводствахъ, дворяне этихъ воеводствъ понуждали состоятельныхъ частныхъ лицъ способствовать этому: въ 1659 году волынскіе дворяне потребовали, чтобы ординаціи содержали на свой счетъ цѣлые отряды; въ 1661 году они настаивали на причисленіи пѣшихъ отрядовъ, которые

[1]) Акты №№ III, XII, LV.
[2]) Актъ № VIII.
[3]) Актъ № XIII.
[4]) Vol. legum, IV, 366, 922.
[5]) Актъ № LXXV.

держатъ при себѣ старосты, къ коронnымъ войскамъ; въ 1671 году постановлено было набрать четыреста десять гайдуковъ, по одному съ сорока дымовъ и снабдить ихъ форменной одеждой—синими шароварами съ желтыми лампасами, кобенякомъ изъ синяго толстаго сукна съ желтыми выпушками, высокими сапогами и всѣми необходимыми военными принадлежностями — мушкетомъ, патронташемъ, саблей, бердышемъ, фитилями, пулями, порохомъ, заступами и провіантомъ на полъ-года [1]); въ 1673 году каждый державца долженъ былъ выставить одного хорошо вооруженнаго коннаго жолнера отъ каждыхъ двадцати дымовъ, включая и еврейскіе, въ синемъ кобенякѣ, обшитомъ бѣлымъ сукномъ, въ такихъ же шароварахъ, въ красномъ кунтушѣ съ подкладкой, снабженнаго провіантомъ и всѣми военными припасами на полъ-года, кромѣ того долженъ былъ дать тридцать шесть злотыхъ на оберъ-и унтеръ-офицеровъ и на другія нужды, или же взамѣнъ всего этого долженъ былъ выдать полтораста злотыхъ за полъ-года [2]).

Бѣневскій хотя и несочувственно относится къ регулярнымъ войскамъ, все же находитъ также необходимымъ увеличеніе числа ихъ; при этомъ онъ высказываетъ желаніе, чтобы они были хорошо дисциплинированы и снабжены всѣмъ необходимымъ, но чтобы отнюдь не была допускаема роскошь, „чтобы не было ни одной серебряной крапинки на лошади". Поручая сеймовымъ посламъ хлопотать объ увеличеніи количества регулярнаго войска, онъ дѣлаетъ для ихъ свѣдѣнія краткую историческую справку о времени его возникновенія и первыхъ временахъ существованія:

„Первый Ягелло ввелъ наемное войско, конное и пѣшее, конному назначилъ ужъ именно незначительное

[1]) Актъ № LXXV.
[2]) Актъ № LX.

жалованье—по десяти злотыхъ на человѣка, пѣшему—по четыре злотыхъ; похвально было пріобрѣсть милицію за такое ничтожное вознагражденіе, но того и не замѣтили, что, отнявъ саблю у своего народа, собственно задушили его. Сигизмундъ II Августъ набралъ пятнадцать тысячъ пѣхоты изъ городской и сельской черни... Король Стефанъ, заботясь объ охранѣ границъ, каковая обязанность, согласно статутамъ и конституціямъ, лежала на короляхъ, чтобы они безъ расходовъ со стороны речипосполитой на собственныя средства защищали границы, отрядилъ двѣ тысячи наемныхъ жолнеровъ противъ крымскихъ, бѣлгородскихъ и очаковскихъ Татаръ, чтобы защитить край отъ ихъ нападеній. Король Стефанъ видѣлъ, что сосѣдство Татаръ опасно для Поляковъ, такъ какъ еще въ 1240 году, поработивши русскія земли, они прорвались чрезъ наши границы, сожгли Краковъ и въ Силезію до самого Легница проникли[1]); а за Лешка I такое огромное число людей изъ Польши выгнали, что подъ Владиміромъ однихъ дѣвочекъ насчитано двадцать двѣ тысячи, попавшихъ въ полонъ татарскій[2]); за Сигизмунда I въ Подоліи пятьдесятъ тысячъ людей въ плѣнъ забрали[3]); до прибытія же Стефана, немедленно по отъѣздѣ изъ Польши короля Генриха, сорокъ тысячъ людей захватили[4]). Не желая видѣть ничего подобнаго въ свое королевствованіе, король Стефанъ первоначально отправилъ тѣ двѣ тысячи жолнеровъ, а затѣмъ пѣхоту, набранную въ королевскихъ имѣніяхъ, въ городахъ и мѣстечкахъ; эта пѣхота оказалась знающей свое дѣло“...

---

[1]) Походъ Батыя. Kronika Boguchwała i Godysława Paska (Mon. P. H. II, 561).

[2]) Въ 1287 г. (Rocznik franciszkanski krakowski. M. P. H. III, 51). или въ 1288 г. (Стрыйковскій, t. I, p. 336).

[3]) Стрыйковскій, t. II, p. 388. 1516 годъ.

[4]) Ib. p. 421. 1575 годъ.

Кромѣ заботъ объ увеличеніи конницы и пѣхоты, западнорусскіе дворяне, хорошо понимая, конечно, всю важность артиллеріи, хлопотали о назначеніи староства въ коронныхъ воеводствахъ съ тридцатитысячнымъ доходомъ и объ ассигнованіи пятнадцати тысячъ злотыхъ изъ суммъ великаго княжества литовскаго на содержаніе артиллеріи, а также о томъ, чтобы часть доходовъ коронныхъ имѣній, опредѣленная на ея содержаніе, поступала болѣе правильно [1]).

Хлопоча объ увеличеніи количества регулярнаго войска, западнорусское дворянство настаивало, чтобы его ряды пополнялись исключительно своими, и противилось содержанію иноземныхъ и иновѣрныхъ жолнеровъ, дорого стоившихъ и опасныхъ въ томъ отношеніи, что могли способствовать централизаціи.

Появленіе иноземцевъ въ качествѣ польскихъ жолнеровъ совпадаетъ съ возникновеніемъ регулярнаго войска въ речипосполитой. Въ 1410 году король Владиславъ Ягелло, во время борьбы съ меченосцами, кромѣ созыва посполитаго рушенія, нанялъ, съ согласія сената, два отряда чужеземцевъ изъ Чехіи, Моравіи и Силезіи. Впослѣдствіи предпочитали нанимать своихъ; впрочемъ, Стефанъ Баторій, чтобы увеличить количество пѣхоты, нанималъ жолнеровъ въ Германіи и Угріи. Болѣе всего иноземцевъ и иновѣрцевъ было въ польской кавалеріи: устроенные на нѣмецкій манеръ отряды рейтеровъ и драгунъ состояли почти исключительно изъ Нѣмцевъ, кромѣ того въ литовскихъ войскахъ были хоругви изъ Татаръ, обывателей великаго княжества литовскаго [2]). До 1573 года короли могли нанимать отряды иностранцевъ лишь съ согласія сената, но съ этого года требо-

[1]) Акты №№ XVII, LXXXII.

[2]) Lengnich, t. II, pp. 420, 422, 425.

валось согласіе сеймовъ; по избраніи въ польскіе короли Генриха Валуа, былъ заключенъ договоръ между речью-посполитой и послами Генриха и его брата, короля Карла IX, по которому послѣдній предлагалъ ввести въ Польшу, въ случаѣ надобности, вспомогательное войско, но *лишь съ согласія сейма*[1])—съ этихъ поръ и установилось, что король не имѣлъ права пользоваться иностранными жолнерами безъ согласія сейма. Въ 1629 г. установленіе это было подтверждено на сеймѣ; въ 1632 г. при избраніи Владислава IV былъ заключенъ обычный договоръ между новоизбраннымъ королемъ и речью-посполитой, по которому опять послѣдовало подтвержденіе, а въ 1638 году тотъ же Владиславъ IV снова обѣщаетъ за себя и за своихъ преемниковъ нанимать чужеземцевъ лишь съ согласія сеймовъ[2]). Установленіе это сохраняетъ силу до конца XVI вѣка[3]). Но, несмотря на то, что наемъ иностранцевъ производился съ утвержденія сеймовъ, западнорусскіе дворяне находили, что все-таки иностранцевъ въ польскихъ войскахъ черезчуръ много и просили объ уменьшеніи ихъ количества. Въ 1658 году были распущены всѣ волошскія хоругви, кромѣ двухъ при гетманахъ, татарскія же оставлены въ прежнемъ количествѣ, такъ какъ Татары обязаны были несть военную повинность, но съ условіемъ, чтобы ротмистрами были осѣдлые дворяне[4]). Южно-русскія воеводства не удовольствовались этимъ уменьшеніемъ и въ 1659 году кіевское, волынское и черниговское—поручали своимъ

[1]) Vol. legum, II, 860.
[2]) Vol. legum, III, 648, 765; IV, 929.
[3]) Ib. VI, 51.
[4]) Ib. IV, 522 sq. „Tatarow zas Litewskich iź powinni słužbę Rzeczyposp. in suo robore zostawiemy“... Очевидно, такъ называемыя, татарскія хоругви и состояли еще въ 1658 году изъ Татаръ, срв. Архивъ Ю. З. Р. IV, т. I, стр. 57 предисловія.

посламъ хлопотать о сокращеніи числа вообще иностранцевъ въ войскахъ, въ особенности же дорого стоющихъ нѣмецкихъ рейтеровъ и иноземной гвардіи, и о замѣнѣ рейтеровъ хоругвями польскихъ гусаръ; въ 1661 г. черниговскіе и волынскіе дворяне просили о содержаніи лишь двухъ инородческихъ хоругвей—татарской и волошской—и то подъ начальствомъ коренныхъ польскихъ дворянъ, и опять о замѣнѣ нѣмецкихъ рейтеровъ польскими гусарами[1]; въ 1665 и 1666 годахъ брацлавскіе дворяне просили о роспускѣ татарскихъ и волошскихъ хоругвей и вообще иностранныхъ войскъ, кромѣ гвардіи, и о болѣе довѣрчивомъ отношеніи къ туземнымъ жолнерамъ[2]. Западно-русскіе дворяне считали иноземныхъ жолнеровъ разорительными въ особенности вслѣдствіе того, что ихъ начальники, оберштеры, позволяли себѣ дѣлать злоупотребленія, захватывая жалованье убитыхъ и отсутствующихъ жолнеровъ, пользуясь тѣмъ, что правительство незнало точно числа выбывающихъ изъ рядовъ войска; въ 1659 году кіевскіе и черниговскіе дворяне, а въ 1661 году волынскіе просили о строгомъ запрещеніи оберштерамъ производить это впредь[3]. Бѣневскій тоже указывалъ на это злоупотребленіе:

„Наемные жолнеры часто самовольно уходятъ, забирая съ собою аммуницію и обмундированіе, и занимаются бродяжничествомъ, будучи ни къ чему негодными—они полезны лишь оберштерамъ, такъ какъ мы даемъ жолнерамъ все необходимое, а оберштерамъ только это и нужно и они же потомъ, нанося намъ вредъ, еще и насмѣхаются надъ нами. Нужно замѣтить, что эти господа оберштеры чуютъ выгоду, какъ муха чуетъ струпъ,

---

[1]) Акты №№ XII, XIII, XVI, XVII.
[2]) Акты №№ XXVIII, XXXII.
[3]) Акты №№ XIII, XVI,

поэтому они и влазятъ къ намъ въ войска. Послы должны похлопотать, чтобы оберштеры, а не жолнеры, отвѣчали собственнымъ имуществомъ за нанесенные убытки.“

Заботясь объ увеличеніи войскъ для защиты Украины, дворяне придумывали, какому порядку подчинить ихъ, чтобы достигать наиболѣе успѣшныхъ результатовъ: они считали неудобнымъ, чтобы гетманы назначались пожизненно, въ особенности въ виду войнъ съ Турками, требовавшихъ вождей бодрыхъ и извѣстныхъ своими военными заслугами [1]), но это мнѣніе черниговскихъ дворянъ осталось неосуществленнымъ; кіевскіе, брацлавскіе и черниговскіе дворяне просили въ 1658 году, чтобы не раздѣляли войскъ на мелкіе отряды, такъ какъ это вело къ пораженіямъ [2]); немаловажное значеніе для успѣха имѣло присутствіе офицеровъ во главѣ отрядовъ, а потому не дозволялось одному лицу имѣть по нѣсколько отрядовъ подъ своей командой, ротмистры же, поручики и войсковые товарищи, оставлявшіе свои отряды, предавались военному суду, а гетманы и другіе высшіе начальники лишались жалованья [3]). Постановленія въ такомъ же духѣ дѣлались не разъ и въ болѣе раннее и въ позднѣйшее время—извѣстны сеймовыя постановленія 1527, 1591, 1609, 1613, 1620, 1654 и т. д. годовъ [4]); но видно, всѣ эти постановленія не исполнялись, если и во второй половинѣ XVII вѣка западно-русскіе дворяне просили о приведеніи въ исполненіе подобныхъ же постановленій.

Хотя дворяне и заботились, какъ видимъ, о введеніи большаго порядка и дисциплины среди войска, на которыхъ основывается успѣхъ оружія, но они не могли ничего подѣлать—и въ мирное, и въ военное время среди

---

[1]) Актъ № X.
[2]) Акты №№ XIII, XVII, XLIV, LXIX.
[3]) Vol. legum, I, 473; II, 1372, 1695; III, 164, 373; IV, 447.
[4]) Актъ № XXXVI.

военныхъ царилъ страшный безпорядокъ, и чѣмъ болѣе было жолнеровъ, тѣмъ болѣе они буйствовали и тѣмъ болѣе убытковъ причиняли они обывателямъ. Западно-русское дворянство, то и дѣло, просило объ ихъ обузданіи, и въ особенности о прекращеніи безчинствъ литовскихъ войскъ и объ удовлетвореніи за убытки, грозя въ противномъ случаѣ не платить податей [1]). Жалобы на грабежи и насилія поступали даже отъ такихъ дворянъ, которые занимали высокое общественное положеніе и вслѣдствіе этого, казалось бы, могли разсчитывать на большую безопасность своихъ маетностей, какъ, напримѣръ: Вишневецкіе, Чарторыйскіе, Лещинскіе, Казимирскіе, Немиричи, Зубчевскіе, Хмелецкіе [2]) и т. п.; поэтому можно судить, что доставалось бѣдной шляхтѣ—она лишь стонала, да безконечно записывала въ актовыя книги свои жалобы. Вотъ, для примѣра, эпизоды, происходившіе на территоріи овруцкаго повѣта кіевскаго воеводства:

Въ декабрѣ 1685 года конная хоругвь стародубскаго маршалка, Криштофа Литавы, отпущена была изъ лагеря на зимнія квартиры, путь ея пролегалъ чрезъ шляхетскія села: Невмерицкое и Левковичи. Порядокъ требовалъ, чтобы начальникъ отряда высылалъ впередъ войсковаго писаря уговориться о квартирахъ, если онъ хотѣлъ расположить свой отрядъ въ какомъ-либо селеніи для дневки; но намѣстникъ Литавы, Сенькевичъ, не сдѣлалъ этого и, не предупредивши, вступилъ въ Левковичи. Его встрѣтили два наиболѣе почтенныхъ шляхтича—Петръ и Романъ Левковскіе, съ заявленіемъ, что ихъ селеніе, по гетманскому универсалу, освобождено отъ постоя; въ отвѣтъ на это Сенькевичъ разразился бранью и ударилъ шляхтича, державшаго гетманскій универсалъ, такъ, что

[1]) Акты №№ IX, LXXIV, LXXVI.
[2]) Актъ № XVII.

ранилъ его и разсѣкъ самый универсалъ, а потомъ приказалъ еще своимъ подчиненнымъ прогнать его. Понятно, что все населеніе Левковичей собралось и прогнало жолнеровъ къ стыду ихъ, хотя и со значительнымъ урономъ своихъ. Въ 1688 году въ Левковичахъ повторилась подобная же исторія. Въ 1691 году шляхтичи Мошковскіе выгоняли жолнеровъ въ с. Мошкахъ [1]) и т. п.

Въ отчаяніи дворяне обращались къ королю и гетманамъ съ мольбами принять мѣры къ обузданію жолнеровъ—строго запрещать особыми универсалами собирать провіантъ и становиться постоемъ въ наслѣдственныхъ дворянскихъ имѣніяхъ; назначать коммиссіи, для разсмотрѣнія жалобъ на нихъ; совсѣмъ распускать, или, по крайней мѣрѣ, выводить изъ предѣловъ Украины хоругви, производящія неистовства [2]). Но всѣ эти, предлагаемыя дворянами, мѣры, хотя и были приводимы въ исполненіе высшимъ правительствомъ, ни къ чему не приводили—мы только что видѣли, какое значеніе придавали жолнеры спеціальнымъ универсаламъ, освобождавшимъ отъ постоевъ; устраивались коммиссіи въ Брестѣ, Гроднѣ, литовская казна выплачивала по 100000 злотыхъ [3]) и болѣе за убытки, и опять таки приходилось хлопотать о назначеніи новыхъ коммиссій, для удовлетворенія за вновь причиненные убытки; распускались, или выводились совсѣмъ изъ предѣловъ южно-русскихъ воеводствъ буйныя хоругви, но вновь поставленныя вскорѣ дѣлались таковыми же. Наиболѣе жалобъ со стороны западно-русскихъ дворянъ приносилось на слѣдующихъ начальниковъ отрядовъ и ихъ подчиненныхъ: Корфа—начальника рейтеровъ, Лозинскаго, Пива, Васильковскаго,

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р. Ч. IV, т. I, 217, 224, 244, 305, 308, 312.
[2]) Акты №№ XXII, XXV.
[3]) Акты №№ LXXI, LXXVI, XCIX.

стоявшихъ въ кіевскомъ воеводствѣ, преимущественно въ овруцкомъ и житомирскомъ повѣтахъ; затѣмъ на Калусовскаго, Вилямовскаго, Вержбицкаго и др., стоявшихъ въ волынскомъ воеводствѣ и т. д. [1]). Главную вину въ распущенности жолнеровъ дворяне совершенно справедливо слагали на самыхъ начальниковъ, такъ какъ послѣдніе часто сами подавали дурной примѣръ своимъ подчиненнымъ, а потому дворяне просили о преданіи ихъ суду и о строгомъ наказаніи за грабежи и своеволіе—Лозинскій, напримѣръ, собиралъ самовольно, судя по инструкціи кіевскаго воеводства 1676 года, провіантъ съ обывателей и кромѣ того по четыре злотыхъ „доброй монеты" съ дыма *въ свою пользу* [2]). Относительно отвѣтственности начальниковъ за распущенность жолнеровъ существовали уже узаконенія отъ предшествовавшихъ вѣковъ: еще въ 1496 году, при королѣ Янѣ Альбрехтѣ, былъ составленъ статутъ, согласно которому ротмистры за грабежи жолнеровъ были караемы тюремнымъ заключеніемъ, какъ соучастники и безпечные начальники; въ 1527, 1567, 1589, 1591, 1601, 1609, 1620, 1625 годахъ состоялись постановленія въ такомъ же духѣ [3]). Къ начальникамъ литовскихъ войскъ западно-русскіе дворяне относились еще строже, чѣмъ къ своимъ, и объявляли, что если никакія мѣры на нихъ не подѣйствуютъ, то они будутъ выгонять литовскіе отряды изъ предѣловъ своихъ воеводствъ вооруженною рукою [4]). О томъ, что производили въ украинскихъ воеводствахъ литовскіе жолнеры, можно составить представленіе со словъ правдиваго и наблюдательнаго Бѣневскаго: „...чего не успѣла сжечь орда, то докончили литовскіе жолнеры, чего не сдѣлали

---

[1]) Акты №№ XVII, XVIII.
[2]) Акты №№ XVIII, XXXII, XLII, XLIV, LXVIII.
[3]) Vol. legum, I, 277, 473; II, 743, 1282, 1373, 1502; III, 496.
[4]) Акты №№ VIII, XXXI, LIV, LVI.

варвары, то сдѣлали варварята; во время своихъ переходовъ и стоянокъ на Волыни, они высосали послѣднюю кровь изъ насъ, заграбили все наше имущество, забрали воловъ и весь хлѣбъ; въ однихъ моихъ имѣніяхъ перебывало болѣе двухсотъ хоругвей... Нужно замѣтить, что имъ отпускается провіантъ въ Литвѣ, а здѣсь они могутъ имѣть лишь кровлю, а они толкуютъ, что и все, что подъ кровлей, имъ принадлежитъ, т. е. крестьянинъ, его жена, дѣти"... Бѣневскій не винитъ высшихъ начальниковъ литовскаго войска въ распущенности жолнеровъ, а исключительно низшихъ и проситъ предать ихъ суду.

Главной и вполнѣ законной причиной распущенности жолнеровъ было то, что они не получали ни средствъ къ содержанію, ни жалованья, вслѣдствіе полнаго разоренія края отъ продолжительныхъ войнъ.

Правда, западно-русскіе дворяне усердно и многократно просили сеймы объ изысканіи средствъ для уплаты жалованья войскамъ [1]); настаивали, чтобы суммы, уплачиваемыя московскимъ царемъ, шли на это [2]); ассигновали съ тою же цѣлью часть суммъ, имѣющихъ составиться отъ сбора подымнаго, шеляжнаго и акцизовъ [3]); уменьшали суммы, подлежащія уплатѣ, выдачей лишь такимъ хоругвямъ, которыя участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ [4]); запрещали начальникамъ иноземныхъ отрядовъ брать жалованье за убитыхъ жолнеровъ [5]); просили не расходовать суммъ, назначенныхъ на уплату жалованья войску, на другія надобности [6]); наконецъ, хлопо-

---

[1]) Акты №№ X, XVI, XVII, XVIII, XIX, XXII, XXIX, XXXII, XLII, LXXI.

[2]) Актъ № LXXI.

[3]) Актъ № XLII.

[4]) Актъ № XXII.

[5]) Актъ № XXIII.

[6]) Актъ № XII.

тали даже объ установленіи новой подати—subsidium reipublicae (въ 1662 году), спеціально для уплаты жалованья войскамъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ воеводства равномѣрно участвовали во взносѣ ея [1]). Но изъ всѣхъ этихъ постановленій и предположеній ничего не выходило, такъ какъ поступленій почти не было. Когда король въ своемъ универсалѣ къ волынскому воеводству, отъ 4 іюля 1662 г., просилъ доставить въ Варшаву два милліона злотыхъ для уплаты жалованья войску, то волынскіе дворяне отговаривались тѣмъ, что они де не получили своевременно универсала и что опасно перевозить такую сумму, въ виду происходящихъ грабежей [2]), въ сущности же такой суммы у нихъ *не было и быть не могло*. А дисциплина среди оголоженныхъ жолнеровъ все болѣе расшатывалась и, наконецъ, они образовали въ речипосполитой свою военную речьпосполитую, подъ названіемъ священной конфедераціи, которая старалась доставить себѣ всѣми дозволенными и не дозволенными мѣрами средства къ существованію. На генеральномъ сеймѣ 20 февраля 1662 года явился посолъ отъ этой конфедераціи, полковникъ Александръ Поляновскій, и изложилъ причины неудовольствія войскъ [3]), нужно сказать, вполнѣ справедливыя. Бѣнѣвскій, впрочемъ, находитъ, что „все что ни дѣлали жолнеры, противно стариннымъ правамъ, что всѣ ихъ предложенія не согласны съ государственными законами, но, по римскому обычаю, всегда они затѣваютъ что нибудь новое и влекутъ за собою речьпосполитую—теперь они требуютъ особыхъ трибуналовъ и устраиваютъ конфедераціи; но лучше не буду говорить объ этомъ ненавистномъ для меня предметѣ... Крестьяне ушли за Днѣпръ, не будучи въ со-

---

1) Актъ № XXIV.
2) Актъ № XXV.
3) Moraczewski, l. c. pp. 47—66 etc.

стояніи переносить жестокостей дикаго жолнера... Жолнеры Марсомъ расхаживаютъ по селамъ нашего воеводства, противъ непріятеля съ нашимъ хлѣбомъ двинутся и исполнится на насъ пословица: остатокъ отъ гусеницы съѣла стрекоза, остатокъ отъ стрекозы съѣла саранча, остатокъ отъ саранчи—ржавчина".

Кромѣ созыва посполитаго рушенія и содержанія регулярнаго войска, западно-русское дворянство хлопотало объ укрѣпленіи замковъ.

Судя по описаніямъ черкасскаго, каневскаго, кіевскаго, луцкаго, чернобыльскаго, винницкаго, остерскаго и мозырскаго замковъ, отъ 1552 года, житомирскаго, отъ 1545 и 1552 годовъ, и по люстраціямъ староствъ кіевскаго воеводства, отъ 1616 года, и остерскаго староства, отъ 1628 года, объ укрѣпленіи замковъ заботились всѣ обыватели: князья, земяне, бояре, мѣщане и крестьяне [1]); впрочемъ, съ конца XVI и въ началѣ XVII вѣка въ укрѣпленіи замковъ стало принимать участіе и высшее правительство. Согласно постановленію коронаціоннаго сейма 1588 года, король Сигизмундъ III долженъ былъ хлопотать объ укрѣпленіи городовъ въ кіевскомъ, волынскомъ и брацлавскомъ воеводствахъ, въ частности—объ укрѣпленіи Кіева, Винницы и Брацлава [2]); въ 1620 г. тотъ же Сигизмундъ III обязался укрѣпить Краковъ, Львовъ, Каменецъ-Подольскъ, Снѣтинъ, Галичъ, Кіевъ, Белзъ, Кременецъ, Хотинъ, Луцкъ, Перемышль, Санокъ, расположенные неподалеку отъ границъ и имѣющіе большое значеніе, при этомъ оговаривалось, что дворяне, желавшіе помѣстить свои семейства для безопасности въ этихъ замкахъ, должны были привезти съ собою провіанту, по крайней мѣрѣ, на полъ-года, оружіе, пороху,

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р. Ч. VII, т. I.

[2]) Vol. legum, II, 1229.

и пуль, не привезшій не допускался въ замокъ[1]). Конечно, эта оговорка исполнялась въ точности, такъ какъ сами дворяне интересовались, чтобы тотъ городъ, куда съѣзжались ихъ семейства, куда свозилось ихъ имущество, былъ снабженъ, какъ можно лучше, всѣмъ необходимымъ, такъ что, если непріятель подступалъ къ городу, „его гнали"—говоритъ Бѣневскій—„и били, какъ собаку". Ко второй половинѣ XVII вѣка хлопоты по укрѣпленію замковъ перешли почти исключительно на старостъ: они должны были заботиться о снабженіи своихъ замковъ гарнизономъ, оружіемъ, провіантомъ; въ случаѣ же, если бы кто или не могъ, или не хотѣлъ дѣлать этого, или еслибы мѣстоположеніе было неудобно для укрѣпленія, такъ что трудно было бы отразить отразить врага, то такія укрѣпленія предписывалось уничтожать и сожигать, а пушки, порохъ и другія военныя принадлежности перевозить въ другія мѣста. Въ виду такого усложненія обязанностей старостъ, запрещалось надѣлять староствами женщинъ и несовершеннолѣтнихъ и предлагалось оказывать предпочтеніе военнымъ, при распредѣленіи староствъ въ украинскихъ воеводствахъ. Еще въ 1620 году состоялось постановленіе, чтобы старосты постоянно проживали въ своихъ староствахъ и заботились объ укрѣпленіи своихъ замковъ, подъ страхомъ лишенія самыхъ староствъ. Дозволялось отлучаться лишь должностнымъ лицамъ и на время избранія короля, но въ этихъ случаяхъ староста долженъ былъ оставить на своемъ мѣстѣ опытнаго въ военномъ дѣлѣ осѣдлаго дворянина съ достаточнымъ количествомъ жолнеровъ. Послѣднее постановленіе было подтверждено въ 1632 году, затѣмъ въ 1648 году[2]), но, вѣроятно, не

[1]) Ib. III, 374.
[2]) Vol. legum, II, 1328, 1285; III, 376, 734; IV, 164, 839. Актъ № XVIII.

всегда исполнялось, такъ какъ въ 1661 году черниговскіе, а въ 1662 году брацлавскіе дворяне хлопотали о понужденіи украинскихъ старостъ къ постоянному проживательству въ ихъ староствахъ [1]); въ 1674 году опять было подтверждено это постановленіе [2]). Съ возложеніемъ заботъ объ укрѣпленіи и защитѣ замковъ на старостъ, они были въ худшемъ положеніи, чѣмъ прежде. Кромѣ того, что старосты, уѣзжая, кидали замки на произволъ судьбы, бывали часто случаи неповиновенія распоряженіямъ старостъ: „хотя"—говоритъ Бѣневскій—„законъ велитъ старостамъ распоряжаться общественной охраной, однакожъ каждый самъ себѣ законъ, не слушаются старосты, переходятъ съ мѣста на мѣсто безъ толку, книги остаются на уничтоженіе, поэтому для сохраненія внутренней безопасности слѣдуетъ возобновить старые порядки"; наконецъ, старосты бывали иногда просто не въ силахъ укрѣпить замокъ, отсюда просьбы, чтобы это производилось на государственный счетъ [3]).

Наиболѣе хлопотало объ укрѣпленіи замковъ волынское воеводство, въ особенности о своихъ повѣтовыхъ городахъ—Луцкѣ, Владимирѣ и Кременцѣ, а также и о другихъ городахъ волынскаго воеводства и даже сосѣднихъ воеводствъ: въ 1667 году они постановили укрѣпить Владимиръ и Кременецъ на счетъ прилежащихъ къ нимъ повѣтовъ, а въ 1670 году на суммы, образовавшіяся отъ чоповаго сбора [4]); въ 1667 году они освободили ковельское староство отъ всякихъ налоговъ, абы былъ укрѣпленъ Ковель, въ этомъ же году ассигновали часть подымнаго сбора на поддержаніе укрѣпленія въ Бѣлой Церкви, а въ 1670 году хлопотали о скорѣйшемъ

[1]) Акты №№ XVI, XIX.
[2]) Vol. legum, V, 219.
[3]) Актъ № XVII.
[4]) Акты №№ XXXV, XLVII.

и пуль, не привезшій не допускался въ замокъ [1]). Конечно, эта оговорка исполнялась въ точности, такъ какъ сами дворяне интересовались, чтобы тотъ городъ, куда съѣзжались ихъ семейства, куда свозилось ихъ имущество, былъ снабженъ, какъ можно лучше, всѣмъ необходимымъ, такъ что, если непріятель подступалъ къ городу, „его гнали"—говоритъ Бѣневскій—„и били, какъ собаку". Ко второй половинѣ XVII вѣка хлопоты по укрѣпленію замковъ перешли почти исключительно на старостъ: они должны были заботиться о снабженіи своихъ замковъ гарнизономъ, оружіемъ, провіантомъ; въ случаѣ же, если бы кто или не могъ, или не хотѣлъ дѣлать этого, или еслибы мѣстоположеніе было неудобно для укрѣпленія, такъ что трудно было бы отразить отразить врага, то такія укрѣпленія предписывалось уничтожать и сожигать, а пушки, порохъ и другія военныя принадлежности перевозить въ другія мѣста. Въ виду такого усложненія обязанностей старостъ, запрещалось надѣлять староствами женщинъ и несовершеннолѣтнихъ и предлагалось оказывать предпочтеніе военнымъ, при распредѣленіи староствъ въ украинскихъ воеводствахъ. Еще въ 1620 году состоялось постановленіе, чтобы старосты постоянно проживали въ своихъ староствахъ и заботились объ укрѣпленіи своихъ замковъ, подъ страхомъ лишенія самыхъ староствъ. Дозволялось отлучаться лишь дожностнымъ лицамъ и на время избранія короля, но въ этихъ случаяхъ староста долженъ былъ оставить на своемъ мѣстѣ опытнаго въ военномъ дѣлѣ осѣдлаго дворянина съ достаточнымъ количествомъ жолнеровъ. Послѣднее постановленіе было подтверждено въ 1632 году, затѣмъ въ 1648 году [2]), но, вѣроятно, не

[1]) Ib. III, 374.
[2]) Vol. legum, II, 1328, 1285; III, 376, 734; IV, 164, 839. Актъ № XVIII.

Продолжительныя войны во второй половинѣ XVII вѣка различно устроили судьбу представителей западнорусскаго дворянства: одни попались въ плѣнъ и ихъ собратамъ приходилось ассигновать значительныя суммы на ихъ выкупъ; другіе имѣли возможность оказать значительныя услуги своему родному краю и были за это щедро награждаемы. Въ 1655 году кіевскіе, брацлавскіе и черниговскіе дворяне хлопотали о выкупѣ женъ и дочерей Прокопа Верещаки, коморника граничнаго, и Павши; въ 1675 году кіевскіе дворяне просили короля о выкупѣ изъ татарской неволи жены и малолѣтняго сына Іосифа изъ Олевска Немирича и Халенскаго, войсковаго товарища изъ хоругви львовскаго подкоморія; въ 1682 году тѣже дворяне просили о выкупѣ, взятаго въ 1665 году подъ Браиловымъ, Яна Заборовскаго [1]). На выкупъ взятыхъ въ плѣнъ Татарами въ 1665 году подъ Браиловымъ было ассигновано и выдано изъ государственной казны гетману великому коронному въ 1668 г. 6000 злотыхъ [2]); но, какъ видно, этой суммы не стало на выкупъ всѣхъ плѣнныхъ.

Награды производились не изъ контрибуцій и не чрезъ залогъ общественныхъ имуществъ, а чрезъ распредѣленіе этихъ самыхъ имуществъ, при этомъ отдавалось предпочтеніе военнымъ заслугамъ предъ гражданскими [3]); но вскорѣ западнорусское дворянство замѣтило какой вредъ государству приносилъ такой способъ награжденія и стало хлопотать о запрещеніи раздавать государственныя имущества въ видѣ награды въ наслѣдственное владѣніе или, по крайней мѣрѣ, о награжденіи такимъ способомъ лишь за выдающіяся заслуги, съ со-

---

[1]) Акты №№ II, III, LXIII, LXXVIII.
[2]) Vol. legum, IV, 1044.
[3]) Акты №№ II, XVIII, LXXV.

подвозѣ провіанта въ Бѣлую Церковь и о награжденіи ея гарнизона[1]); въ томъ же 1670 году волынскіе дворяне настаивали на укрѣпленіи каменецъ-подольской крѣпости, при этомъ они напоминали, что нѣкоторыя башни этой крѣпости должны быть исправлены на счетъ католическихъ епископовъ, такъ какъ это издавна такъ велось и башни какъ бы принадлежали епископамъ и назывались ихъ именами, доказательствомъ чего служатъ, сохранившіеся на башняхъ, гербы епископовъ[2]). Дворяне просили короля назначать комендантами крѣпостей осѣдлыхъ дворянъ и отдавать ихъ подъ судъ, какъ измѣнниковъ, въ случаѣ сдачи, ввѣренной имъ крѣпости, непріятелю[3]).

Объ укрѣпленіи Каменецъ-Подольска заботились также кіевскіе дворяне въ 1661 и 1668 годахъ, брацлавскіе же дворяне хлопотали въ 1662 году о подвозѣ въ Каменецъ-Подольскъ провіанта, а въ 1672 году—о назначеніи туда, въ виду грозящей опасности со стороны Турокъ, храбраго осѣдлаго дворянина въ коменданты. Кіевскіе дворяне настаивали также на укрѣпленіи: въ 1655 году—Староконстантинова, Меджибожа и Полоннаго; въ 1655 и 1661 годахъ—Бара; въ 1661 году—Самбора, Галича и Любомля; въ 1668 году—Владимира, Ковеля, Львова и Лодзи; въ 1673 году—опять Львова и Замостья; кромѣ того, они хлопотали о возвращеніи Кіева и, надѣясь, что это когда нибудь исполнится, сдѣлали постановленіе въ 1668 и 1672 году о немедленномъ вводѣ гарнизона по выходѣ московскихъ войскъ, объ укрѣпленіи его и о принятіи мѣръ, для удержанія его впредь.—Черниговскіе дворяне отчего-то наиболѣе интересовались въ 1683 году укрѣпленіемъ Кракова[4]).

---

[1]) Актъ № XLII.
[2]) Актъ № XLVII.
[3]) Ib.
[4]) Акты №№ III, XVIII, XLII, LIX, LV, LXXXII.

Продолжительныя войны во второй половинѣ XVII вѣка различно устроили судьбу представителей западнорусскаго дворянства: одни попались въ плѣнъ и ихъ собратамъ приходилось ассигновать значительныя суммы на ихъ выкупъ; другіе имѣли возможность оказать значительныя услуги своему родному краю и были за это щедро награждаемы. Въ 1655 году кіевскіе, брацлавскіе и черниговскіе дворяне хлопотали о выкупѣ женъ и дочерей Прокопа Верещаки, коморника граничнаго, и Павши; въ 1675 году кіевскіе дворяне просили короля о выкупѣ изъ татарской неволи жены и малолѣтняго сына Іосифа изъ Олевска Немирича и Халенскаго, войсковаго товарища изъ хоругви львовскаго подкоморія; въ 1682 году тѣже дворяне просили о выкупѣ, взятаго въ 1665 году подъ Браиловымъ, Яна Заборовскаго [1]). На выкупъ взятыхъ въ плѣнъ Татарами въ 1665 году подъ Браиловымъ было ассигновано и выдано изъ государственной казны гетману великому коронному въ 1668 г. 6000 злотыхъ [2]); но, какъ видно, этой суммы не стало на выкупъ всѣхъ плѣнныхъ.

Награды производились не изъ контрибуцій и не чрезъ залогъ общественныхъ имуществъ, а чрезъ распредѣленіе этихъ самыхъ имуществъ, при этомъ отдавалось предпочтеніе военнымъ заслугамъ предъ гражданскими [3]); но вскорѣ западнорусское дворянство замѣтило какой вредъ государству приносилъ такой способъ награжденія и стало хлопотать о запрещеніи раздавать государственныя имущества въ видѣ награды въ наслѣдственное владѣніе или, по крайней мѣрѣ, о награжденіи такимъ способомъ лишь за выдающіяся заслуги, съ со-

---

[1]) Акты №№ II, III, LXIII, LXXVIII.
[2]) Vol. legum, IV, 1044.
[3]) Акты №№ II, XVIII, LXXV.

блюденіемъ равномѣрности, чтобы коронныя имущества не попали въ руки нѣсколькихъ родовъ—въ 1669 году волынскіе дворяне просили, чтобы никто, кромѣ гетмановъ, не получалъ въ награду бо́льшаго имѣнія, какъ въ 30000 злотыхъ доходу [1]). По длиннымъ спискамъ лицъ, подлежавшихъ награжденію, помѣщеннымъ почти въ каждой инструкціи посламъ, отправлявшимся на генеральные сеймы, можно судить о массѣ богатыхъ людей въ западно-русскомъ краѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Это были почти исключительно представители ополячившихся русскихъ родовъ—Вишневецкіе, Чарторыйскіе, Сангушки, Тышкевичи, Пясочинскіе, Проскуры-Сущанскіе, Аксаки, Немиричи, Четвертинскіе-Святополки, Война-Оранскіе, Вельгорскіе, Олизары-Волчкевичи, Гулевичи, Чапличи-Шпановскіе, Гораины и т. д.



---

[1]) Акты №№ XII, XVI, XXII, XXXV, LXVIII, LV, XIII, XLV.

III.

ОТНОШЕНІЕ СЕЙМИКОВЪ КЪ ВОПРОСАМЪ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫМЪ.

Хотя дворяне, по видимому, и заботились и даже, какъ мы видѣли выше, сообща о благѣ государства и, судя по ихъ заявленіямъ, готовы были приносить съ этою цѣлью нѣкоторыя жертвы, но они часто не были въ состояніи своевременно исполнять свои намѣренія и данныя обѣщанія, вслѣдствіе отсутствія истиннаго единодушія, а главное вслѣдствіе того, что въ концѣ концовъ частные интересы брали перевѣсъ надъ общественными; а потому они не разъ подвергались упрекамъ королей. Янъ Казимиръ въ своемъ универсалѣ къ брацлавскому дворянству, отъ 15 марта 1665 года, жалуется, что въ то время, когда онъ совершаетъ далекіе походы въ заднѣпровскіе и даже еще болѣе отдаленные края, куда не заходила даже тѣнь его храбрыхъ предковъ, и переноситъ всякія лишенія и труды, шляхта разрываетъ сеймы и производитъ разныя безчинства [1]). Король Михаилъ въ универсалѣ къ кіевской, черниговской, брацлавской и владиміро-волынской шляхтѣ, отъ 20 марта 1672 года, указывая на заботы правительства о защитѣ государства отъ Турокъ, упрекаетъ ее въ бездѣятельности и горячо призываетъ собраться на сеймики, а затѣмъ на сеймъ, и

---

[1]) Актъ № XXVI.

подумать объ оборонѣ: „...желая помочь вамъ и побудить и другія воеводства къ тому, чтобы эта общая летаргическая безпечность, очевидно добровольная, не окутывала всѣхъ, мы назначаемъ сеймъ; ибо какъ можетъ намъ сочувствовать какой-либо народъ христіанскій, или помогать, если увидитъ, что мы сами или опускаемъ руки, или не можемъ прійти къ соглашенію. Всякій одумается, если убѣдится, что и мы можемъ еще съ Божьей помощью спасти погибающее отечество, лишь бы занялись этимъ. Время дорого, сходитесь же, о граждане! мы же съ своей стороны готовы хлопотать и даже жертвовать собственнымъ здоровьемъ для блага отечества" [1]). Янъ Собѣсскій въ своемъ универсалѣ къ волынскому воеводству, отъ 18 мая 1695 года, упрекаетъ дворянъ косвенно, сокрушаясь объ уклоненіи отъ старыхъ добрыхъ порядковъ и выставляя послѣдствія этого: „Вельможные и благородные, истинно намъ любезные! Мы не съумѣемъ дать реляціи о недавно не состоявшемся сеймѣ [2]), не только потому, что это никогда не виданное явленіе въ речипосполитой, но и потому, что наша отцовская любовь къ отечеству и ко всѣмъ привыкла произносить лишь такія слова, которыя уменьшаютъ, а не увеличиваютъ скорбь, которыя могутъ направлять на ровные пути, отстраняя все тяжкое. Пусть самъ Богъ вольетъ во всѣ сердца ту правду, изъ которой просвѣщенная речьпосполитая могла бы усмотрѣть, что она, отступивши отъ установленій нашихъ предковъ въ отношеніи вольностей, равноправности и главныхъ законовъ своихъ, стала совершенно иной, чѣмъ была при предкахъ. Мы не будемъ тратить

---

1) Актъ № LVI.

2) Собѣсскій взволнованъ, очевидно, вслѣдствіе того, что изъ шести сеймовъ за восемь лѣтъ, съ 1688 года по 1695 годъ включительно, было сорвано пять—два гродненскихъ 1688 г. и 1693 г. и три варшавскихъ 1689, 1693, 1695 гг.

времени на разсмотрѣніе всего этого, предоставляя разсудку каждаго свободное обсужденіе обстоятельствъ, одно только выставимъ на видъ, что если теперь сеймы не приходятъ къ надлежащей цѣли, вслѣдствіе того, что или ихъ срываютъ, или на нихъ молчатъ, то какая гарантія, что и въ будущемъ не будетъ того-же, и слѣдовательно наше отечество будетъ безпомощнымъ въ случаяхъ тяжкихъ и неожиданныхъ опасностей; мы же считаемъ, что въ нашихъ рукахъ только и есть эти два средства защиты отечества: сеймъ и посполитое рушеніе. Но если сеймъ, какъ упомянуто, самъ требуетъ защиты, если посполитое рушеніе тоже, то мы боимся, чтобы не явилось новыхъ трудностей при содержаніи жолнера въ мирное время и во время похода, или, чтобы мы, занявшись приведеніемъ въ порядокъ внутреннихъ дѣлъ, не просмотрѣли грозящихъ внѣшнихъ опасностей, которыя будутъ становиться тѣмъ большими, чѣмъ далѣе будетъ распространять свои успѣхи Порта, гордящаяся своими побѣдами надъ венеціанской синьоріей; и тутъ какъ разъ речьпосполитая безъ совѣта, безъ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ, безъ средствъ для веденія войны, въ самомъ пылу опасностей безъ средствъ для уплаты жалованья войску, потрясенная, и ей грозитъ окончательная гибель и разрушеніе при первомъ натискѣ непріятеля, силу котораго мы испробовали уже—сжалься, Боже!—на самой столицѣ русской, Львовѣ. Въ виду такихъ сильныхъ и никогда небывалыхъ опасностей, мы назначаемъ сеймики, чтобы вы обсудили мѣры для защиты отечества и или сами выступили на поле битвы, или выставили, какъ можно скорѣе, хорошо вооруженнаго жолнера"...[1])

Дворянство само отчасти сознавало свою распущенность и въ тяжкія минуты опасалось могущихъ про-

[1]) Актъ № CI.

изойти отъ нея послѣдствій, а потому относилось къ королямъ съ благодарностью, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ искренней, за ихъ заботы о благѣ государства и хлопотало о принятіи мѣръ къ самоисправленію; но изъ этого въ большинствѣ случаевъ ничего не выходило, вслѣдствіе отсутствія яснаго представленія, какія реформы могли успокоить истерзанную речьпосполитую, а главное вслѣдствіе отсутствія опять-таки единодушія и предпочтенія частныхъ интересовъ общественнымъ, а также вслѣдствіе полнаго нежеланія поступаться сословными правами.

Главной бѣдой и блестящіе, высокоталантливые сыны речипосполитой--Янъ Собѣсскій и Станиславъ Бѣневскій, какъ мы видѣли выше, и многіе дворяне считали распущенность и безпорядочность, царившія на сеймовыхъ засѣданіяхъ, вслѣдствіе которыхъ сеймы, это одно изъ „двухъ главныхъ средствъ для защиты отечества", приносили речипосполитой болѣе вреда, чѣмъ пользы: старый государственный организмъ требовалъ леченія, сеймъ нуждался въ реформахъ.

Чтобы помочь этой бѣдѣ, дворяне постоянно просили короля и генеральные сеймы измѣнить нѣкоторые пункты сеймовой конституціи. Прежде всего они хлопотали о выборѣ наиболѣе удобнаго времени для созыва сеймовъ— въ 1661 году кіевскіе дворяне просили, чтобы сеймы созывались зимой, когда дворяне могли спокойно оставлять свои мѣста, не опасаясь внезапнаго вторженія непріятеля[1]). Хотя этотъ пунктъ инструкціи, данной кіевскимъ посламъ, и не былъ, очевидно, одобренъ на генеральномъ сеймѣ 1661 года, такъ какъ не вошелъ въ сеймовое постановленіе; но на него обратили, вѣроятно, вниманіе, такъ какъ за все послѣдующее время до 1697 г.

[1]) Актъ № XVIII.

лишь одинъ сеймъ 1667 года состоялся въ мартѣ, всѣ же остальные происходили въ январѣ, февралѣ, декабрѣ и два въ сентябрѣ [1]). Обыкновенно и очередные, и экстренные генеральные сеймы продолжались шесть недѣль, хотя въ началѣ королевствованія Яна Казимира и при его предшественникахъ часто происходили и двухнедѣльные или трехнедѣльные сеймы; но въ 1655 году кіевскіе, брацлавскіе и черниговскіе дворяне настаивали чрезъ своихъ пословъ, чтобы, пазначенный на 19 мая 1655 года, генеральный сеймъ продолжался лишь двѣ недѣли, „ибо не время говорить, когда речипосполитой угрожаютъ со всѣхъ сторонъ опасности"; съ этою цѣлью они предлагали уничтожить всѣ предсеймовыя церемоніи и разсматривать лишь финансовыя дѣла, относящіяся къ докладу короннаго подскарбія о податяхъ и вообще о доходахъ речипосполитой [2]). Послы достигли своего—сеймъ продолжался двѣ недѣли и „sine solennitatibus", о чемъ и было заявлено въ сеймовомъ постановленіи [3]). Черезъ десять лѣтъ, т. е. въ 1665 году, черниговскіе дворяне хлопотали уже въ противоположномъ смыслѣ, а именно, о замѣнѣ, назначеннаго на 12 марта 1665 года, двухнедѣльнаго сейма шестинедѣльнымъ [4]), объ этомъ же просили кіевское, волынское, брацлавское и белзское воеводства и земля холмская; но такъ какъ, несмотря на всѣ эти просьбы, сеймъ былъ объявленъ двухнедѣльнымъ, то брацлавскіе дворяне настаивали, въ виду такой „противозаконности", чтобы на немъ разсматривались лишь исключительно финансовыя дѣла и чтобы онъ уже отнюдь не длился долѣе двухъ недѣль [5]). Вѣроятно, вслѣд-

[1]) Vol. legum, IV, 829, 911, 1016; V, 49, 87, 338, 450, 546, 656, 707, 762.
[2]) Акты №№ II, III.
[3]) Vol. legum, IV, 478.
[4]) Актъ № XXVII.
[5]) Актъ № XXVIII.

ствіе всѣхъ этихъ настояній двухнедѣльный сеймъ 12 марта 1665 года, очевидно, считался незаконнымъ, такъ какъ его постановленіе не было внесено въ Volumina legum. Въ инструкціяхъ волынскаго, кіевскаго и черниговскаго воеводствъ на генеральный сеймъ 1667 года [1]) мы опять встрѣчаемъ просьбу о замѣнѣ двухнедѣльнаго сейма шестинедѣльнымъ и, дѣйствительно, сеймъ 1667 г. былъ шестинедѣльнымъ. Затѣмъ уже въ инструкціяхъ всѣхъ воеводствъ до 1697 года мы находимъ просьбы о недозволеніи длить *шестинедѣльные* сеймы [2]) и за все это время не было ни одного двухнедѣльнаго сейма, несмотря даже на то, что на сеймѣ 1673 года состоялось слѣдующее постановленіе: „хотя двухнедѣльный сеймъ запрещенъ закономъ [3]), но такъ какъ мы по многимъ причинамъ считаемъ его полезнымъ для речипосполитой, то, выбравши удобное время, согласно постановленію сената, мы назначимъ таковой, не отмѣняя и на будущее время права назначать двухнедѣльные сеймы“ [4]). Въ 1668 году кіевскіе дворяне, хлопоча о недозволеніи длить сеймы, указывали между прочимъ и на одну изъ причинъ, вслѣдствіе которой затягивались иногда сеймы, а именно, что сеймовые маршалки не всегда открывали сеймъ въ назначенное время, а потому они просили, чтобы этого не случалось впредь [5]). Но главной причиной были безпорядки, постоянно происходившіе на сеймовыхъ засѣданіяхъ, при обсужденіи частныхъ дѣлъ. Однимъ изъ средствъ къ устраненію этихъ безпорядковъ, или, по крайней мѣрѣ, къ предотвращенію того, чтобы

---

[1]) Акты №№ XXXV, XXXVI, XXXVII.

[2]) Акты №№ XLII, LXIX, LXXVIII, LXXXII, XCI.

[3]) Двухнедѣльные сеймы были запрещены въ первый разъ въ 1637 г. Vol. legum, III, 912.

[4]) Vol. legum, V, 120.

[5]) Актъ № XLII.

они не превращались въ побоища, дворяне считали назначеніе засѣданій сейма днемъ, а не при свѣчахъ [1])—изъ за того, что король приказалъ, чтобы затянувшееся засѣданіе продолжалось при свѣчахъ, былъ сорванъ даже гродненскій сеймъ 1681 года [2]). Не одни частныя дѣла бывали причиной безпорядковъ на сеймахъ, и при обсужденіи общественныхъ вопросовъ происходили часто крупныя столкновенія, а тѣ и другія вмѣстѣ вели къ срыванію сеймовъ. Какъ извѣстно, сеймовые послы пользовались правомъ произносить veto, если замѣчали, что пренія на сеймѣ явно клонились ко вреду речипосполитой, нарушали основные законы государства или данныя имъ инструкціи, въ послѣднихъ постоянно повторялось, что послы должны протестовать, если на сеймѣ будутъ трактовать о чемъ-либо, что противорѣчитъ шляхетскимъ вольностямъ, и заносить свои протесты въ гродскія книги того города, гдѣ происходилъ сеймъ, а еслибы урядъ этого города отказался принять протестъ, то его долженъ былъ вписать въ книгу земскій судъ любого воеводства [3]). Дворяне сильно негодовали, если, несмотря на протестъ ихъ пословъ, сеймъ продолжался, или, если изъ королевской канцеляріи выходили универсалы, запрещавшіе срывать сеймы; въ инструкціи брацлавскаго воеводства 1665 года читаемъ: „... Съ великой печалью донесли намъ послы наши, что на прошломъ сеймѣ они, строго придерживаясь данной имъ инструкціи, заявили протестъ въ посольской избѣ противъ происходившихъ на сеймѣ преній, клонившихся ко вреду речипосполитой, а затѣмъ занесли его въ гродскія книги; тѣмъ не менѣе сеймовый маршалекъ рѣшился продол-

[1]) Актъ № LXXV.
[2]) Presiowski, l. c., p. 67,
[3]) Актъ № XLV.

жать сеймовыя засѣданія. Такъ какъ это нарушаетъ основныя права дворянства, то мы обязываемъ нашихъ пословъ вѣрностью, честью и совѣстью, а также нашими острыми саблями, чтобы они настояли на кассаціи всѣхъ постановленій предшествовавшаго сейма, а чтобы маршалекъ посольскій былъ преданъ суду. Нашему воеводству очень обидно, да и всей речипосполитой, что въ королевскихъ инструкціяхъ приказывается намъ, чтобы послы наши никогда не разрывали сеймовъ. Между нами нѣтъ такихъ, которые бы стали губить отечество ради какихъ нибудь негодныхъ корыстей или частныхъ интересовъ, разрывая сеймы; всегда у насъ, какъ на прошлыхъ сеймахъ, такъ и на недавно разорванномъ, послами были люди доблестные, которые не гонялись ни за какими выгодами, не смотрѣли на нагруженные мѣшки, но, какъ честные сыны, любящіе свое отечество, видя замыслы опасные для отечества, видя попираніе правъ, строго придерживались своихъ инструкцій, а потому теперь наши послы будутъ настаивать, чтобы впредь изъ королевской канцеляріи не выходило подобныхъ универсаловъ“ [1]). Это увѣреніе брацлавскихъ дворянъ въ гражданской честности сеймовыхъ пословъ показываетъ лишь до какой страстности доходили вообще дворяне при преслѣдованіи своихъ личныхъ цѣлей и охраненіи своихъ сословныхъ правъ, что извращали факты и говорили то, чему сами, вѣроятно, не вѣрили; въ дѣйствительности послы часто злоупотребляли своимъ правомъ и произносили veto безъ всякаго существеннаго повода, такъ что тѣже дворяне въ рѣдкія минуты безпристрастнаго отношенія къ существующему порядку вещей настаивали, чтобы были принимаемы строгія мѣры противъ лицъ, срывающихъ сеймы безъ достаточныхъ

---

[1]) Актъ № XXVIII.

основаній [1]): въ 1667 году кіевскіе дворяне высказали мнѣніе, что самыми существенными мѣрами противъ срыванія сеймовъ были бы—возстановленіе болѣе довѣрчивыхъ отношеній между королемъ, сенаторами и дворянствомъ и запрещеніе заниматься обсужденіемъ частныхъ дѣлъ на сеймахъ [2]).

Немаловажную роль игралъ на сеймахъ сеймовой маршалекъ [3])—по своему положенію онъ могъ вліять на разрѣшеніе въ томъ или другомъ смыслѣ, предложенныхъ на разсмотрѣніе сейма, вопросовъ, „пропозицій"; въ виду такого значенія сеймоваго маршалка, дворяне требовали, чтобы онъ не уклонялся отъ возводимыхъ на него обвиненій, но чтобы старался оправдаться, а въ случаѣ справедливости обвиненія, чтобы подлежалъ наказанію [4]). На обязанности маршалка лежало между прочимъ внесеніе сеймовыхъ постановленій въ гродскую книгу, отпечатаніе ихъ на казенный счетъ и обнародованіе [5]). Маршалки дѣлали часто злоупотребленія, при исполненіи этой обязанности, внося въ Volumina legum и печатая постановленія, не одобренныя сеймомъ, а потому дворяне требовали немедленно по окончаніи сейма вносить сеймовыя постановленія въ актовую книгу, подъ страхомъ недѣйствительности всего сейма, въ случаѣ неисполненія этого постановленія; чтобы можно было удостовѣриться въ тождественности напечатанныхъ сеймовыхъ постановленій съ утвержденными на сеймѣ, сеймовымъ посламъ выдавались копіи этихъ послѣднихъ [6]).

---

1) Акты №№ XXXV, LVII, LXXV.
2) Актъ № XXXVII.
3) Maciejowski. Historia prawodawstw słowiańskich, t. IV, §§ 145, 146.—Vol. legum, V, 762.
4) Актъ № LXXV.
5) Vol. legum, IV, 706.
6) Актъ № LXXV.

Кромѣ всѣхъ вышеприведенныхъ, осуществившихся и не осуществившихся, желаній западнорусскаго дворянства, оно хлопотало еще о томъ, чтобы сеймы не имѣли права отмѣнять трибунальскія рѣшенія [1]); чтобы можно было выбирать сеймовыхъ пословъ въ большемъ количествѣ, въ виду того, что при частыхъ и продолжительныхъ сеймахъ не всѣ послы могутъ всегда присутствовать [2]); чтобы можно было выбирать сеймовымъ посломъ одно и тоже лицо чрезъ каждые три сейма на четвертый [3]); о подтвержденіи прежнихъ постановленій— чтобы сеймовые послы пользовались даровыми помѣщеніями во время сейма и получали содержаніе отъ казны, въ виду крайняго разоренія воеводствъ, и чтобы сеймовые послы каждаго воеводства занимали обычное мѣсто во время засѣданій сейма [4]), и, наконецъ, западнорусское дворянство хлопотало о перенесеніи генеральныхъ сеймовъ изъ Варшавы въ какой-нибудь южный городъ— во Львовъ или Луцкъ преимущественно [5]). Въ началѣ XV вѣка сеймы собирались въ Люблинѣ, затѣмъ въ Парчовѣ, въ XVI вѣкѣ въ Петроковѣ и Ломжѣ, въ Литвѣ сеймы бывали въ Вильнѣ, но съ 1569 года мѣстомъ собраній сеймовъ назначены были Варшава и Гродно съ тѣмъ, впрочемъ, что, въ случаѣ надобности, можно было созывать сеймы и въ другихъ мѣстахъ [6]). Основываясь на этомъ, западнорусское дворянство и настаивало, чтобы перенесть мѣсто собранія сеймовъ болѣе на юго-востокъ, чтобы ему можно было принимать болѣе дѣятельное участіе въ сеймахъ и пользоваться

---

[1]) Акты №№ XVIII, XXII.

[2]) Актъ № LV.

[3]) Актъ № XLIV.

[4]) Акты №№ XLII, LV.

[5]) Ib.

[6]) Vol. legum, I, 69, 559; II, 622, 777.

большимъ вліяніемъ на дѣла, но попытки дворянъ не увѣнчались успѣхомъ.

Мы говорили выше, что вялость и безуспѣшность дворянства въ дѣлѣ реформированья государственной организаціи объясняются отчасти нежеланіемъ дворянства поступаться сословными правами. До чего оно боялось централизаціи и лишенія своихъ сословныхъ правъ, всего лучше можно видѣть изъ дѣла объ избраніи наслѣдника Яну Казимиру. Когда послѣдній подѣлился съ подданными этой несомнѣнно благой для Польши мыслью, то почти всѣ воеводства отнеслись къ ней крайне враждебно, а западнорусскіе дворяне въ одинъ голосъ высказались противъ нея. На сеймѣ 2 мая 1661 года, когда былъ предложенъ на обсужденіе вопросъ объ избраніи наслѣдника, многіе послы стали говорить противъ приведенія въ исполненіе этого желанія короля, но наиболѣе усерднымъ и краснорѣчивымъ противникомъ былъ Степанъ Ледоховскій, подкоморій кременецкій, посолъ волынскаго воеводства—онъ прочиталъ между прочимъ выдержку изъ данной ему и его товарищамъ инструкціи, что они не должны соглашаться на избраніе, ибо оно можетъ быть причиной несогласій, нарушенія равноправности и шляхетскихъ вольностей [1]), и что не мѣшало бы отложить обсужденіе этого вопроса до другого времени [2]). Ледоховскаго поддержалъ Левальтъ Повальскій, посолъ подольскаго воеводства, законникъ и извѣстный ораторъ, который доказывалъ, что съ допущеніемъ избранія будетъ потрясенъ фундаментъ шляхетскихъ вольностей и польскихъ законовъ, отворены будутъ ворота (sic!) для возстанія цѣлаго края противъ короля [3]). Въ такомъ же

[1]) Moraczewski, l. c., ks. 29, p. 46.
[2]) Актъ № XVII.
[3]) Moraczewski, l. c.

духѣ были составлены инструкціи кіевскаго и черниговскаго воеводствъ; дворяне этихъ воеводствъ шли даже далѣе: они предписывали своимъ посламъ не только не соглашаться на избраніе наслѣдника, но даже, если можно, не допускать преній по этому вопросу до предварительнаго обсужденія на сеймикахъ [1]), а о возможныхъ результатахъ этого обсужденія можно догадываться. Но такъ какъ Янъ Казимиръ не покидалъ надежды осуществить когда-нибудь свое желаніе, о чемъ знали и западнорусскіе дворяне, то они, въ предупрежденіе даже возможности возбужденія снова этого вопроса, продолжали давать самыя грозныя наставленія въ своихъ инструкціяхъ посламъ, такъ: въ 1662 году волынскіе дворяне угрожали инфаміей всякому, возбудившему этотъ вопросъ, и требовали подтвержденія всѣхъ прежнихъ постановленій о свободномъ избраніи королей [2]); черниговскіе дворяне въ 1666 году объявляли измѣнникомъ и врагомъ отечества всякого, осмѣлившагося напомнить объ избраніи наслѣдника [3]); въ инструкціи брацлавскихъ дворянъ отъ того-же года сквозь изысканныя любезности звучитъ таже нота: они де признаютъ, что король хотѣлъ видѣть наслѣдника, избраннаго вольными голосами, несмотря на вредъ, который могло принести это обстоятельство самой его особѣ, вслѣдствіе неслыханной любви и расположенія къ подданнымъ; но что это благочестивое намѣреніе короля не могло имѣть успѣха, не ради дерзости гражданъ, не ради ихъ неповиновенія его королевской милости, но самые законы государственные противодѣйствуютъ благимъ намѣреніямъ короля и та любовь, которую питаютъ подданные къ особѣ короля, ибо речьпосполитая

---

1) Акты №№ XVI, XVIII.
2) Актъ № XXII.
3) Актъ № XXXI.

боялась, чтобы съ выборомъ новаго короля его милость милостивый государь не понесъ какой обиды, чего немогло бы перенесть чувство уваженія граждань речипосполитой къ почтенной особѣ короля; вотъ чего ради речьпосполитая предпочитаетъ, чтобы король долго и счастливо королевствовалъ, чѣмъ чтобы были нарушены права предковъ [1]). Противясь избранію наслѣдника, западно-русскіе дворяне хлопотали въ тоже время о прощеніи польнаго короннаго гетмана Юрія Любомирскаго, главнаго противника централизаціонныхъ стремленій Яна Казимира, и о дозволеніи ему возвратиться на родину, мотивируя свои настоянія тѣмъ, что онъ одинъ можетъ способствовать сохраненію хорошихъ отношеній съ Портой и что пребываніе его за-границей можетъ быть опасно для речипосполитой, въ виду его способностей и выдающагося положенія [2]).

Западно-русскіе дворяне боялись, какъ видимъ, усиленія королевской власти и ревниво оберегали свои права; посмотримъ же, въ чемъ состояли эти права. Прежде всего нужно сказать, что всѣ дворяне въ речипосполитой были безусловно равноправны, вслѣдствіе чего имѣли обыкновеніе взаимно называть другъ друга братьями и враждебно относились къ попыткамъ нѣкоторыхъ честолюбцевъ пріобрѣсть княжескій, графскій и т. п. титулы у иностранныхъ государей, въ особенности у австрійскаго императора, такъ какъ польскій король имѣлъ право раздавать титулы лишь иностранцамъ [3]). Пріобрѣтеніе титуловъ воспрещалось и законами: въ 1638 году состоялось сеймовое постановленіе, по которому никто не долженъ былъ пользоваться вновь и прежде пріобрѣ-

[1]) Актъ № XXXII.
[2]) Акты №№ XXXV, XXXVII.
[3]) Lengnich, l. c., t. II, p. 8—10, 18.

тенными титулами, которые нарушаютъ шляхетскую равноправность, а королевская, гродскія и земскія канцеляріи не должны признавать титуловъ, кромѣ тѣхъ, которые признаны люблинской уніей, но и эти послѣдніе должны подлежать законамъ о равноправности [1]). Въ 1641 году это постановленіе было подтверждено [2]), но все-таки находились лица, добивавшіяся титуловъ у цесаря, и волынскіе дворяне въ 1659 г. просятъ о строгомъ преслѣдованіи такихъ лицъ [3]). Несмотря на эту просьбу, подтвержденіе постановленій 1638, 1641 годовъ послѣдовало лишь въ 1673 году, но за то съ угрозой вѣчной инфаміи [4]).

Польскіе магнаты наиболѣе обращались съ просьбами о дарованіи титула къ цесарю. Это происходило, какъ справедливо замѣчаетъ Морачевскій [5]), вслѣдствіе того, что среди поляковъ господствовали еще средневѣковыя воззрѣнія на папу, какъ на главу духовнаго всего христіанскаго міра, а на цесаря, какъ на главу свѣтскаго. Цесарь былъ въ ихъ глазахъ начальникомъ всѣхъ христіанскихъ государей и хотя и не могъ распоряжаться подданными послѣднихъ, но имѣлъ право награждать ихъ титулами и званіями. Но вскорѣ дворяне, ревниво оберегавшіе свои вольности, замѣтили, что подобное надѣленіе титулами могло повести къ уничтоженію правъ дворянства и даже самой речипосполитой—новопожалованные польскіе князья и графы стали признавать цесаря, на нѣмецкій манеръ, своимъ сюзереномъ и онъ могъ сдѣлаться фактическимъ правителемъ речипосполитой; тогда сказалась любовь польскаго дворянства къ своимъ вольностямъ и состоялось, вышеприведенное нами, сеймовое постановленіе 1673 года.

---

1) Vol. legum, III, 931.
2) Ib. IV, 8.
3) Актъ № XIII.
4) Vol. legum, V, 119.
5) Moraczewski, l. c. p. 40, 121 sq.

Польскіе дворяне имѣли право претендовать на польскій тронъ; они могли владѣть земельной собственностью и владѣвшіе назывались possessionati и пользовались правами, сопряженными съ этимъ званіемъ; дворяне имѣли право владѣть въ городахъ лавками, не платя городскихъ налоговъ и не подлежа власти городскихъ урядниковъ; имѣнія дворянъ были свободны отъ военнаго постоя; дворяне могли разработывать, открытыя въ ихъ имѣніяхъ, руды; дворянскія имѣнія были свободны отъ налоговъ; дворяне могли быть заключаемы въ тюрьму лишь по судебному приговору; дворяне за убійство заключались лишь въ тюрьму и платили денежный штрафъ; наконецъ, одни лишь дворяне имѣли право занимать всякія должности и пріобрѣтать почетныя званія [1]).

Западно-русскіе дворяне особенно оберегали послѣднее право дворянъ. Въ 1681 году волынскіе дворяне, а въ 1688 году брацлавскіе—просили запретить людямъ низкаго происхожденія занимать гродскіе и земскіе уряды [2]). Въ инструкціяхъ всѣхъ воеводствъ высказывается желаніе, чтобы право занимать какой либо урядъ имѣли лишь мѣстные и притомъ осѣдлые (possessionati) дворяне—въ 1669 году кіевскіе дворяне просили даже о назначеніи штрафа въ четыре тысячи гривенъ (отъ 1500 р. до 2000 р.), съ отнятіемъ уряда, если бы какой-либо неосѣдлый дворянинъ получилъ какой-либо урядъ [3]). Кромѣ охраненія права дворянъ относительно должностей и званій, западно-русскіе дворяне настоятельно требовали, чтобы были допускаемы ихъ депутаты въ коммиссіи для переговоровъ съ козаками, Москвой и Пор-

---

[1]) Lengnich, l. c., p. 14, 16—18, 20 sq.

[2]) Акты №№ LXXV, LXXXVIII.

[3]) Акты №№ XII, XVI, XVII, XVIII, XXXII, XLIV, LIII, LVIII. О гродскихъ и земскихъ урядахъ см. Lengnich, l. c., II, p. 273—289.

той, а также въ коммиссіи для обсужденія законопроектовъ, и чтобы вопросы, касавшіеся всѣхъ сословій, никогда не разрѣшались безъ участія представителей отъ дворянъ; но эти требованія западно-русскихъ дворянъ не всегда исполнялись, такъ, напримѣръ, при заключеніи андрусовскаго договора не было спеціальныхъ представителей отъ дворянъ [1]).

Всѣми вышеизложенными правами пользовались лишь коренные дворяне, а новопожалованные лишь по прошествіи извѣстнаго времени. Дворянское званіе жаловалось, какъ награда за заслуги. Въ давнія времена, за Казимира Великаго и позже, право пожалованія имѣлъ король, но съ 1578 года дворянское званіе можно было получать лишь на сеймѣ; впослѣдствіи нужно было представить для этого удостовѣренія сенаторовъ, пословъ, гетмановъ и другихъ урядниковъ въ томъ, что награда дворянскимъ званіемъ заслужена. Имя новопожалованнаго дворянина вносилось въ сеймовое постановленіе. Дворянское званіе могло получить лишь лицо, пользовавшееся правомъ личной свободы и исповѣдовавшее римско-католическую религію. Полныя права дворянства пріобрѣтали лишь правнуки пожалованнаго, и только за изъ ряду выходящія заслуги дворянское званіе даровалось вмѣстѣ со всѣми правами дворянства, что и отмѣчалось въ сеймовомъ постановленіи [2]). Западно-русскіе дворяне оберегали право сеймовъ жаловать дворянство и настаивали, чтобы это было наградой за истинныя заслуги и чтобы лица, незаконно возведенныя въ дворянское званіе, были разжалованы, а еслибы не хотѣли ихъ обижать, то чтобы они выставили на свой счетъ жолнеровъ, сораз-

---

[1]) Акты №№ X, XII, XIII, XVI—XVIII, XXIII, XXVII, XXVIII, XXXI, XXXII, XXXVI, XLIV, LV, LIX, LXXVIII, LXXXII.

[2]) Lengnich, l. c., p. 22, 26 sq.

мѣрно своему состоянію, или прослужили лично, по крайней мѣрѣ, четыре года въ войскѣ [1]).

Особенно скупы были западно-русскіе дворяне на дарованіе правъ дворянства иностранцамъ, что называлось индигенатомъ—они настаивали, чтобы индигенатъ былъ даруемъ лишь за долголѣтнія и выдающіяся заслуги, вслѣдствіе этого списокъ лицъ, которыхъ они представляли въ своихъ инструкціяхъ къ наградѣ индигенатомъ за весь разсматриваемый нами періодъ не великъ, въ выбранныхъ нами инструкціяхъ находимъ лишь слѣдующія представленія: въ 1655 году кіевскіе дворяне хлопочутъ о баронахъ Ульрихѣ и Фердинандѣ Биберштейнахъ, родственникахъ знатнаго польскаго дома Биберштейнъ-Казимирскихъ; въ 1661 году о графѣ Янѣ Целларіи; въ 1669 году объ оберштерахъ Дельмаркѣ и Тишкембекѣ; волынскіе дворяне просятъ въ 1682 году объ Янѣ Беренфайерѣ, маіорѣ Янѣ Киловѣ; въ 1688 г. о Соломонѣ Константинѣ, комесѣ (comes, графъ?) Сирійскомъ, ѣздившемъ нѣсколько разъ посломъ въ Персію, въ этомъ же году брацлавскіе дворяне просили о графѣ де-Малиньи [2]). Изъ представленныхъ получили индигенатъ, кажется, лишь Целларій, Дельмаркъ, Тишкембекъ, Беренфайеръ и графъ де-Малиньи [3]). Впрочемъ, не одни лишь южно-русскія воеводства были скупы на индигенатъ, а и вообще вся речьпосполитая—съ конца XVI вѣка до 1764 года насчитываютъ лишь 1856 лицъ, получившихъ индигенатъ [4]).

Ограниченія въ пріобрѣтеніи дворянскихъ правъ иностранцами были введены съ конца XVI вѣка, до этого времени выходцы изъ Силезіи, Чехіи, Угріи, нѣмецкихъ

---

[1]) Акты №№ X, XXXVI, LXXV.

[2]) Акты №№ III, XVIII, XLIV, LXXX, LXXXVII, LXXXVIII.

[3]) Vol. legum, IV, 866; V, 129, 673, 729.

[4]) Hüppe, l. c., p. 75.

государствъ и изъ другихъ странъ, поселившись на территоріи речипосполитой, тѣмъ самымъ пріобрѣтали всѣ права ея коренныхъ обывателей [1]). Первыми, насколько извѣстно, иностранцами, получившими права дворянства, индигенатъ, какъ особенную милость короля и речипосполитой, были Андрей и Бальтазаръ Баторіи, племянники короля Стефана Баторія—они были приняты въ составъ польскаго дворянства въ 1588 году, по принесеніи присяги королю и речипосполитой на сеймѣ [2]). Въ 1601 году состоялось сеймовое постановленіе, согласно которому для полученія индигената нужно было просить согласія на это какого-либо сеймика, по полученіи котораго въ инструкцію сеймовымъ посламъ вносилось ходатайство о просящемъ и уже послы должны были стараться объ исполненіи пункта своей инструкціи объ индигенатѣ и если достигали своего, то имя удостоеннаго индигената вносилось въ постановленіе сейма [3]). Такой порядокъ дарованія индигената сохранялся до второй четверти XVIII вѣка и далѣе [4]). Постановленіе 1601 года было подтверждено въ 1607 и 1641 годахъ, при чемъ въ послѣднемъ было добавлено, что лица, пожалованныя индигенатомъ послѣ 1607 года, имена которыхъ не внесены въ Volumina legum, лишаются правъ дворянства и имѣній [5]). Индигенатъ имѣли право получать лишь лица, заслуженныя и происходившія изъ благородной фамиліи, вслѣдствіе чего лица, желавшія сдѣлаться польскими дворянами, должны были просить на сеймикахъ объ удостовѣреніи ихъ заслугъ, если же они отличились на войнѣ, то это удостовѣряли король или

---

[1]) Lengnich, l. c., II, 22.
[2]) Vol. legum, II, 1239.
[3]) Ib. 1516.
[4]) Lengnich, l. c., II, p. 23.
[5]) Vol. legum, II, 1634; IV, 11.

гетманы, кромѣ того нужно было представить подлинный документъ отъ правительства той страны, уроженцами которой они были, свидѣтельствующій ихъ родовитость [1]). Въ 1659 году кіевскіе и черниговскіе дворяне просили объ уничтоженіи не утвержденныхъ индигенатовъ, которые приносятъ много вреда речипосполитой; въ 1662 году брацлавскіе дворяне просили о дарованіи индигената лишь за дѣйствительныя заслуги и о преслѣдованіи лицъ, претендующихъ на индигенатъ безъ всякихъ основаній, какъ, напримѣръ: Орсута и Петровичи, не утвержденные и вписанные въ Volumina legum безъ согласія сейма [2]). Вѣроятно, отчасти вслѣдствіе этихъ просьбъ, въ 1662 году состоялось сеймовое постановленіе, согласно которому лица, получившія индигенатъ въ 1658 году и въ слѣдующихъ годахъ, если желали пользоваться дворянскими правами, должны были лично явиться на слѣдующій сеймъ, должно быть, для провѣрки правъ и для принесенія присяги въ вѣрности королю и речипосполитой, кромѣ того къ тому же сейму они должны были пріобрѣсть недвижимую собственность, а кто не исполнилъ бы того и другого, тотъ лишался индигената; въ этомъ же постановленіи сказано, что индигенатомъ могли пользоваться лишь лица, исповѣдовавшія католическую вѣру, что было подтверждено въ 1673 году, вслѣдствіе чего иновѣрцамъ, получившимъ индигенатъ, предлагалось измѣнить вѣроисповѣданіе [3]). Лица, награжденныя индигенатомъ, получали документы, удостовѣряющіе ихъ званіе [4]). Лишь лица съ выдающимися заслугами или знатные иностранцы получали право, тотчасъ по

[1]) Ib. IV, 11; V, 406.
[2]) Акты №№ XII, XIX.
[3]) Vol. legum, IV, 870; V, 133.
[4]) Lengnich, l. c., II, 24.

пріобрѣтеніи индигената, занимать должности въ речипосполитой, обыкновенно же этимъ правомъ могли пользоваться лишь правнуки награжденнаго индигенатомъ [1]).

Нежеланіе надѣлять иностранцевъ дворянскими правами объясняется нерасположеніемъ и недовѣріемъ западно-русскаго дворянства къ нимъ. Дворяне настаивали въ особенности, чтобы иностранцамъ не давали должностей по финансамъ, главное должности подскарбія; также, чтобы ихъ не назначали комендантами пограничныхъ крѣпостей, чтобы имъ не отдавали въ аренду коронныхъ имѣній и чтобы король удалилъ всѣхъ иноземцевъ отъ двора [2])—въ 1669 году было постановлено на избирательномъ сеймѣ, что при королѣ можетъ быть лишь шесть иностранцевъ [3]).

Изъ всѣхъ иностранцевъ наиболѣе враждебно относились западно-русскіе дворяне къ посламъ иноземныхъ государей, въ особенности французскаго короля. Въ 1667 году черниговскіе дворяне настаивали на немедленной высылкѣ французскаго посла и запрещали вступать съ нимъ въ какія-либо соглашенія, такъ какъ онъ мѣшается во внутреннія дѣла речипосполитой [4]), т. е. подбиваетъ Яна Казимира къ отреченію отъ престола и хлопочетъ объ избраніи ему наслѣдника изъ французскихъ принцевъ [5]). Въ 1668 году на сеймѣ разсуждали о томъ, чтобы лишать иноземнаго посла, мѣшавшагося въ дѣло избранія короля, права пользоваться постановленіями о международныхъ сношеніяхъ (jus gentium) и чтобы предписать всѣмъ иноземнымъ посламъ оставить дворъ втеченіе двухъ недѣль, но король не согласился

[1]) Vol. legum, V, 22.
[2]) Акты №№ XIX, XLIV.
[3]) Vol. legum, V, 14.
[4]) Актъ № XXXVI.
[5]) Lengnich, l. c., II, 471.—Moraczewski, l. c., p. 120, 205.

на утвержденіе этого проекта, противорѣчившаго, по его мнѣнію, международному праву, оскорблявшаго его достоинство и опаснаго для цѣлости речипосполитой [1]). Тогда дворяне, и между прочимъ волынскіе, стали настаивать въ 1669 году, чтобы, по крайней мѣрѣ, иноземные послы проживали въ предѣлахъ речипосполитой не далѣе шести недѣль и каждый годъ мѣнялись, чтобы не могли вмѣшиваться во внутреннія дѣла речипосполитой [2]). Но постановленіе, ограничивающее время проживательства иноземныхъ пословъ въ предѣлахъ речипосполитой, состоялось лишь въ 1683 году: „иноземные послы не могутъ проживать постоянно ни при дворѣ, ни вообще въ королевствѣ. Если же бы во время сейма, или въ промежутокъ между однимъ и другимъ сеймомъ, прибыло какое-либо иноземное посольство, то оно имѣетъ право прожить въ предѣлахъ речипосполитой до аудіенціи три недѣли, затѣмъ оно должно было покончить переговоры втеченіе шести недѣль и, наконецъ, ему давалось три недѣли срока на сборы и отъѣздъ. Если же кто изъ пословъ преступилъ бы это постановленіе, то онъ объявлялся врагомъ речипосполитой и лишался всѣхъ привилегій своего званія“ [3]). Но это постановленіе оставалось мертвой буквой, такъ какъ иноземные послы продолжали, проживать при польскомъ дворѣ до полученія предписанія отъ своего правительства о выѣздѣ и продолжали какъ видно, вмѣшиваться во внутреннія дѣла речипосполитой, такъ какъ черниговскіе дворяне въ концѣ того-же 1683 года просятъ запретить имъ дѣлать это впредь, съ таковой же просьбой обращаются къ королю и сейму въ 1688 году брацлавскіе дворяне [4]). Кіевскіе

[1]) Lengnich, l. c., II, 471.
[2]) Актъ № XLV.
[3]) Vol. legum, V, 659.
[4]) Lengnich, l. c., II, 472.

дворяне разсказываютъ въ 1692 году, какъ поступали послы, чтобы успѣшнѣе влiять на внутреннюю политику: они уѣзжали подъ разными предлогами отъ двора и проживали по разнымъ мѣстамъ, обдѣлывая дѣла своихъ государей ко вреду речипосполитой, по ихъ подстрекательству сенаторы съѣзжались въ частныя собранiя, сговаривались и посылали пословъ съ частными инструкцiями къ иностраннымъ государямъ. Кiевскiе дворяне просили, чтобы противъ такихъ преступниковъ были принимаемы строгiя мѣры, а иноземные послы чтобы были высылаемы немедленно послѣ аудiенцiи у короля [1]).

Наравнѣ съ сеймомъ нуждались въ реформахъ и суды. Компетенцiя трибунала, реляцiйныхъ, ассессорскихъ, воеводскихъ, старостинскихъ, подкоморскихъ, земскихъ и т. д. судовъ не была строго опредѣлена; сроки судебныхъ засѣданiй не могли быть назначаемы регулярно, вслѣдствiе замѣшательствъ, происходившихъ на территорiи Украины, по этой же причинѣ депутаты отъ русскихъ воеводствъ въ коронный трибуналъ или опаздывали, или совсѣмъ не прiѣзжали [2]); въ трибуналѣ не соблюдалось никакой послѣдовательности въ разсмотрѣнiи дѣлъ различныхъ воеводствъ, а потому одно другому перебивало [3]); старосты и гродскiе урядники вели свои личныя дѣла въ своихъ же мѣстныхъ судахъ и, конечно, ставили приговоры въ свою пользу [4]); тѣже гродскiе и земскiе урядники, участвуя въ качествѣ членовъ короннаго трибунала въ разборѣ дѣлъ своихъ воеводствъ, опять явля-

[1]) Актъ № XCVI.
[2]) Акты №№ XIII, XV.
[3]) Акты №№ XXI, XLIV.
[4]) Акты №№ XLV, XXXII.

лись пристрастными [1]); сеймы постоянно вмѣшивались въ отправленіе правосудія, измѣняя судебные приговоры [2]); земскіе писаря въ трибуналѣ часто неглижировали исполненіемъ своихъ обязанностей, поручая, напримѣръ, записываніе трибунальскихъ приговоровъ регентамъ, людямъ низкаго происхожденія, или неосѣдлымъ шляхтичамъ, отчего происходило много злоупотребленій [3]). Но самой главной бѣдой была подкупность судей. Въ 1676 году состоялось сеймовое постановленіе, что если будетъ доказано, что ведущій какое-либо дѣло въ коронномъ трибуналѣ далъ взятку кому-нибудь изъ депутатовъ, то подкупившій не могъ продолжать веденія своего дѣла, а подкупленнаго удаляли изъ суда и запрещали впредь занимать какія-либо должности [4]); въ 1678 году на гродненскомъ сеймѣ усилили это постановленіе наложеніемъ еще болѣе тяжкихъ наказаній, какъ на берущаго взятку, такъ и на дающаго [5]). Но видно, эти постановленія не отбили охоты брать взятки, такъ какъ уже въ 1681 г. волынскіе дворяне просили опять о наказаніи не только судьи, берущаго взятки, но и лица дающаго, впрочемъ, если этотъ послѣдній самъ выявитъ подкупнаго судью, то чтобы онъ не только не подлежалъ отвѣтственности, но чтобы еще былъ награжденъ, если справедливость доноса будетъ удостовѣрена двумя свидѣтелями изъ дворянъ и допросомъ обвиняемаго въ присутствіи свидѣтелей [6]); въ слѣдующемъ году тѣже волынскіе дворяне просили уже, чтобы подвергались наказанію лишь подкупленные, а подкупающіе чтобы не были наказываемы,

---

[1]) Актъ № LXXXVIII.
[2]) Актъ № XCVII.
[3]) Ib.
[4]) Vol. legum, V, 357.
[5]) Ib.
[6]) Актъ № LXXV.

дабы не боялись заявлять о подкупѣ[1]), таковое же желаніе выражали въ 1693 году кіевскіе дворяне относительно подкупающихъ, а чтобы подкупный судья былъ караемъ уплатой тройной суммы взятки, съ запрещеніемъ исполнять какія-либо обязанности и пользоваться почетными званіями, по приговору какого бы то ни было суда[2]); но черниговскіе дворяне въ томъ же году просили, чтобы дѣла о подкупахъ разсматривались лишь на сеймахъ[3]). Въ 1694 году брацлавскіе дворяне просили о подтвержденіи всѣхъ прежнихъ строгихъ постановленій о подкупныхъ судьяхъ и объ освобожденіи отъ всякой отвѣтственности лицъ, дающихъ взятку по принужденію[4]).

Исполненіе судебныхъ приговоровъ лежало на старостахъ и войскихъ, но такъ какъ это были все свои люди, шляхтичи, у которыхъ у самихъ рыльце бывало въ пушку, и такъ какъ ихъ ничто не понуждало, то они не только не карали преступниковъ, но часто даже укрывали приговоренныхъ къ инфаміи, баниціи и другимъ наказаніямъ[5]). Здѣсь кстати замѣтить, что суды въ южнорусскихъ воеводствахъ не имѣли права приговаривать къ инфаміи и баниціи, а потому дворяне этихъ воеводствъ обращались къ сеймамъ съ просьбами дать имъ это право[6]).

Неудивительно, что, при такомъ состояніи суда и исполнительной власти, шляхта сильно своевольничала. Немало убытковъ наносили обывателямъ своевольныя толпы, бродившія по селамъ, подъ видомъ партій ново-

---

[1]) Актъ № LXXX.
[2]) Актъ № XCVII.
[3]) Актъ № XCIX.
[4]) Актъ № C.
[5]) Акты №№ XCVII, XCIX, C.
[6]) Актъ № XVI.

бранцевъ [1]), а также отряды частныхъ лицъ со своими панами во главѣ. Чтобы обуздать послѣднихъ, волынскіе дворяне просили въ 1661 году подвергать буйныхъ пановъ и ихъ ротмистровъ тройной уплатѣ убытковъ и штрафу въ 300 марокъ, но безчинства продолжались— въ 1662 году тѣже волынскіе дворяне жаловались на осѣцкаго старосту, Криштофа Опалинскаго (?), за опустошеніе города Корца и мѣстечка Клевани [2]), въ 1669 г. кіевскіе дворяне хлопотали о недозволеніи магнатамъ держать большіе отряды, которые притѣсняютъ бѣдныхъ дворянъ [3]).

Поразительнымъ примѣромъ презрительнаго отношенія дворянъ къ законамъ и судебнымъ приговорамъ для первой половины XVII вѣка былъ знаменитый стражникъ коронный, Самуилъ Лащъ, сдѣлавшій себѣ мантію изъ судебныхъ приговоровъ къ баниціи [4]); для второй половины XVII вѣка весьма характернымъ, но далеко не единичнымъ явленіемъ былъ нѣкій Александръ Илинскій, войскій черниговскій, на котораго жаловались въ 1669 году дворяне Порванецкіе, „самые мирные граждане волынскаго воеводства“. Илинскій, поселившись въ Луцкѣ, только и дѣлалъ, по словамъ инструкціи волынскихъ дворянъ, что ссорилъ мирныхъ обывателей своими злостными, хитрыми и коварными кознями, а Порванецкихъ, людей уважительныхъ, особенно преслѣдовалъ, такъ что выгналъ ихъ изъ ихъ покойнаго мѣстожительства въ другія воеводства, земли и повѣты, доказывать свою невинность, причинилъ имъ большіе убытки и, несмотря на то, что Илинскій не разъ подвергался приговорамъ каптуровыхъ судовъ волынскаго воеводства за

[1]) Актъ № XIII.
[2]) Акты №№ XVII, XXII.
[3]) Актъ № XLIV.
[4]) Antoni J. Szkice i opowiadania. Serya piąta. Kr. i W. 1887, p. 121.

свои злостные поступки, несмотря на то, что онъ приговоренъ къ тюрьмѣ и штрафу, ни въ тюрьмѣ не сидѣлъ, ни штрафу не платилъ, а еще даже аппеллировалъ въ варшавскій генеральный каптуровый судъ и искалъ защиты на сеймикахъ кіевскихъ брацлавскихъ и черниговскихъ [1]).

[1]) Актъ № XLV.

IV.

ОТНОШЕНІЕ СЕЙМИКОВЪ КЪ ВОПРОСАМЪ ЭКОНОМИЧЕСКИМЪ.

Постоянныя войны и безпорядки въ администраціи и судахъ не могли, конечно, способствовать правильному развитію экономической жизни южно-русскихъ воеводствъ во второй половинѣ XVII вѣка, вслѣдствіе чего и поступленіе государственныхъ доходовъ шло туго. Приходилось освобождать отдѣльныхъ лицъ и цѣлые города и селенія отъ уплаты податей и даже отъ замѣны ихъ натуральною повинностью, въ виду крайняго разоренія. Прослѣдимъ нарочно въ хронологическомъ порядкѣ и по воеводствамъ всѣ либертаціи, находящіяся въ нашихъ актахъ, чтобы составить хотя приблизительное понятіе о ихъ массѣ вообще въ речипосполитой, а въ южно-русскихъ воеводствахъ въ частности, и о томъ вліяніи, которое онѣ оказывали на размѣры доходовъ речипосполитой.

Въ 1655 году кіевскіе дворяне просили генеральный сеймъ объ освобожденіи отъ военнаго постоя м. Берестечка, разореннаго непріятелемъ; въ 1659 году они-же хлопотали о запрещеніи выдавать жолнерамъ окладные листы на полученіе налоговъ съ разоренныхъ дворянъ; въ 1661 году о льготѣ кіевскому воеводству, въ случаѣ постановленія о равномѣрномъ распредѣленіи податей; въ 1665 году о неотягощеніи обывателей ихъ воеводства повинностями; въ 1667 году объ освобожденіи г. Влади-

мира на четыре года отъ всякихъ податей, въ 1669 году о подтвержденіи этой либертаціи, съ продленіемъ на десять лѣтъ [1]).

Волынскіе дворяне постановили въ 1658 году освободить отъ уплаты податей ограбленныхъ и погорѣльцевъ; въ 1661 году просили объ освобожденіи г. Кременца отъ постоя и уплаты податей; въ 1669 году хлопотали объ уменьшеніи числа лошадей, которое должно было выставить волынское воеводство. Въ постановленіяхъ 1679, 1680, 1681, 1684, 1690 годовъ мы находимъ длинный списокъ мѣстъ и лицъ, получившихъ либертаціи, освобождались: м. Немѣричовъ, Зобачовка тожъ, принадлежавшее подчашему вилькомирскому, Дмитрію Жабокрицкому и его женѣ Маріаннѣ нѣсколько разъ горѣвшее въ 1679 г., а 13 апрѣля окончательно выгорѣвшее; имѣнія Лукаша Чеповскаго, Іоахима Тенгошевскаго, Андрея Клечковскаго и Шимоновскаго; одиннадцать дворовъ погорѣльцевъ въ с. Гороховѣ, имѣніи каштеляна брацлавскаго, Віельгорскаго; двѣсти дворовъ погорѣльцевъ въ м. Клевани, имѣніи воеводы волынскаго, князя Чарторыйскаго; имѣнія князя Андрея Святополкъ-Четвертинскаго; Ильи Лонскаго, хоружаго земли прусской; Волчкевича-Олизара, подсудка кіевскаго; Вольскаго; Вацлава Чаплинскаго; Яна Иганскаго, Андрея Бѣлецкаго, Анцуты, Нарбутовой, Андрея Стрижевскаго, Даніила Гулевича, Петра Козицкаго и др; улица въ г. Острогѣ, называемая Калицкая; грунты въ г. Кременцѣ Лешницкихъ и Копыстенскаго; с. Аршичинъ, наслѣдственое имѣніе брацлавскаго воеводы, находившееся въ пожизненномъ пользованіи Войцѣха Кржишковскаго, войскаго владимирскаго, пострадавшее 13 августа 1682 года „отъ невиданной и неслыханной“ бури, во время которой былъ убитъ

[1]) Акты №№ III, XIII, XVIII, XXIX, XXXVII, XLIV.

даже самъ державца, Николай Козинскій; с. Новый Дворъ Мартіяна Чаплича-Шпановскаго, подкоморія кіевскаго, и с. Поддубцы подъ г. Корцемъ; м. Острожецъ и с. Вербы Яна Олизара-Волчкевича, подсудка кіевскаго, понесшаго убытки отъ пожара во время грозы; с. Галичаны и с. Дворки Вацлава Зубчевскаго, подчашаго новогродскаго, пострадавшія отъ огня и градобитія; с. Городище и с. Княгининъ Ѳомы Гуляницкаго; м. Перенятинъ, с. Ледуховъ, и с. Лосятинъ дворянъ Осѣцкихъ; с. Гороховинъ (?) Александра Балабана, городничаго луцкаго; с. Переспа Степана Витонизскаго, чашника волынскаго; с. Лыще оо. іезуитовъ [1]). Черниговскіе дворяне просили въ 1661 году объ оказаніи снисхожденія разорившимся во время войны съ Москвою; въ 1671 году о льготѣ относительно новыхъ налоговъ на содержаніе войска и въ 1693 году объ освобожденіи отъ уплаты податей за грунты во Владимирѣ и Луцкѣ Францишка Цѣшковскаго, судьи земскаго черниговскаго, Степапа Цѣшковскаго, подчашаго новогродскаго, Станислава Войно-Оранскаго, ловчаго черниговскаго [2]). Въ 1661 году былъ освобожденъ на четыре года г. Брацлавъ отъ военнаго постоя и уплаты податей, кромѣ таможенныхъ пошлинъ и чоповаго [3]). Въ 1690 году получилъ восьмилѣтнюю льготу г. Белзъ [4]).

Естественно, что эти, раздаваемыя столь широкою рукою, либертаціи были не послѣдней причиной постояннаго недостатка денегъ въ казнѣ, а потому часто приходилось прибѣгать къ экстраординарнымъ мѣрамъ, съ цѣлью пріобрѣтенія, необходимыхъ на разныя потребности и въ особенности на войско, средствъ—къ займамъ.

---

1) Акты №№ LXXI, LXXIV, LXXVI, LXXXIV, XCIII.
2) Акты №№ XVI, LII, XCIX.
3) Vol. legum, IV, 821.
4) Ib. V, 780.

Самымъ обычнымъ способомъ добыванія денегъ былъ залогъ коронныхъ имѣній, костельнаго серебра, а также короннаго серебра и клейнотовъ речипосполитой, состоявшихъ изъ серебряныхъ кубковъ, позолоченныхъ кувшиновъ, золотой короны, единорога [1]) и пр. Въ концѣ XVI вѣка всего короннаго серебра и клейнотовъ было на сумму около 30-50000 злотыхъ. Но брать деньги, какъ водится, было легко, отдавать же трудно, а потому мы не разъ видимъ въ инструкціяхъ настоятельныя просьбы западнорусскихъ дворянъ объ уплатѣ хотя неотлагательныхъ долговъ, какъ, напримѣръ, курфюрсту бранденбургскому и крымскому хану, а послѣднему и обычныхъ поминокъ, о выкупѣ у цесаря величковскихъ и бохненскихъ соляныхъ копей; объ изысканіи средствъ къ возвращенію костельнаго серебра; о выкупѣ клейнотовъ речипосполитой. Въ виду массы долговъ иностранцамъ, дворяне настаивали, чтобы казенные долги гражданамъ речипосполитой уплачивались лишь по несомнѣнномъ удостовѣреніи дѣйствительности долга, и просили своихъ собратовъ дворянъ, которымъ казна была должна, повременить съ полученіемъ слѣдуемыхъ денегъ, въ виду тяжкаго положенія государственныхъ финансовъ; а черниговскіе послы выступили въ 1667 году съ весьма наивнымъ предложеніемъ отложить уплату долговъ частнымъ лицамъ до болѣе счастливыхъ временъ [2]).

Снисхожденія при уплатѣ арендъ, податей и налоговъ, оказывались и прежде: во времена короля Стефана Баторія арендаторы соляныхъ копей и таможень въ письменныхъ условіяхъ имѣли гарантіи, что, въ случаѣ эпидеміи, войны и другихъ бѣдствій, если бы они понесли въ своихъ доходахъ явный ущербъ, скарбъ ко-

---

[1]) A. Pawinski. Skarbowosc w Polsce etc. W. 1881. Pp. 243,247 sq.
[2]) Акты №№ XVII, XVIII, XXII, XXXVI, LIX.

ронный оказывалъ имъ снисхожденіе; тоже дѣлалось при собираніи доходовъ съ коронныхъ имѣній, если староста показывалъ уменьшеніе доходовъ, вслѣдствіе пожара города или села. Обыкновенно, просьбы о снисхожденіи приносились коронному подскарбію или самому королю на сеймѣ, съ указаніемъ на разныя бѣды: нашествіе Татаръ, Волоховъ, пожаръ, градобитіе, наводненіе и т. д. Погорѣвшіе города и деревни имѣли право на льготу относительно уплаты податей впродолженіе четырехъ или пяти лѣтъ, которое утверждалось старостами или сборщиками податей, по удостовѣреніи происшествія [1]).

На содержаніе войска и уплату казенныхъ долговъ во второй половинѣ XVII вѣка шли между прочимъ суммы, составлявшіяся отъ сбора слѣдующихъ податей и налоговъ: поземельной, подымной, чоповаго, шеляжнаго и акцизовъ.

Въ литовско-русскихъ земляхъ еще до люблинской уніи главнымъ источникомъ казенныхъ доходовъ были подати, которыя были двухъ родовъ: дань натурою и денежная дань.

Дань натурою установилась въ обычаѣ и вошла въ жизнь еще въ очень отдаленное время. Въ XIII вѣкѣ мы встрѣчаемъ очень много родовъ этой натуральной дани. Разныя лица вносятъ дань хлѣбомъ, сѣномъ и въ особенности медомъ. Съ конца XIII вѣка замѣчается стремленіе правительства перемѣнить эту дань натурою на денежную, что и удалось большею частью къ половинѣ XV вѣка, причемъ денежная дань стала называться грошевою; гдѣ же не удалось сдѣлать это, тамъ правительство переуступало сборъ натуральной дани разнымъ частнымъ лицамъ, а отъ нихъ требовало соразмѣрной денежной дани или службы. Кромѣ дани были еще и

[1]) Pawinski. Skarbowosc etc. P. 284 sq.

другіе источники доходовъ казны: судебныя пошлины и штрафы, мыта, государственныя имущества и право на выморочныя имущества—„отумерлыя речи". Въ XVI вѣкѣ въ южно-русскихъ воеводствахъ появились различные новые подати и налоги въ изобиліи, что составляетъ характерную черту польскаго финансоваго устройства, въ томъ числѣ и вышеперечисленные.

Наиболѣе старою податью была поземельная—она была въ употребленіи въ Польшѣ еще въ XIII вѣкѣ; въ 1374 году взималось по два гроша отъ лана обработанной земли [1]). Впослѣдствіи въ волынскомъ и кіевскомъ воеводствахъ, гдѣ земля не была вымѣрена, единицей для опредѣленія размѣра подати былъ или дымъ, или крестьянская усадьба; въ русскомъ и подольскомъ воеводствахъ такой единицей былъ плугъ въ дѣйствіи [2]). Эта замѣна лана дымомъ и т. д. существовала уже въ XV вѣкѣ. Во второй половинѣ XVII вѣка, когда деньги были крайне нужны для содержанія войска, дѣлались часто постановленія о сборѣ подымнаго въ двойномъ, тройномъ и т. д. размѣрѣ сравнительно съ нормальнымъ и притомъ по нѣсколько разъ въ годъ. Волынскіе дворяне, напримѣръ, ассигновали 4 апрѣля 1658 года на содержаніе короннаго войска, стоявшаго въ предѣлахъ ихъ воеводства, двойное подымное, а также съ каждыхъ десяти

---

[1]) Vol. legum, I, 56. Въ ланѣ обыкновенно считали 3 уволоки, въ уволокѣ 30 морговъ. Ланы были четырехъ родовъ: французскій, нѣмецкій, крестьянскій и ревизорскій. Нѣкоторые изъ нихъ подраздѣлялись на малые и большіе. Французскій большой = 25,977 русской десятины, франц. меньшій = 22,11463 рус. дес., нѣмецкій = 23,34143 рус. дес., крестьян. б. = 11,780 рус. дес., крестьян. м. = 3,7365 рус. дес., ревизорскій = 4,930433 рус. дес. Впослѣдствіи подъ словомъ łan начали понимать обыкновенную уволоку, напр., въ 1613 году, въ универсалѣ Сигизмунда III о податяхъ говорится: z woytowstw w dobrach naszych (królewskich) i duchownych z każdego łanu abo włoki osiadłey płacic będą po złotych dziesięci na pobor uchwalony.

[2]) Pawinski. Sbarbowosc etc. P. 145, 425.

дымовъ по полъ-четверти жита, по полъ-четверти овса мѣрой луцкой—и подымное, и хлѣбъ, обыватели должны были отвозить сами черезъ недѣлю по расквартированіи хоругвей и получать квитанціи въ доставкѣ; 18 сентября 1658 года, несмотря на бѣдственное положеніе волынскаго воеводства, было ассигновано опять сначала тройное подымное, а потомъ было замѣнено семернымъ. Въ 1662 г., назначенная, было, поземельная подать была замѣнена подымной; въ 1671 году былъ произведенъ сборъ четвернаго подымнаго на уплату жалованья и содержаніе войска. Это подымное должны были уплачивать лишь крестьяне-собственники, которые пахали поле либо своими, либо панскими, либо наемными волами, и засѣвали его; крестьяне же, имѣвшіе лишь хату и огородъ, освобождались отъ уплаты этого подымнаго. Послѣдніе должны были платить подушное, равно какъ и бродяжничавшіе или гультяи, какъ ихъ обыкновенно называли, которые не нанимались на службу на годъ, но переходили съ мѣста на мѣсто; къ этому же классу принадлежали ходившіе по селамъ и игравшіе на волынкахъ и гусляхъ и т. п., послѣдніе платили въ XVI вѣкѣ по 24 гроша отъ человѣка, въ 1697 году взималось съ мужчины полъ-злотаго, а съ женщины 6 грошей [1]).

Кіевскіе дворяне выражали въ 1662 году сожалѣніе, что не могли выплатить тройное подымное, вслѣдствіе того, что они не владѣли de facto своими имѣніями, и готовность выплатить подымное съ тѣхъ имѣній, которыми они дѣйствительно владѣютъ; въ 1668 году они просили назначить сборъ тройнаго подымнаго на уплату жалованья войскамъ, а въ 1684 году объ ассигнованіи пятернаго подымнаго для той же цѣли [2]).

---

[1]) Акты №№ VIII, XI, XXIV, LI, LXXI, LXXIV, CIII.—Pawinski. Skarbowosc etc. P. 146.

[2]) Акты №№ XXI, XLII, LXXXV.

Сборъ подымнаго производился, специально выбранными на сеймикахъ, сборщиками изъ дворянъ, получавшими жалованье и отдававшими отчетъ въ своей дѣятельности на сеймикахъ же. Сборщики должны были производить сборъ, согласуясь съ показаніями люстраторовъ, дабы не было несправедливостей, а, во избѣжаніе съ ихъ стороны злоупотребленій, они должны были, при вступленіи въ отправленіе своихъ обязанностей, приносить присягу. Въ волынскомъ воеводствѣ въ 1682 году сборщики произносили слѣдующую присягу: „Я, N, присягаю предъ Богомъ во св. Тройцѣ единомъ, что буду исполнять обязанность сборщика справедливо: ни отъ кого свыше постановленія не буду брать, измышляя себѣ тайный доходъ, а буду довольствоваться обычной пользой, дозволенной закономъ и дворянскими постановленіями; не буду вымогать ни у кого силою и чрезъ продолжительное взиманіе; не буду барышевать общественными деньгами воеводства, ни обращать ихъ въ свою пользу; буду вносить собранныя суммы и сдавать отчетъ сеймику во всемъ, что я получилъ отъ дворянъ, духовныхъ обоихъ исповѣданій, крестьянъ, мѣщанъ, жидовъ и ихъ прислуги обоего пола, броварниковъ, гультяевъ, праздношатающихся, купцовъ и отъ товаровъ; ничего у себя не удержу и сдамъ правильно отчетъ. Помоги мнѣ въ этомъ, Боже, и невинное страданіе Христа“ [1]).

Кромѣ подымнаго, на содержаніе войска шло чоповое. Чоповымъ назывался налогъ, взимаемый за право производства и раздробительной продажи водки, пива и меду, онъ назывался также contributio ducillaris. Сборъ чоповаго иногда предоставлялся казнѣ, иногда выбирались на сеймикахъ специальные сборщики, иногда отдавался на откупъ. Волынскіе дворяне постановили 8 марта

---

[1]) Актъ № LXXVII.

1658 года дозволить казнѣ собирать чоповое на общественныя нужды, несмотря на страшное разореніе воеводства, причиненное непріятелемъ и жолнерами; но 11 апрѣля они нашли болѣе удобнымъ избрать нѣсколькихъ сборщиковъ и распорядителей—обязанностью послѣднихъ было получать и распредѣлять, собранныя сборщиками каждыя шесть недѣль, суммы; 18 сентября того-же года сборъ чоповаго былъ предоставленъ сборщикамъ акцизовъ. Въ 1668 году кіевскіе дворяне выражали готовность сами собрать чоповое въ Бѣлой Церкви и др. городахъ, которое шло прежде на частныя нужды комендантовъ этихъ городовъ. Въ 1680 году сборъ чоповаго отданъ въ аренду во владимирскомъ повѣтѣ старостѣ владимирскому, Степану Загоровскому, въ кременецкомъ—гродскому кременецкому судьѣ, Станиславу Каминскому, а въ луцкомъ за 8500 злотыхъ дворянину Александру Балабану [1]); въ 1681 году чоповое отдается въ луцкомъ повѣтѣ въ аренду Юрію Линевскому уже за 9000 злотыхъ, во владимирскомъ и кременецкомъ повѣтахъ тѣмъ же самымъ лицамъ съ прибавкой 200 и 300 злотыхъ противъ прежнихъ суммъ въ 300 (?) и 5000 (?); а въ 1688 году чоповое было отдано на откупъ въ луцкомъ повѣтѣ князю Святополкъ-Четвертинскому за 1000 злотыхъ, во владимирскомъ—Константину Заленскому, подстолію черниговскому, за 3600 злотыхъ, въ кременецкомъ—Яну Лащу за 1000 злотыхъ [2]).

За правильностью сбора чоповаго слѣдили выборные распорядители и хранители (administratores et custodes) изъ мѣстныхъ дворянъ. Обязанностью ихъ было съѣзжаться каждыя шесть недѣль въ главный городъ вое-

---

[1]) Pawinski. Skarbowosc etc. P. 168.—Акты №№ VII, IX, XI, XLII, LI, LXXIV.

[2]) Акты №№ LXXVI, XCIII.

водства, получать отъ сборщиковъ собранныя деньги и подписывать, составленныя гродскимъ урядомъ, росписи прихода чоповаго, которыя вносились въ гродскія книги; затѣмъ администраторы должны были передавать собранныя суммы въ главный скарбъ, требуя росписки въ полученіи. Въ случаѣ, если кто не платилъ чоповаго, администраторы должны были составить списки неплательщиковъ и представить ихъ ко взысканію въ спеціальный податной судъ или же прямо въ гродскій, чрезъ посредство инстигатора, и судъ обязательно долженъ былъ взыскать слѣдуемое, подъ страхомъ уплаты тысячи марокъ штрафу взамѣнъ не взысканнаго чоповаго [1]).

Когда съ 1673 года за право раздробительной продажи горячихъ напитковъ стали взимать каждый десятый или четырнадцатый шелягъ, то наименованіе *чоповое* часто замѣняется другимъ *шеляжное* [2]). Шеляжное, также какъ и чоповое, собиралось или выборными сборщиками, или отдавалось на откупъ. Въ 1684 году кіевскіе дворяне постановили взимать отъ котла, въ которомъ дворянинъ вывариваетъ хмѣльный напитокъ лишь для домашняго употребленія по одному злотому, а отъ котла, изъ котораго варъ идетъ въ продажу по три злотыхъ; съ котловъ, отданныхъ въ аренду, въ маленькихъ мѣстечкахъ и селахъ—по четыре злотыхъ, въ большихъ, гдѣ бываютъ ярмарки—по шести злотыхъ; отъ каждой куфы (большой бочки) привозной водки изъ Заднѣпровья и изъ другихъ мѣстъ—по шести злотыхъ. Въ 1697 году въ кіевскомъ воеводствѣ отъ каждаго котла, принадлежащаго дворянину, брали по четыре злотыхъ, а отъ еврейскаго—по шести злотыхъ; при этомъ оговаривалось, чтобы налогъ былъ взимаемъ любой монетой по той цѣнѣ, по

---

[1]) Актъ № IX.
[2]) Maciejowski, l. c. IV, p. 528.

которой она ходила тогда въ воеводствѣ: червоный злотый шелъ за 14½ злотыхъ, талеръ—за семь, тинфъ—за одинъ злотый и пять грошей, цесарская орлянка—за одинъ злотый, шестакъ—за 11 грошей и 2 шеляга [1]). Въ волынскомъ воеводствѣ шеляжное было отдано на откупъ въ 1688 году Дмитрію Жабокрицкому, подчашему вилькомирскому, за 24000 злотыхъ, а въ 1689 году князю Владиславу Корибутъ-Воронецкому за туже сумму [2]).

Въ концѣ XVII вѣка шеляжнымъ назывался также налогъ на торговлю жизненными припасами, извѣстный собственно подъ именемъ акциза. Въ 1697 году этотъ видъ шеляжнаго взимался во всемъ кіевскомъ воеводствѣ въ слѣдующихъ размѣрахъ: отъ каждой четыреxволовой мажи соли—по одному злотому и пятнадцати грошей, а отъ однопарной мажи съ солью или съ чѣмъ другимъ по одному злотому; отъ каждаго воза табаку, анису, сала, воску, юхты и др. товаровъ по одному талеру. Каждый торговецъ, разъ уплативши шеляжное, получалъ затѣмъ право свободной торговли [3]).

Сборщики шеляжнаго по избраніи должны были приносить присягу. Въ 1696 году сборщикъ кіевскаго воеводства, Маркъ Аксакъ, произнесъ слѣдующую присягу: „Я, Маркъ Аксакъ, присягаю предъ Богомъ во св. Тройцѣ единомъ, что буду собирать подать въ кіевскомъ воеводствѣ безъ ущерба воеводству, справедливо, по-божески и согласно съ совѣстью; не буду обременять жителей противно наказу и все, что только гдѣ бы то ни было и отъ какого бы то ни было товару соберу, не утаивая, считая въ польскомъ грошѣ три шеляга, а не такъ какъ ходитъ добрая монета въ кіевскомъ воеводствѣ,

¹) Акты №№ LXXXV, CIII.
²) Актъ № XCIII.
³) Актъ № IX.

внесу въ казну воеводства и не буду ни къ кому пристрастенъ. Помоги мнѣ въ этомъ, Боже, и невинное страданіе Господа Христа" [1]). Аксакъ долженъ былъ получить за труды шестую часть собраннаго; въ 1684 г. въ кіевскомъ же воеводствѣ сборщикамъ шеляжнаго назначалось жалованье по грошу отъ злотаго [2]).

Кромѣ подымной и подушной податей, чоповаго и шеляжнаго, западно-русскіе дворяне часто ассигновали еще на уплату жалованья войску суммы, составлявшіяся отъ сбора акциза. Волынскіе дворяне, собравшись на сеймикъ въ Луцкѣ 8 марта 1658 года, согласились съ универсалами короля Яна Казимира и короннаго подскарбія, Богуслава Лещинскаго, указывающими на необходимость собрать акцизъ на содержаніе войска; впрочемъ, 11 апрѣля они оговорились, чтобы акцизъ былъ взимаемъ лишь въ имѣніяхъ королевскихъ и духовныхъ, и такъ какъ, видно, поссессоры этихъ имѣній не очень охотно исполняли постановленіе 11 апрѣля, то 18 сентября состоялось новое постановленіе о подтвержденіи установленнаго акциза [3]).

Сборщики акциза должны были приносить присягу предъ спеціальнымъ скарбовымъ судомъ; каждыя шесть недѣль представлять отчеты въ гродскіе суды; имъ давалось жалованье и содержаніе въ каждомъ селеніи втеченіе трехъ дней; за нихъ отвѣчали круговой порукой всѣ обыватели [4]).

Въ 1662 году въ волынскомъ воеводствѣ былъ введенъ новый налогъ—subsidium reipublicae. Сборъ его производился выборными сборщиками, которымъ назначалось жалованье и наказывалось взять каждому повѣтъ и

---

[1]) Актъ № CIII.
[2]) Актъ № LXXXV.
[3]) Акты №№ VII, XI.
[4]) Акты №№ XI, XIV.

не вмѣшиваться въ дѣла другого. Если кто изъ обывателей не хотѣлъ отдавать, слѣдуемой съ него, суммы сборщикамъ, то ему дозволялось, по производствѣ осмотра имущества сборщиками и выдачѣ ему въ томъ свидѣтельства, представить деньги въ главное или воеводское казначейство. Этотъ налогъ былъ установленъ во всей речипосполитой [1]).

Западно-русскіе дворяне постоянно хлопотали, чтобы тягость этихъ, а равно и другихъ податей и налоговъ ложилась на всѣхъ обывателей речипосполитой равномѣрно. Волынскіе дворяне рѣшили въ 1658 году только въ томъ случаѣ исполнять свое постановленіе о сборѣ чоповаго и подымнаго, если и другія воеводства исполнятъ свои; въ 1661 году они просили о равномѣрной раскладкѣ податей, а въ 1669 году заявили, что если по другимъ воеводствамъ будутъ собирать чоповое, то что и они соберутъ въ своемъ. Кіевскіе дворяне въ 1672 году просили о равномѣрномъ распредѣленіи провіанта съ королевскихъ, духовныхъ, магнатскихъ и вообще шляхетскихъ имѣній; а вмѣстѣ съ брацлавскими дворянами хлопотали о равномѣрномъ распредѣленіи гиберны на имѣніяхъ католическаго, православнаго и уніатскаго духовенства [2]).

Однимъ изъ средствъ къ достиженію равномѣрнаго распредѣленія податей кіевскіе дворяне считали въ 1693 г. предоставленіе завѣдывать сборомъ податей коронному скарбу [3]); но самой существенной мѣрой было возможно частое производство люстрацій. Во второй половинѣ XVII вѣка люстраціи производились повременно. Въ 1659 году были люстрованы королевскія имѣнія во всѣхъ коронныхъ

---

1) Актъ № XXIV.—Vol. legum, IV, a. 1662.
2) Акты №№ IX, XVII, XLV, LV, LVII, LVIII.
3) Актъ № XCVII.

воеводствахъ [1]). Въ волынскомъ воеводствѣ были произведены люстраціи между прочимъ въ 1662, 1669, 1671, 1680, 1681, 1682, 1684 годахъ; въ 1666 году происходила люстрація брацлавскаго воеводства; въ 1682 году всего кіевскаго воеводства, въ 1683 году лишь повѣтовъ овруцкаго и житомирскаго, а въ 1684 году лишь четырехъ селъ овруцкаго повѣта: Кобылина, Гошова, Левковецъ и Геевецъ.

Въ 1682 году волынскіе дворяне постановили производить люстраціи каждые два года, вмѣстѣ съ этимъ они хотѣли упорядочить производство люстрацій: во избѣжаніе ошибокъ при опредѣленіи числа крестьянъ, вслѣдствіе передачи крестьянъ во время люстраціи отъ одного владѣльца другому, выдающій долженъ былъ указать люстратору, кому выдалъ, представивъ подлинный документъ о передачѣ, занесенный въ гродскую книгу, и удостовѣривши отъ себя, что дѣйствительно выдалъ, тогда онъ могъ получить отъ люстратора позволеніе не платить за дымъ выданнаго крестьянина; раскладка податей на города, мѣстечка и деревни, принадлежащія королю, духовнымъ или дворянамъ, должна быть производима пропорціонально цѣнности и возможной доходности имущества, такъ какъ нѣкоторые дворяне, имѣющіе большія помѣстья, платятъ не пропорціонально цѣнности ихъ, а согласно съ описями 1661 года, когда были сдѣланы облегченія, вслѣдствіе крайняго разоренія, но съ тѣхъ поръ экономическое положеніе обывателей волынскаго воеводства значительно улучшилось; всякій долженъ допускать люстраторовъ къ себѣ въ имѣніе, съ противящимся должно поступить какъ съ бунтовщикомъ; чтобы парализовать коварныя попытки нѣкоторыхъ злоумышленниковъ, которые во время люстраціи переселяли нѣсколькихъ

[1]) Vol. legum, IV, 600

крестьянъ въ одну хату съ тѣмъ, чтобы не платить за нихъ порознь, и объявляли временно нежилыя помѣщенія за пустки, люстраторы должны были позвать мѣстнаго войта и двухъ стариковъ и они подъ присягой должны были показать, что то дѣйствительно давняя пустка, тоже самое люстраторы должны были производить въ городахъ и мѣстечкахъ по отношенію къ дворской челяди [1]).

Иногда цѣлыя селенія противились производству люстраціи, но такіе случаи были, очевидно, рѣдки, если судить по тому, что въ 1684 году волынскіе дворяне, порицая за это г. Збаражъ и с. Волю-Залозецкую (Залозцы?), объявляли, что только эти два поселенія *на всей Волыни* противились сеймиковымъ постановленіямъ относительно производства люстраціи. Чтобы поставить на своемъ, волынскіе дворяне поручали произвесть люстрацію Збаража и Воли-Залозецкой одному или двумъ кременецкимъ люстраторамъ въ присутствіи сборщиковъ податей, которые должны были тотчасъ же собрать наложенныя подати при помощи кого-либо изъ гродскихъ урядниковъ; обыватели Збаража и Воли Залозецкой не должны были мѣшать производству этой люстраціи, подъ страхомъ обвиненія въ ограбленіи казны и подтвержденія всѣхъ прежнихъ строгихъ постановленій [2]).

Люстраторы получали жалованье,—въ 1682 году въ волынскомъ воеводствѣ по 400 злотыхъ, а въ кіевскомъ по 200; они должны были производить люстрацію въ возможно меньшій промежутокъ времени, начиная съ повѣтовыхъ городовъ; по окончаніи люстраціи, они должны были сдавать отчетъ предъ спеціальнымъ коммиссаромъ; при вступленіи въ должность они произносили подобную

[1]) Актъ № LXXVII.
[2]) Актъ № LXXIV.

овруцкаго, но она не привела ни къ какимъ результатамъ [1]).

Бывали случаи, что обыватели не только не взносили податей, но еще производили насилія надъ сборщиками. Описаніе подобнаго случая мы находимъ въ постановленіи волынскаго воеводства 1679 года:

„Въ нашемъ воеводствѣ есть лица, которыя, расчитывая на вліяніе своего пана, не повинуются законамъ и попираютъ оные, задерживая уплату податей, а когда сборщики съ помощниками пріѣзжаютъ и силой берутъ слѣдуемое, то таковыя лица вмѣсто того, чтобы ихъ удовлетворить, презрительно относятся къ нимъ, бьютъ и ругаютъ; такъ, напримѣръ, подстароста м. Литовижа, имѣнія кн. Радзивила, гетмана польнаго и подканцлера литовскаго, презрительно отнесся и ругалъ сборщиковъ, Лукаша Линевскаго и Андрея Лыховскаго, и ихъ помощника Михайла Лубенецкаго, бургграбія владимирскаго, и, наконецъ, съ толпой людей отбилъ у нихъ скотъ, который они забрали у неуплатившихъ податей и гнали въ городъ для оцѣнки и продажи, а также отнялъ другія вещи, внесенныя въ особенный реестръ, поэтому мы поручили маршалку кола нашего, Николаю Коссаковскому, мечнику вискому, передать письма въ главный люблинскій трибуналъ и князю Радзивилу, чтобы онъ покончилъ это дѣло, не доводя до суда“ [2]).

Побуждать къ уплатѣ податей и, въ случаѣ упорства, продавать движимое и недвижимое имущество и даже подвергать инфаміи и обвиненію въ похищеніи государственной казны обязаны были также возные и бургграфы-

[1]) Акты №№ XII, XVII, XXI.—Volum. legum, IV, 296.—Dr. Antoni I. Opowiadania. Serya czwarta. II. 226.

[2]) Актъ № LXXI.

біи, если же послѣдніе обвиняли кого неправильно, то сами подвергались отвѣтственности [1]).

Говоря о функціяхъ выборныхъ финансовыхъ чиновниковъ, мы упоминали, что западно-русскіе дворяне требовали отъ нихъ сдачи отчетовъ предъ гродскими судами и на сеймикахъ, но большею частью учреждались спеціальные скарбовые суды съ выборными судьями изъ мѣстныхъ дворянъ, на которые всѣ низшіе финансовые чиновники должны были обязательно являться и представлять отчеты, а въ случаѣ неявки подвергались судебной отвѣтственности; въ эти суды сборщики податей должны были представлять списки недоимщиковъ и отчеты при сдачѣ должности. Чтобы не было упущеній въ сборѣ податей и налоговъ, сборщикамъ запрещалось выбираться въ коммиссары по уплатѣ жалованья войскамъ и въ сеймовые послы [2]).

Западно-русскіе дворяне постоянно требовали также чрезъ своихъ сеймовыхъ пословъ, чтобы генеральный подскарбій представлялъ отчеты на генеральные сеймы о состояніи государственной казны и чтобы онъ внимательно слѣдилъ за чеканкой монеты. Въ монетномъ дѣлѣ производилась во второй половинѣ XVII вѣка масса злоупотребленій; а потому западно-русскіе дворяне постоянно поручали своимъ посламъ настаивать на сдачѣ отчета, почему вычеканено болѣе монеты, чѣмъ было постановлено; чтобы не дозволялось измѣнять цѣнность монеты; чтобы цѣнность шеляговъ, къ которымъ стали относиться недовѣрчиво, была возстановлена сеймовымъ постановленіемъ; чтобы было строго запрещено чеканить недоброкачественную монету и чтобы виновники этого, чеканщики Боратынь и Тинфъ, были отданы подъ судъ за

1) Актъ № XIV.
2) Акты №№ XI, XII, XIV, XX, LXXV, CIII.

злоупотребленія, а чтобы качество монеты было улучшено; чтобы былъ заключенъ контрактъ съ Гданчанами или съ кѣмъ другимъ относительно привоза монеты лучшаго качества; наконецъ, о строгомъ преслѣдованіи фальшивыхъ монетчиковъ [1]). Любопытно, что въ числѣ фальшивыхъ монетчиковъ были примасъ Николай Пражмовскій, многіе сенаторы [2]), а также Домна-Розанда Хмельницкая, вдова старшаго сына Богданова, Тимоша. Кіевскіе дворяне просили въ 1664 и 1665 годахъ, чтобы Хмельницкая, проживавшая въ Рашковѣ [3]), была строго наказана за то, что пустила въ оборотъ массу недоброкачественныхъ волошскихъ шеляговъ, которые частью сама дѣлала, частью, вывозя за границу хорошую монету, ввозила дурную, и чтобы имѣнія ея были конфискованы и розданы заслуженнымъ воинамъ [4]).

Монопольный характеръ чеканки монеты, при массѣ злоупотребленій, не нравился западно-русскимъ дворянамъ и потому они иногда хлопотали о дозволеніи всякому воеводству чеканить свою монету.

До чего допекли всей шляхтѣ речипосполитой злоупотребленія при чеканкѣ монеты, и въ частности преступленія молдаванина Боратыня и нѣмца Тинфа, можно судить потому, что она вставила свои жалобы по этому поводу даже въ пасквиль на Яна Казимира, составленный во время похода противъ Юрія Любомирскаго:

Przywróć nam stare orły y talary
Iako przedtém w Polsce za innych bywały,
Tynfy z orłami szelągami Boratynego
Odeślij ich kędy do czarta przeklętego.

---

[1]) Акты №№ XVII, XXIV, XXVII, XXVIII, XXXI, XXXII, XXXVII, XLIV, XLV, LIV, LVI, LVIII, LIX, LXVIII, LXXV, XCVII.

[2]) Moraczewski, l. c., ks. 28, p, 355; ks. 29, pp. 75, 172, 175, 205.

[3]) Нынѣ м. ольгопольскаго у., при р. Днѣстрѣ.

[4]) Акты №№ XXIX, LXII.

Przywróć nam srebro i złoto,
Bo po śmierci w piekle będziesz miał kłopot o to [1]).

Отмѣтимъ еще одну причину постоянныхъ жалобъ западно-русскихъ дворянъ, именно, *мыто*. Мыто составляло одну изъ важнѣйшихъ статей государственнаго дохода; внутреннія таможни: „мытницы“ или „мытныя коморы“ были разсѣяны на пространствѣ всего великаго княжества литовскаго, а потомъ всей речипосполитой, вдоль всѣхъ важнѣйшихъ торговыхъ путей, онѣ обыкновенно отдавались за значительныя суммы на откупъ; иногда мыто сбиралось прямо въ казну особыми къ тому приставленными чиновниками. Всѣ купцы, провозившіе товары, должны были въ первой, случившейся имъ на пути, мытной коморѣ объявить, подъ опасеніемъ конфискаціи, количество, стоимость и мѣсто назначенія товара и уплатить за право провоза причитавшуюся пошлину; выданная квитанція обеспечивала для нихъ свободный проѣздъ по королевскимъ землямъ, городамъ и старостамъ до объявленнаго мѣста назначенія; впрочемъ, уплаченное мыто въ государственную казну не освобождало еще вполнѣ отъ пошлинъ провозимый товаръ. По дорогѣ въ каждомъ городѣ приходилось еще уплачивать за проѣздъ черезъ оный „мостовое“, а въ случаѣ, если городъ выхлопоталъ себѣ на то привилегію, и особенное мыто въ пользу городской казны. Сверхъ того, владѣлецъ каждаго села, лежавшаго на торговой дорогѣ, бралъ еще мыто и мостовое въ свою пользу. Такимъ образомъ стоимость товаровъ страшно возрастала; товары громоздкіе, мало цѣнные или привозимые изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей не могли выдерживать путевыхъ расходовъ и переставали составлять предметъ торговли; остальные товары сильно дорожали [2]). Этими то безконечными по-

---

[1]) Latopisiec Joachima Jerlicza, t. II, p. 104 sq.
[2]) В. Б. Антоновичъ. Монографіи, I, 179 сл.

шлинами и тяготились западно-русскіе дворяне. Они просили, чтобы генеральный подскарбій не отдавалъ на откупъ таможенныхъ пошлинъ, индуктъ, евектъ и инвектъ, чужеземцамъ, людямъ низкаго происхожденія и евреямъ въ особенности, а чтобы исключительно раздавалъ состоятельнымъ дворянамъ, такъ какъ неблагородные и чужеземцы дѣлаютъ притѣсненія торговцамъ, вслѣдствіе чего иноземные купцы теряютъ охоту ѣздить съ товарами внутри речипосполитой и вывозить ихъ за границу и слѣдовательно обогащаются лишь частныя лица, а казнѣ наносится большой убытокъ; Евреи же, кромѣ врожденной ненависти къ христіанамъ, производятъ преступленія, о которыхъ страшно подумать, языкъ не можетъ вымолвить (drętwieje wymowic)[1]. Дворяне жаловались, что нѣкоторые поссессоры и города употребляютъ во зло законы о правѣ сбора мыта, притѣсняютъ сборомъ мостоваго, запрещаютъ выдавать казенную мѣру, требующимъ ее для частныхъ надобностей, мѣшаютъ вслѣдствіе этого хлѣбной торговлѣ и даже измышляютъ иски въ коронномъ трибуналѣ противъ гданскихъ купцовъ; нѣкоторыя же мытныя коморы на берегахъ рѣкъ, въ особенности на р. Бугѣ у Брестъ-Литовска, отягощаютъ дворянъ необычными поборами. Дворяне находили необходимымъ въ видахъ общей пользы подтвердить всѣ законы относительно неправильно установленнаго мыта, представить коронному трибуналу право повышать, смотря по жалобамъ, установленный штрафъ въ 2000 гривенъ и строго запретить устраивать на торговыхъ трактахъ частныя мытныя коморы, обременительныя для населенія, безъ разрѣшенія сейма[2].

---

[1]) Актъ № XCVI.
[2]) Актъ № LXXXVII.

V.

ОТНОШЕНІЕ СЕЙМИКОВЪ КЪ ВОПРОСАМЪ РЕЛИГІОЗНЫМЪ.

Ознакомимся теперь со взглядами западно-русскаго дворянства въ вопросахъ религіозныхъ; въ первой половинѣ XVII вѣка оно окатоличилось до такой степени, что во второй половинѣ этого столѣтія уже немногіе дворянскіе роды исповѣдовали православную вѣру. Они составляли ничтожное меньшинство на провинціальныхъ сеймикахъ, а въ нѣкоторыхъ областяхъ (напримѣръ, въ Черной Руси, въ Подоліи) почти совершенно исчезли. Чѣмъ далѣе уходило время впередъ, тѣмъ болѣе исчезали въ дворянской средѣ люди, воспитанные въ благодатное время Сигизмунда-Августа; замѣнившія ихъ поколѣнія проходили черезъ горнило іезуитскихъ коллегій, изъ которыхъ, вмѣсто науки, выносили привычку къ схоластическому мудрствованію, латинскія реторическія фразы и внутреннюю умственную пустоту; вмѣсто гражданскихъ убѣжденій о свободѣ совѣсти—хотя бы только дворянскаго сословія—ожесточенный католическій фанатизмъ и слѣпую вѣру въ благотворность и безупречность дѣйствій воспитавшаго ихъ ордена. Между тѣмъ какъ масса католическаго дворянства все болѣе и болѣе принимаетъ фанатическое настроеніе и теряетъ прежнія привычки гражданской и религіозной терпимости, количество дворянъ православныхъ и протестантовъ быстро уменьшается. Іезуиты поняли, что въ государствѣ, сложившемся въ форму шляхетской республики, невозможно не обратить

шлинами и тяготились западно-русскіе дворяне. Они просили, чтобы генеральный подскарбій не отдавалъ на откупъ таможенныхъ пошлинъ, индуктъ, евектъ и инвектъ, чужеземцамъ, людямъ низкаго происхожденія и евреямъ въ особенности, а чтобы исключительно раздавалъ состоятельнымъ дворянамъ, такъ какъ неблагородные и чужеземцы дѣлаютъ притѣсненія торговцамъ, вслѣдствіе чего иноземные купцы теряютъ охоту ѣздить съ товарами внутри речипосполитой и вывозить ихъ за границу и слѣдовательно обогащаются лишь частныя лица, а казнѣ наносится большой убытокъ; Евреи же, кромѣ врожденной ненависти къ христіанамъ, производятъ преступленія, о которыхъ страшно подумать, языкъ не можетъ вымолвить (drętwieje wymowic) [1]. Дворяне жаловались, что нѣкоторые поссессоры и города употребляютъ во зло законы о правѣ сбора мыта, притѣсняютъ сборомъ мостоваго, запрещаютъ выдавать казенную мѣру, требующимъ ее для частныхъ надобностей, мѣшаютъ вслѣдствіе этого хлѣбной торговлѣ и даже измышляютъ иски въ коронномъ трибуналѣ противъ гданскихъ купцовъ; нѣкоторыя же мытныя коморы на берегахъ рѣкъ, въ особенности на р. Бугѣ у Брестъ-Литовска, отягощаютъ дворянъ необычными поборами. Дворяне находили необходимымъ въ видахъ общей пользы подтвердить всѣ законы относительно неправильно установленнаго мыта, представить коронному трибуналу право повышать, смотря по жалобамъ, установленный штрафъ въ 2000 гривенъ и строго запретить устраивать на торговыхъ трактахъ частныя мытныя коморы, обременительныя для населенія, безъ разрѣшенія сейма [2]).

---

[1]) Актъ № XCVI.
[2]) Актъ № LXXXVII.

V.

ОТНОШЕНІЕ СЕЙМИКОВЪ КЪ ВОПРОСАМЪ РЕЛИГІОЗНЫМЪ.

Ознакомимся теперь со взглядами западно-русскаго дворянства въ вопросахъ религіозныхъ; въ первой половинѣ XVII вѣка оно окатоличилось до такой степени, что во второй половинѣ этого столѣтія уже немногіе дворянскіе роды исповѣдовали православную вѣру. Они составляли ничтожное меньшинство на провинціальныхъ сеймикахъ, а въ нѣкоторыхъ областяхъ (напримѣръ, въ Черной Руси, въ Подоліи) почти совершенно исчезли. Чѣмъ далѣе уходило время впередъ, тѣмъ болѣе исчезали въ дворянской средѣ люди, воспитанные въ благодатное время Сигизмунда-Августа; замѣнившія ихъ поколѣнія проходили черезъ горнило іезуитскихъ коллегій, изъ которыхъ, вмѣсто науки, выносили привычку къ схоластическому мудрствованію, латинскія реторическія фразы и внутреннюю умственную пустоту; вмѣсто гражданскихъ убѣжденій о свободѣ совѣсти—хотя бы только дворянскаго сословія—ожесточенный католическій фанатизмъ и слѣпую вѣру въ благотворность и безупречность дѣйствій воспитавшаго ихъ ордена. Между тѣмъ какъ масса католическаго дворянства все болѣе и болѣе принимаетъ фанатическое настроеніе и теряетъ прежнія привычки гражданской и религіозной терпимости, количество дворянъ православныхъ и протестантовъ быстро уменьшается. Іезуиты поняли, что въ государствѣ, сложившемся въ форму шляхетской республики, невозможно не обратить

вниманія на дворянское сословіе—потому самые горячіе миссіонеры, самые даровитые проповѣдники, бывшіе въ распоряженія ордена (Скарга, Ногаюсъ и т. д.) отправляются обращать въ католичество дворянъ православныхъ и протестантовъ; тамъ гдѣ они не находятъ возможности сладить съ людьми взрослыми, они стараются завлечь дѣтей въ свои коллегіи и всевозможными обольщеніями: угодливостью, возбужденіемъ личнаго самолюбія, авторитетомъ науки, наружнымъ смиреніемъ и т. д., воспитываютъ горячихъ адептовъ католицизма. Пересматривая исторію любого, сколько нибудь знатнаго, западно-русскаго дворянскаго рода, мы замѣтимъ, что въ первой трети XVII столѣтія члены каждаго изъ нихъ обращаются іезуитами не въ унію, а прямо въ католицизмъ и становятся ревностными поборниками послѣдняго. Конечно, при этомъ успѣхъ іезуитской пропаганды находилъ сильную поддержку въ общественномъ мнѣніи всей дворянской среды, ими же подготовленномъ и оказывавшемъ сильное давленіе на разновѣрныхъ членовъ своего сословія. Сильно порѣдѣвшіе ряды православнаго дворянства въ половинѣ XVII столѣтія встрѣчаютъ новый толчекъ, отшатнувшій окончательно это сословіе отъ православія: въ это время достигаетъ полной силы реакція козацкаго сословія [1]). Слѣдствіемъ перехода дворянъ въ католицизмъ было то, что съ половины XVII столѣтія на сеймахъ раздаются лишь одинокіе голоса за охраненіе правъ православной церкви, а въ концѣ столѣтія является рядъ сеймовыхъ постановленій, направленныхъ въ противоположную сторону, т. е. въ пользу скорѣйшаго распространенія уніи и подавленія православія. Впрочемъ, такое настроеніе умовъ на сеймахъ не служитъ доказательствомъ того, что православное меньшинство совсѣмъ отказалось отъ всякихъ попытокъ къ за-

[1]) В. Б. Антоновичъ. Монографіи, т. I, стр. 283 сл., 287.

щитѣ вѣры предковъ—въ инструкціяхъ южно-русскихъ воеводствъ сеймовымъ посламъ постоянно поручалось охранять старинныя права православной церкви, но, вѣроятно, эти пункты инструкцій были враждебно встрѣчаемы на сеймахъ и не будучи горячо поддерживаемы послами, въ силу многократныхъ постановленій, исключительно католиками, не были утверждаемы и не попадали вслѣдствіе этого въ сеймовыя постановленія.

Въ инструкціяхъ кіевскаго и брацлавскаго воеводствъ отъ 1661, 1665, 1666, 1669, 1670, 1671, 1672, 1676, 1680, 1682, 1688, 1690, 1693, 1697 годовъ находимъ просьбы о подтвержденіи права свободнаго исповѣданія православной вѣры; о возвращеніи православнымъ церквей, монастырей и церковныхъ имуществъ, захваченныхъ у нихъ уніатами, и вообще о защитѣ ихъ отъ насилій со стороны уніатовъ; объ освобожденіи имѣній православнаго духовенства отъ военнаго постоя и налоговъ; о подтвержденіи древнихъ правъ кіевской академіи и о такомъ же уважительномъ отношеніи къ православному духовенству, какъ и къ католическому. Православные кіевскіе дворяне съ горькимъ упрекомъ говорили въ 1670 году, что „вѣра греческая, одобренная законами, подтвержденными королевской присягой, испытываетъ насилія въ христіанской католической державѣ, въ свободной речипосполитой, тогда какъ и въ неволѣ мусульманской греческіе христіане не терпятъ утѣсненій“ [1]).

Просьбы волынскихъ дворянъ въ такомъ же родѣ, но кромѣ того они хлопотали о подтвержденіи древняго права выбора епископовъ. Особенно заботились волынскіе дворяне о своей луцкой епархіи, во главѣ которой долгое время былъ извѣстный своей преданностью православію епископъ, князь Гедеонъ Святополкъ-Четвертин-

[1]) Акты №№ XVIII, XXIX, XXXII, XLIV, XLIX, L, LIV, LV, LXVIII, LXXIII, XCII, XCVII, CIV, CVI.

скій: въ 1661 году они просили, чтобы, послѣ смерти Діонисія Балабана, митрополита кіевскаго, епархія луцкая была оставлена за Четвертинскимъ; въ 1681 году они поддерживали просьбу луцкаго епископа, „извѣстнаго своимъ благочестіемъ и усердіемъ къ созиданію и поддержанію храмовъ божіихъ", о прирѣзкѣ ему въ верхнемъ замкѣ въ Луцкѣ участка земли въ пять саженей длиною, а шириною настолько, сколько занимаетъ каѳедральная церковь св. Іоанна Богослова, чтобы сдѣлать къ ней пристройку; въ 1684 году они ассигнуютъ триста злотыхъ изъ чоповаго на возстановленіе недавно сгорѣвшаго каѳедральнаго луцкаго собора, гдѣ, съ позволенія епископа, помѣщаются гродскія книги луцкаго повѣта; въ 1688 году они настаиваютъ на удовлетвореніи желаній луцкаго епископа, уже Мелетія Жабокрицкаго, и подтвержденіи всѣхъ правъ и привилегій луцкаго православнаго братства, такъ какъ при братской церкви почиваетъ много благочестивыхъ предковъ [1]). Горячее участіе приняли волынскіе дворяне въ дѣлѣ объ убійствѣ игумена люблинскаго братства, Амвросія Гирича, Яномъ Гречиною, занимавшимся медициной въ Люблинѣ—они настаивали на строгомъ отношеніи къ люблинскимъ властямъ, освободившимъ, схваченнаго на мѣстѣ преступленія, на церковной паперти, преступника и забравшимъ его движимость, и просили предать Гречину каптуровому суду, а имущество его отдать братству. Виновниковъ составленія всѣхъ этихъ просьбъ, православныхъ представителей волынскаго дворянства, мы узнаемъ изъ инструкціи, отъ 9 декабря 1679 года, въ которой заключается, вѣроятно, почти полный перечень ихъ, всего шестьдесятъ одинъ человѣкъ, это были: Даніилъ Братковскій, подстолій брацлавскій; князь Вацлавъ Святополкъ-Четвертин-

[1]) Акты №№ XVII, LXXV, LXXXIV, LXXXVII.

скій, хоружій житомирскій; Держиславъ-Александръ изъ Высокаго Кашовскій; Богданъ Врублевскій, скарбникъ брацлавскій; Степанъ Дьяковскій, городничій луцкій; Илья Дьяковскій; Юрій изъ Козельска Пузина; Андрей изъ Козельска Пузина; Өедоръ Ушакъ-Куликовскій; Яковъ Городисскій, войскій новогродскій; Яковъ Выговскій; Яковъ Сусло; Өедоръ Ходаковскій; Степанъ Піотровскій; Иванъ Мокосѣй-Баковецкій; Өома Уляницкій, старшій братъ луцкаго братства; Александръ Балабанъ; Евстафій Линевскій; Христофоръ Кульчицкій, чашникъ летичевскій; Максимиліанъ Булыга; Андрей изъ Ивановичей Волкъ; Лука Выговскій; Константинъ Линевичъ; Гавріилъ Линевичъ; Андрей Сусло; Дмитрій Головинскій; Дмитрій Сѣницкій; Адамъ Жабокрицкій; Александръ Ленкевичъ; Христофоръ Щеніовскій; Николай Гулевичъ; Юрій Малаховскій, подстолій новогродскій; Илья изъ Борковъ Гулевичъ; Каспаръ изъ Лопатина Лопатинскій; Захарій Богдашевскій; Игнатій Стржѣльницкій; Владимиръ Кисель; Степанъ Борковскій; Андрей Хламота-Война; Иванъ Стржѣльницкій; Самуилъ Головинскій; Александръ Гуляницкій; Самуилъ Борейко-Кнеруцкій; Степанъ Михалевичъ; Антонъ Купорскій; Өедоръ Выговскій; Степанъ Копыстенскій; Михаилъ Гулевичъ; Иванъ Проскура-Сущанскій, подчашій кіевскій; Петръ Курдановскій; Иванъ Курдановскій; Иванъ Медвѣдовскій; Иванъ Іерличъ; Ярошъ Іерличъ; Николай Бусковичъ; Степанъ Чечель; Лука Зкжищовскій; Адамъ Гулевичъ изъ Воютина; Константинъ Гурко-Омелянскій; Николай Кнѣгининскій; Даніилъ Гулевичъ. Инструкція, подъ которой подписались всѣ эти лица, была составлена при слѣдующихъ обстоятельствахъ и по слѣдующему поводу:

Въ 1676 году польское правительство возъимѣло желаніе начать съизнова дѣло установленія церковной уніи и съ этою цѣлью начало вести переговоры съ пред-

ставителями высшей духовной іерархіи православной церкви. Попытка эта принесла нѣкоторые плоды: среди іерарховъ православной церкви нашлись лица, готовыя, въ виду улучшенія своего личнаго положенія и пріобрѣтенія власти, повторить продѣлку Потея и Терлецкаго. Главнымъ руководителемъ новой комбинаціи является львовскій православный епископъ—Іосифъ Шумлянскій, около него группируется небольшой кружокъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, готовыхъ раздѣлить съ нимъ и отступничество и вознагражденіе. Въ 1677 году Шумлянскій отъ имени всего кружка обратился къ папскому нунцію съ изъявленіемъ готовности принять унію и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ проектъ съ указаніемъ требованій тѣхъ уступокъ и вознагражденій, которыхъ добивались члены кружка за свое участіе въ дѣлѣ возстановленія уніи. Предложеніе и проектъ Шумлянскаго были сообщены королю и послѣдній, расчитывая, что Шумлянскій имѣетъ за себя большинство православнаго духовенства, рѣшился воспользоваться ими для окончательнаго установленія уніи. Осенью 1679 года былъ опубликованъ королевскій универсалъ къ духовенству и міранамъ какъ православнымъ, такъ и уніатамъ: король требовалъ, чтобы они съѣхались 24 января 1680 года на торжественный съѣздъ въ Люблинъ, для того, что бы покончить въ публичномъ засѣданіи дѣло о религіозномъ разногласіи. Повинуясь королевскому предписанію, и луцкіе братчики выбрали депутацію изъ своей среды, но они вручили депутатамъ, подъ присягою, инструкцію, которая не допускала даже мысли о соединеніи съ уніею [1]): поручалось хлопотать о дозволеніи съѣздить за благословеніемъ къ восточнымъ патріархамъ и попросить ихъ о присылкѣ четырехъ пословъ для обсужденія во-

---

[1]) В. Б. Антоновичъ. Монографіи, т. I, стр. 289—293.

проса о соединеніи церквей, а пока запрещалось волынскимъ посламъ и православнымъ епископамъ вести самимъ пренія о вѣрѣ съ католиками; затѣмъ послы должны были добиться подтвержденія правъ и привилегій православной церкви и въ особенности права свободнаго выбора митрополита и епископовъ, а также покровительства вообще православнымъ, и выразить готовность православныхъ дворянъ всѣмъ жертвовать для блага отечества. [1]). Депутатами выбраны были самые знатные члены братства: князь Вацлавъ Четвертинскій, двоюродный братъ православнаго луцкаго епископа, а впослѣдствіи кіевскаго митрополита, Гедеона Четвертинскаго; брацлавскій подстолій, Даніилъ Братковскій (казненный 22 года спустя за преданность православію) и кіевскій чашникъ, Андрей Гулевичъ. Данная имъ инструкція была подписана, какъ мы видѣли выше, 61 православными волынскими дворянами. Подписи эти, равно какъ и составъ депутаціи, ручались за то, что она будетъ имѣть доступъ къ королю. Депутаты этимъ и воспользовались: вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Люблинъ на съѣздъ, они отправились въ Варшаву, предъявили королю свою инструкцію и объявили отъ имени братствъ и вообще православныхъ мірянъ, что, безъ сношенія съ патріархами и безъ ихъ участія, не мыслимы для православныхъ никакія сдѣлки въ дѣлахъ вѣры. Не одни лишь депутаты луцкаго братства не поѣхали на съѣздъ—изъ числа православнаго духовенства на съѣздѣ не было ни одного епископа—явился только: намѣстникъ Могилевскаго монастыря, Волчацкій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ священниковъ; прибывшіе въ большомъ количествѣ, уніаты, по приказанію короля, должны были разъѣхаться. Послѣ такой неудачи польское правительство отказалось отъ

[1]) Актъ № LXXII.

намѣренія проводить дѣло уніи гласно и принуждено было ограничиваться секретной интригой [1]).

Странно, что волынскіе дворяне, заботясь о сохраненіи въ чистотѣ православія, не только не защищали, но даже какъ бы сочувственно относились къ преслѣдованію богослужебнаго языка православной церкви, по крайней мѣрѣ въ инструкцію 1669 года вошла между прочимъ слѣдующая просьба; такъ какъ увеличилось число типографій въ русскомъ воеводствѣ, основанныхъ разными лицами, изъ которыхъ выходитъ много книгъ на славянскомъ языкѣ безъ цензуры (sine correctura starszych), то послы похлопочутъ, чтобы была оставлена лишь одна типографія въ русскомъ воеводствѣ, а именно, львовскаго братства, подъ названіемъ св. Дѣвы, а чтобы новой никто не осмѣливался открывать подъ страхомъ конфискаціи книгъ и типографіи [2]).

Инструкціи черниговскихъ дворянъ носили характеръ прямо-противоположный вышеприведеннымъ пунктамъ инструкцій кіевскихъ, брацлавскихъ и волынскихъ дворянъ, враждебный православію; такъ, напримѣръ, въ 1683 году черниговскіе дворяне поручали своимъ посламъ хлопотать о подтвержденіи постановленія (1676 г.) о недозволеніи православнымъ ѣздить за-границу и чтобы православный епископъ не нарушалъ права католиковъ на выборъ священниковъ. Послѣднее порученіе дѣлалось, какъ видно изъ инструкціи, вслѣдствіе того, что луцкій епископъ, которому, одному изъ всѣхъ православныхъ (sic!), не нравится благое дѣло уніи и который противится благимъ намѣреніямъ короля и речипосполитой, отнимаетъ монастыри уніатскіе у исконныхъ владѣльцевъ и назначаетъ священиковъ [3]).

---

[1]) В. Б. Антоновичъ. Монографіи, т. I, 1. с.

[2]) Актъ № XLV.

[3]) Актъ № LXXXII.

На ряду съ просьбами немногихъ западно-русскихъ дворянъ, оставшихся вѣрными православію объ оказаніи поддержки православной церкви, въ инструкціяхъ южно-русскихъ воеводствъ видны заботы остальной массы дворянства объ уніи и католицизмѣ. Въ 1672 году кіевскіе дворяне, а въ 1674 году волынскіе хлопотали объ упорядоченіи отношеніи между уніатскимъ митрополитомъ Юріемъ-Гавріиломъ Колендой и уніатскими епископами: такъ какъ Коленда незаконно захватилъ двѣ архимандріи—кобринскую у епископа владимирскаго и брестскаго, Бенедикта Глинскаго, и лавришевскую у епископа пинскаго и туровскаго, Михаила Бѣлозора, то чтобы онѣ были возвращены епископамъ; такъ какъ епископъ бѣлорусскій, Кипріанъ Жоховскій, при помощи митрополита добылъ себѣ привилегію на званіе прототронія, что нарушило право епископовъ владимирскихъ, считавшихся обыкновенно прототроніями, то чтобы эта привилегія была уничтожена и чтобы епископы владимирскіе продолжали пользоваться своимъ правомъ; чтобы епископы могли самостоятельно всѣмъ распоряжаться, не спрашивая разрѣшенія у митрополита; чтобы митрополитъ не имѣлъ спеціальнаго коадъютора, а выбиралъ такового изъ епископовъ; чтобы владимирская и пинская епархіи были свободны отъ всякихъ поборовъ въ пользу митрополита; чтобы было уничтожено право митрополита управлять епархіями, архимандріями и монастырями, противорѣчащее постановленію 1595 года, а также 1670; чтобы с. Торокане было возвращено жидичинской архимандріи и чтобы впредь было запрещенно митрополиту захватывать имѣнія у уніатскаго духовенства [1]). Въ 1697 году кіевскіе дворяне постановили подтвердить права Льва Шлюбича-Заленскаго, митрополита кіевскаго,

[1]) Акты №№ LVI, LXV.

епископа владимирскаго и брестскаго на духовныя имѣнія [1]). Но особенное рвеніе къ поддержанію уніи выказывали черниговскіе дворяне: въ 1674 году они просили объ удовлетвореніи желаній епископа владимирскаго, Бенедикта Глинскаго, холмскаго, Якова Суши, и пинскаго, Михаила Бѣлозора, относительно мѣръ къ сохраненію уніи; въ 1683 году—о награжденіи владимирскаго епископа, Льва Заленскаго, за ревность по распространенію уніи и объ освобожденіи владимирской епархіи отъ взноса податей, въ виду крайняго ея разоренія; въ 1693 году—о недозволеніи отягощать имѣнія уніатскаго духовенства, находящіяся преимущественно въ великомъ княжествѣ литовскомъ, налогами на военныя надобности, такъ какъ они до того обнищали, что не могутъ содержать даже церквей и о запрещеніи жолнерамъ грабить дома уніатскихъ священниковъ [2]). Въ первый разъ постановленіе объ освобожденіи уніатской церкви отъ всѣхъ военныхъ повинностей—„постоя, выдачи провіанта, добавочныхъ квартирныхъ взносовъ, дневокъ, подводъ и всѣхъ вообще военныхъ тягостей и взысканій, состоялось въ 1667 году; впослѣдствіи законъ этотъ былъ подтвержденъ сеймомъ 1678 года, но, видно, не исполнялся, если требовались новыя настоянія, какъ мы только что видѣли. Право это, предоставленное уніатскому духовенству, составляло въ то время важную льготу; уравнивая съ одной стороны его права съ католическимъ духовенствомъ и дворянствомъ, оно оставляло православное духовеество на уровнѣ податныхъ сословій: мѣщанъ и крестьянъ; съ другой стороны оно было сопряжено съ важными матеріальными и нравственными выгодами: полное отсутствіе дисциплины въ польскомъ войскѣ, своеволіе,

[1]) Актъ № CVI.
[2]) Акты №№ LXIII, LXXXII, XCIX.

составлявшей его, шляхты дѣлали изъ постоя неизбѣжный источникъ разоренія и неисчислимыхъ обидъ для хозяина[1]).

Впрочемъ, иногда въ инструкціяхъ южно-русскихъ воеводствъ находимъ и жалобы на уніатское духовенство: въ 1674 году кіевскіе дворяне просили объ удовлетвореніи жалобы подчашаго кіевскаго, Проскуры, на дерманскаго архимандрита, Кипріана Жоховскаго, который захватилъ имѣніе Проскуры, Коршовъ, полученное отъ князя Острожскаго, уже болѣе трехъ лѣтъ, и чернецы котораго бьютъ и убиваютъ челядь Проскуры; въ 1693 г. черниговскіе дворяне просили предписать епископу львовскому, Іосифу Шумлянскому, возратить законнымъ владѣльцамъ, захваченныя имъ, дворянскія имѣнія[2]).

Своеобразный характеръ носятъ пункты инструкцій южно-русскихъ воеводствъ, гдѣ идетъ рѣчь о католической церкви, составленные окатоличившимся большинствомъ западно-русскаго дворянства; читая нѣкоторые изъ нихъ, трудно вѣрить, что это писали люди, еще такъ недавно исповѣдовавшіе православную вѣру. Въ 1662 году кіевскіе дворяне, „jako ludzie katolicki", просили, чтобы всѣ жалобы католическаго духовенства, а въ особенности епископа луцкаго, коронпаго канцлера, Николая Пражмовскаго, на опустошеніе духовныхъ имѣній и захватъ пожертвованій, были удовлетворены; въ томъ же году волынскіе дворяне настаивали, чтобы луцкая католическая каѳедра со всѣми расположенными въ волынскомъ воеводствѣ, монастырями и костелами была освобождена отъ выдачи провіанта и военнаго постоя, такъ какъ *вѣра католическая должна процвѣтать* и костелы должны быть охраняемы отъ оскверненій, ибо

[1]) В. Б. Антоновичъ. Монографіи, т. I, стр. 287 сл.

[2]) Акты №№ LXIV, XCIX,

„если эти фундаменты и колонны стоятъ крѣпко, то они оберегаютъ государственную машину отъ потрясеній, и наоборотъ, если обрушиваются вслѣдствіе какихъ-либо волненій, то и государство находится въ опасности“; черниговскіе дворяне въ 1673 году выражаютъ готовность грудью защищать „вѣру святую католическую“ [1]). Не меньшую ревность къ католицизму проявили черниговскіе дворяне въ 1693 году по дѣлу объ убійствѣ ксендза въ с. Свойчовѣ владимирскаго повѣта: „тяжело переносить“—писали они въ своей инструкціи сеймовымъ посламъ—„Казимиру Шлюбичу-Заленскому, подкоморію новогродскому, что въ имѣніи его, с. Свойчовѣ, нѣсколько времени тому назадъ учинено нѣкіимъ Сусломъ, посланникомъ московскимъ, неслыханное преступленіе: онъ оскорбилъ *религію нашу католическую*, презрѣвъ неприкосновенность нашего духовенства—съ оружіемъ въ рукахъ онъ ворвался на паперть костельную и поранилъ ксендза, выбивши ему глазъ, и крестьянъ; а потому, чтобы этотъ, поступокъ не прошелъ безнаказанно но чтобы при аудіенціи Сусла онъ былъ поставленъ ему на видъ и чтобы посланникъ былъ подвергнутъ строгому наказанію“ [2]).

Западно-русское дворянство не разъ дѣлаетъ постановленія на сеймикахъ объ освобожденіи католическаго духовенства отъ налоговъ и податей и просить о томъ же генеральные сеймы. Въ 1673 году волынскіе дворяне освободили отъ уплаты податей духовные ордена св. Бригитты и Бонифратровъ въ Луцкѣ; въ 1680 году они освободили отъ налоговъ корчмы луцкихъ Доминиканъ надъ р. Стыремъ; въ 1681 году монахини ордена св. Бригитты, а также монастырская прислуга освобо-

---

[1]) Акты №№ XXI, XXII, LXI.

[2]) Актъ № XCIX.

ждались отъ уплаты подушной подати, въ виду тратъ, произведенныхъ монастыремъ на ремонтъ костела; кромѣ того было постановлено, въ виду жалобъ духовныхъ, что ихъ принуждаютъ платить подушное въ большомъ размѣрѣ, чтобы ксендзы, не имѣющіе двухсотъ злотыхъ дохода, давали не болѣе пяти злотыхъ. Кіевскіе дворяне просили въ 1676 году оказать вспомоществованіе монастырю оо. Бонифратровъ въ Луцкѣ, а въ 1682 году о подтвержденіи права кіевскихъ Доминиканъ на, подаренное Стефаномъ Криницкимъ, м. Басань (нынѣ козелецкаго уѣзда черниговской губ.) съ прилежащими землями; въ 1684 г. они постановили выдать сто злотыхъ владимирскимъ Доминиканамъ въ благодарность за то, что они уступаютъ свой костелъ для сеймиковъ; въ 1692 году они настаивали на освобожденіи имѣній луцкихъ Доминиканъ—Боратина, Боратинки и части с. Пулганова отъ уплаты налоговъ на военныя надобности и на удовлетвореніи просьбъ люблинскихъ Доминиканъ объ уступкѣ имъ нѣскольких каменныхъ домовъ [1]).

Несмотря, впрочемъ, на такую приверженность къ католицизму, западно-русское дворянство не разъ жаловалось въ своихъ инструкціяхъ на своеволіе католическаго духовенства и просило принять противъ него строгія мѣры и дозволить предавать представителей его свѣтскому суду. Главными причинами жалобъ были неправильные поборы, которые дѣлало католическое духовенство съ дворянскихъ имѣній и всякія другія притѣсненія, чинимыя дворянамъ, и вредное вліяніе, которое оно оказывало при воспитаніи дворянскаго юношества въ своихъ школахъ.

Волынскіе дворяне въ 1659, 1662, 1669 и 1670 г. просили, чтобы было строго запрещено католическому

[1]) Акты №№ LX, LXXIV, LXXVI, LXXVIII, LXXXV, XCVI.

духовенству взимать десятину и дѣлать другіе поборы съ разоренныхъ дворянскихъ имѣній. Кіевскіе дворяне въ 1665 году заявляли, что, при всемъ желаніи, они не могутъ поддерживать разоренныхъ костеловъ, вслѣдствіе собственнаго обнищанія, а потому чтобы духовенство не дѣлало поборовъ съ разоренныхъ дворянскихъ имѣній; въ 1692 году они просили, чтобы право распредѣленія аббатствъ оставалось въ рукахъ короля и чтобы были обузданы бискупы, безпокоящіе короля письмами по частнымъ дѣламъ и притѣсняющіе дворянъ сборомъ десятины и позвами къ духовному суду. Даже черниговскіе дворяне просили въ 1667 году о недозволеніи католическому духовенству притѣснять дворянъ [1]). Но особенно характерны жалобы брацлавскихъ дворянъ: они просили объ ограниченіи jus patronatus римской куріи; о запрещеніи католическимъ бискупамъ возвышать размѣръ десятины сверхъ наложенной давними обычаями и подтвержденной римской куріей; а главное, объ установленіи точныхъ законоположеній о подсудности католическаго духовенства. Въ виду того, что католическое духовенство, нахально расчитывая на авторитетъ своего званія и опираясь на свою привилегію, по которой оно не можетъ быть вызвано ни къ какому свѣтскому суду, измышляло различныя утѣсненія дворянъ въ своихъ судахъ и консисторіяхъ и оскорбляло „острымъ перомъ“ честь великихъ людей, брацлавскіе дворяне поручали своимъ посламъ настаивать, чтобы сеймъ придумалъ мѣры къ ускромненію духовенства и чтобы дворянинъ могъ привлечь духовнаго за оскорбленіе въ трибуналъ, состоящій изъ свѣтскихъ и духовныхъ депутатовъ—отъ каждаго воеводства по два и лишь отъ волынскаго воеводства трое, отъ каждой земли по одному и отъ каждой

[1]) Акты №№ XIII, XXII, XLV, XLVI, XXIX, XCVI, XXXVI.

католической епархіи по два [1])—такъ какъ въ духовныхъ консисторіяхъ нельзя доискаться справедливости; при этомъ брацлавскіе дворяне требовали, чтобы число депутатовъ изъ духовенства въ коронномъ трибуналѣ отнюдь не было увеличиваемо, такъ какъ и безъ того эти члены трибунала злоупотребляютъ своимъ положеніемъ, внося въ реестръ дѣлъ по обвиненію въ аріанствѣ дѣла гражданскія (civilissimas), и чтобы самый этотъ реестръ былъ уничтоженъ, какъ вредный для дворянства, а судебныя рѣшенія по дѣламъ о мнимомъ аріанствѣ отмѣнены; въ виду недоразумѣній, возникающихъ между духовными и свѣтскими судьями, дворяне просили о преданіи виновныхъ изъ духовныхъ суду епископовъ. Брацлавскіе дворяне настаивали, чтобы въ томъ случаѣ, еслибы сенаторъ изъ духовныхъ вступилъ въ какую-либо вредную для отечества переписку съ иностранцами и это доказано было документально, таковой, какъ измѣнникъ, подлежалъ суду изъ духовныхъ и свѣтскихъ сенаторовъ. Желая достичь, чтобы католическое духовенство было подсудно хотя смѣшанному суду, брацлавскіе дворяне въ тоже время старались добиться, чтобы духовные совсѣмъ не привлекали свѣтскихъ лицъ къ своему суду, большею частью пристрастному, и не вмѣшивались въ судопроизводство свѣтскихъ судовъ [2]). Духовному суду съ 1543 года были подсудны дѣла о ересяхъ, расколѣ, богохульствахъ, десятинѣ, бенефиціяхъ, святотатствахъ, симоніи, убійствѣ духовныхъ лицъ; также о ворожбѣ, чарахъ, чернокнижіи, о чиншахъ и костельныхъ имуществахъ, о незаконнорожденныхъ, разводѣ и завѣщаніяхъ; еслибы кто привлекъ какое-либо духовное лицо, по обвиненію въ одномъ изъ этихъ преступленій, къ свѣтскому

[1]) G. Lengnich, l. c., t. II, p. 538.
[2]) Акты №№ LXXXVIII, XC, XCVIII.

суду, тотъ подвергался штрафу въ 14 марокъ, еслиже кто-либо изъ свѣтскихъ былъ бы привлеченъ къ духовному суду не за одно изъ вышеперечисленныхъ преступленій, то истецъ подвергался тому же штрафу [1]).

Что касается до порядковъ въ школахъ католическаго духовенства, то западно-русское дворянство возмущалось тѣмъ дурнымъ вліяніемъ, которое оказывали монахи и ксендзы на своихъ незрѣлыхъ учениковъ, уговаривая и заставляя ихъ противъ воли и безъ вѣдома родителей поступать въ монашество, вводя тѣмъ родителей въ хлопоты и причиняя имъ кручину и величайшее безпокойство; тогда какъ дворянскіе юноши желаютъ воспитываться въ духовныхъ школахъ на пользу речипосполитой, а еслибы который изъ нихъ по своей волѣ, будучи ужъ совершеннолѣтнимъ, и захотѣлъ бы сдѣлаться духовнымъ, то онъ имѣетъ право на это, но за то долженъ довольствоваться лишь четвертою частью отцовскаго имущества, при полученіи наслѣдства отъ отца [2]). Черниговскіе дворяне хлопотали даже въ 1693 году о томъ, чтобы лица, вступающія въ духовное званіе, передавали свои наслѣдственныя отъ отца или матери имѣнія ближайшимъ родственникамъ [3]). Западно-русскіе дворяне противились также вмѣшательству католическаго духовенства въ семейныя отношенія, такъ кіевскіе и волынскіе дворяне въ 1667 году выражали неудовольствіе по поводу того, что бывшій епископъ луцкій, въ 1667 г. коронный канцлеръ, Николай Пражмовскій, преслѣдуетъ дворянина Лушковскаго за то, что послѣдній выдалъ свою дочь замужъ за Загоровскаго, подчашаго волынскаго, противъ желанія Пражмовскаго [4]).

---

1) Vol. legum, I, 578, 580.
2) Актъ № XLV.
3) Актъ № XCIX.
4) Акты №№ XXXV, XXXVII.

Но, возставая противъ дурнаго вліянія, которое оказывало католическое духовенство на дворянскихъ юношей, воспитывавшихся въ его школахъ, западно-русское дворянство тѣмъ не менѣе постоянно заботилось объ этихъ школахъ. Въ 1661 и 1667 годахъ волынскіе дворяне просили объ освобожденіи всѣхъ имѣній луцкой іезуитской коллегіи, а въ особенности м. Суража и сс. Кучковецъ, Ботина и Лыща, отъ сбора провіанта, гибернъ и жолнерскихъ постоевъ, въ виду крайняго ихъ разоренія, вслѣдствіе котораго коллегія, гдѣ воспитывается молодежь не только волынскаго воеводства, но и изъ украинскихъ, закрыта и занятія artibus liberalibus прекращены, что приноситъ немалый вредъ занимающимся науками [1].— Мысль объ устройствѣ іезуитской коллегіи въ Луцкѣ пришла въ голову впервые бискупу луцкому, впослѣдствіи краковскому, Мартину Шишковскому, благодаря настояніямъ котораго луцкій капитулъ уступилъ на это дѣло свои имѣнія—Блоты, Острыевъ и Лиски; но Шишковскій сдѣлался вскорѣ епископомъ плоцкимъ, не успѣвши привесть въ исполненіе своего намѣренія. Удалось это уже его преемнику по луцкой епархіи, Павлу Волуцкому, при которомъ король Сигизмундъ III далъ іезуитамъ привилегію, отъ 6 февраля 1609 года, покупать въ нижнемъ замкѣ дома и грунты для будущей коллегіи и костела, объявилъ коллегію независимой отъ мѣстныхъ властей и освобождалъ заранѣе отъ всякихъ повинностей и налоговъ. Когда площадь, на которой стали строиться іезуиты, оказалась недостаточной, то князь Юрій Вишневецкій, каштелянъ кіевскій, подарилъ въ 1614 году коллегіи, принадлежавшій ему, грунтъ съ каменнымъ домомъ, сосѣдній съ іезуитскимъ; потомъ и представители другихъ волынскихъ дворянскихъ фамилій

[1]) Акты №№ XVII, XXXV.

дѣлали жертвы на содержаніе коллегіи: князья Юрій и Николай Чарторыйскіе, послѣдній изъ нихъ воевода волынскій, подарили коллегіи свои грунты въ нижнемъ замкѣ и значительный грунтъ на предмѣстьи для огорода; въ 1643 году Войцѣхъ Станишевскій подарилъ часть своего имѣнія; въ 1678 году князь Андрей Четвертинскій, ротмистръ е. к. м., записалъ коллегіи на своемъ имѣніи, Черцахъ, 3500 злотыхъ [1]) и т. д. М. Суражъ (что нынѣ село въ кременецк. у. волынск. губ.) въ первой четверти XVII вѣка было имѣніемъ князей Острожскихъ: еще въ 1619 году м. Суражъ принадлежало князю Янушу Острожскому († 1620 г.), что видно изъ объявленія князя Януша объ опустошеніи Татарами имѣній его въ острожской и березовской волостяхъ и изъ донесенія вознаго объ осмотрѣ опустошенныхъ имѣній [2]); потомъ оно было подарено наслѣдниками князя Януша православной церкви св. Тройцы въ Острогѣ и госпиталю, въ которомъ находили призрѣніе много „уломныхъ, хорыхъ и убогихъ розного стану и кондиціи“; кромѣ м. Суража, церковь св. Тройцы получила и с. Андрушовку, съ этихъ двухъ имѣній поступало ежегодно дохода болѣе 3000 злотыхъ польскихъ [3]). М. Суражъ было отнято у православныхъ іезуитами, вѣроятно, въ то время, когда іезуиты окончательно завладѣли несчастной княжной Галшкой Острожской, по мужу Ходкевичевой [4]). Православные требовали въ 1659 году, согласно гадяцкому договору, возвращенія между прочимъ и м. Суража [5]), но, какъ видимъ изъ вышеприведенной инструкціи 1661 года, безуспѣшно.

---

1) J. Łukaszewicz. Historya szkół... T. IV. Poznań. 1851. P. 111.
2) Архивъ Юго-зап. Россіи. Ч. VI, т. I, стр. 418.
3) О. Левицкій. Анна-Алоиза, кн. Острожская, стр. 26.
4) М. А. Максимовичъ. Собраніе сочиненій. Т. I, стр. 193.
5) Памятники, т. III, отд. 3, стр. 317.

Кіевскіе дворяне заботились объ овруцкой іезуитской коллегіи. Эта коллегія была основана первоначально, въ срединѣ XVII вѣка, кіевскимъ офиціаломъ, Игнатіемъ-Александромъ Ельцемъ, въ м. Ксаверовѣ овруцкаго повѣта, но такъ какъ послѣднее за время продолжительныхъ войнъ было сильно опустошено, то кіевскіе дворяне просили въ 1671 году на сеймѣ о переводѣ коллегіи изъ Ксаверова въ Овручъ, сеймъ согласился и сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: „такъ какъ кіевскіе дворяне, оставаясь безъ ксендзовъ и костеловъ, сами, независимо отъ іезуитовъ, желаютъ того, чтобы коллегія изъ Ксаверова, изъ посреди лѣсовъ, окончательно разрушеннаго войнами, была перенесена въ Овручъ, центръ Полѣсья, для вящшаго распространенія славы Божіей, и уступаютъ для постройки школъ и костела полъ горы, въ безпечномъ мѣстѣ, гдѣ дворяне имѣли свои судебныя мѣста, а такъ какъ условія фундаціи дозволяютъ это, то мы, считая это полезнымъ для всего воеводства, утверждаемъ коллегію іезуитскую въ Овручѣ"...[1]). Переводъ коллегіи изъ Ксаверова въ Овручъ состоялся въ 1678 году. Овруцкая коллегія обладала большими имѣніями, ей принадлежали: м. Ксаверовъ, сс. Ельцудинъ, Игнатовка или Игнатополе, Калиновка, Липляны, Ягодне и др., но продолжительныя войны окончательно разорили эти имѣнія; кромѣ непріятелей немало убытковъ причиняли іезуитамъ околичные шляхтичи: въ 1681 году іезуиты жаловались на шляхтичей Дидковскихъ, что они, пользуясь бѣгствомъ іезуитовъ во время козацкой войны, завладѣли участкомъ земли въ с. Дидковцахъ, принадлежащимъ коллегіи и переловили рыбу и бобровъ въ ксаверовскихъ озерахъ; на шляхтичей Мошковскихъ, что они захватили земли, отказанныя Игнатіемъ-Александромъ Ельцемъ въ пользу

---

[1]) J. Lukaszewicz. Historya szkół... T. IV, p. 125.

коллегіи, пользовались ими впродолженіе 12 лѣтъ и отказались возвратить ихъ іезуитамъ; въ 1683 году на шляхтичей: Василія, Семена, Андрея, Марка и Іоакима Шкуратовскихъ, что они, во время войны, разорили, принадлежавшее іезуитамъ, с. Ягодное, завладѣли землями и угодіями и отказались уплатить іезуитамъ долгъ въ 1377 злотыхъ и т. п. [1]). Вслѣдствіе такихъ разореній, іезуиты очень нуждались, этимъ объясняется слѣдующее постановленіе кіевскихъ дворянъ, сдѣланное въ 1684 году: „снисходя на просьбы іезуитовъ овруцкихъ, которые вслѣдствіе разоренія имѣній своихъ, принадлежащихъ ко ксаверовской фундаціи, до сихъ поръ не могутъ выстроить себѣ удобнаго зданія на площади, отдѣленной имъ, согласно съ нашими постановленіями, въ замкѣ овруцкомъ, въ которомъ можно было бы устроить все необходимое, для выполненія религіозныхъ обязанностей и для воспитанія юношества, мы назначаемъ 400 злотыхъ имъ въ помощь“ [2]).

Сочувственно относясь къ католицизму и уніи и терпимо къ православію, западно-русское дворянство страстно преслѣдовало другія вѣроисповѣданія и въ особенности секты. Въ 1669 году волынскіе дворяне просили о понужденіи Татаръ разрушить, построенныя ими въ земскихъ имѣніяхъ, мечети. Въ 1659 и 1661 годахъ волынскіе дворяне, а въ 1665 году черниговскіе—требовали конфискаціи имуществъ аріанъ и раздачи ихъ военнымъ и принятія рѣшительныхъ мѣръ къ уничтоженію секты, а чтобы жители г. Торуня были наказаны за укрывательство сектантовъ [3]).

---

1) Архивъ Юго-зап. Россіи. Ч. IV, т. I, стр. 137, 138, 184, 185.
2) Актъ № LXXXV.
3) Акты №№ XIII, XVII, XXVII, XXXI, XLV.

VI.

ОТНОШЕНІЕ СЕЙМИКОВЪ КЪ ВОПРОСАМЪ СОСЛОВНЫМЪ.

Во время постоянныхъ междуусобныхъ войнъ, происходившихъ во второй половинѣ XVII вѣка, дворяне южно-русскихъ воеводствъ речипосполитой очень терпѣли отъ своеволія козаковъ, не только тѣхъ, которые открыто враждовали, но и тѣхъ, которые оставались вѣрными и якобы защищали речьпосполитую; но въ этомъ они сами были виноваты, не удовлетворяя справедливыхъ требованій козаковъ. Благоразумные и просвѣщенные Поляки сами это сознавали. Львовскій каноникъ Янъ-Ѳома Юзефовичъ (род. въ 1663 г., жилъ еще въ 1725 году), составившій въ началѣ XVIII вѣка лѣтопись львовской католической архіепископіи на латинскомъ языкѣ, скорбитъ, что, вслѣдствіе неблагоразумія дворянъ, речьпосполитая лишилась въ лицѣ козаковъ надежнаго, ничего не стоившаго, оплота со стороны Москвы и Порты на юго-восточныхъ своихъ границахъ:

„Съ теченіемъ времени выяснилось, какого дикаго образа мыслей по отношенію къ отечеству придерживались тѣ, которые посовѣтовали уничтожить силой вольности и военный бытъ козаковъ; они лишили теперь, вслѣдствіе этого, столько провинцій, столько народовъ, да и себя самихъ защиты добровольной даровой безъ замедленія и траты средствъ, а главное, что вслѣдствіе

этого необыкновенное мужество козаковъ, служившее крѣпкой опорой королевству, будетъ способствовать уже его паденію, оно разсѣялось частью помежъ Москвитянъ, частью добровольно помежъ самыхъ Татаръ, и въ ближайшемъ будущемъ выступитъ на погибель своихъ повелителей и польскаго имени (трагическое зрѣлище для всего свѣта). О! еслибы ты, Польша, достойная сожалѣнія, вслѣдствіе имѣющихъ обрушиться на тебя стольких бѣдъ, могла бы предусмотрѣть тогда свои несчастія! Первымъ знакомъ несчастія, началомъ грозящей гибели было тебѣ то, что ты не захотѣла соблюдать мѣры при счастливыхъ обстоятельствахъ. О! сколько бѣдъ прикрывало обманчивое благо свободы привлекательнымъ внѣшнимъ видомъ. Опираясь на эти силы (козацкія), королевство польское со своими провинціями долгое время счастливо существовало, вело благополучно войны со внѣшними врагами безъ траты средствъ и со славою кончало, пока дворянство не начало, при такихъ счастливыхъ обстоятельствахъ, становиться дерзкимъ, гордиться, считать себя выше другихъ людей, а прочихъ за мужиковъ, смотрѣть на козаковъ, какъ на достойныхъ презрѣнія, низкихъ по рожденію, грубыхъ, деревенщину, притѣснять клеветами, наказаніями, измышленными пенями при постоянномъ увеличеніи податей и сборами налоговъ въ свою пользу, угнетать невыносимымъ высокомѣріемъ. Итакъ, ты, Польша, по заслугамъ подверглась столькимъ бѣдамъ, понесла справедливое наказаніе за гордость и угнетенія; никто долго не удерживалъ насильственной власти, длится лишь кроткое господство, какъ написалъ Сенека; козаки, которые нѣкогда были надеждой и силой цвѣтущаго королевства и воевали, какъ безстрашная рать, являются теперь твоимъ бичемъ. Неизбѣжна тебѣ гибель, если будутъ нападать, а Божья справедливость возмущена твоими проступками....

Незнаю, долженъ ли я хвалить, или порицать счастливый рокъ Польши по отношенію къ подчиненію Украины. Мрачные декреты генеральныхъ сеймовъ, жестокія сенатскія постановленія рѣшали пресѣчь коварство козаковъ желѣзомъ. Эти, считая, что съ ними поступаютъ несправедливо, жестоко, будто съ отчаянія, но тѣмъ не менѣе самоувѣренно полагаясь на настроеніе своего духа, уже не желаютъ подчиняться игу и не хотятъ терпѣть польской узды, хотя бы перевитой золотомъ милосердія, и даже тяжкую для всѣхъ христіанскихъ народовъ мощь турецкую сваливаютъ на голову одной Польши" [1]).

Первая выдержка стоитъ въ лѣтописи Юзефовича подъ 1640 и 1648 годами, вторая подъ 1672 годомъ. Какъ видимъ, составитель лѣтописи одинаково порицаетъ польскую шляхту за ея отношеніе къ козакамъ какъ въ эпоху Хмельниччины, такъ и въ послѣдующее время, наканунѣ грознаго турецкаго вторженія, имѣвшаго столь печальныя для Польши послѣдствія.

И Бѣневскій придерживался такого же взгляда на отношенія шляхты къ козакамъ и считалъ ее виновницей всѣхъ печальныхъ междуусобій второй половины XVII вѣка:

„Стефанъ Баторій, желая обезопасить речьпосполитую отъ татарскихъ вторженій, набралъ шесть тысячъ запорожскихъ козаковъ, а было въ то время всѣхъ тѣхъ козаковъ на днѣпровскихъ островахъ сорокъ тысячъ, и тѣмъ шести тысячамъ отдалъ приднѣпровскія пустоши и Трехтимировъ, чтобы они имѣли тамъ складъ оружія и центръ своего управленія, даровалъ имъ всѣ земли, которыя тянутся отъ Трехтимирова до Тавриды, чтобы эти козаки привыкали къ болѣе осѣдлому образу жизни, и позволилъ имъ выбирать гетмана, и они давали отпоръ Татарамъ также, какъ и тѣ козаки, которые оставались

---

[1]) Сборникъ лѣтописей. Кіевъ. 1888. Стр. 121 сл., 199.

на островахъ и, живя на островахъ, висѣли грозой надъ Крымомъ и Очаковомъ. Отсюда ясно, что всегда было два рода козаковъ: одни по селамъ, которые назывались реестровыми, другіе на днѣпровскихъ островахъ; реестровые всегда противостояли Татарамъ на сушѣ, низовые, хотя и уходили на зиму со своихъ пороговъ, однако нападали на орду, а лѣтомъ ради удобства собирались, какъ новые острова на морѣ, и на чайкахъ пускались въ Черное море; не новостью было имъ палить предмѣстья Константинополя, а въ 1616 году сожгли Трапезундъ; въ чайкахъ нападали они на турецкія галеры, ибо, если видѣли превосходство турецкихъ силъ, они уплывали на мелководіе, хорошо зная, что турецкія галеры не могутъ къ нимъ добраться и Турки смотрѣли лишь на нихъ издалека, какъ только же галеры трогались съ мѣста, то они снова нападали на Турокъ. Страшная была то сила противъ Турокъ и, какъ нѣкій авторъ пишетъ, былъ у нихъ слѣдующій обычный способъ воевать: смѣлостью, внезапнымъ нападеніемъ, голодомъ, выносливостью, врага побѣждаютъ, появляются когда ихъ менѣе всего ожидаютъ, и, вслѣдствіе такой неожиданности, наводятъ страхъ. Темная ночь, непогодная, когда не только люди, но и животныя ищутъ пріюта, для нихъ самая лучшая пора—крикомъ приводятъ непріятеля въ смятеніе, въ одной сторонѣ произведутъ тревогу, а съ другой нападаютъ, ползутъ на четверенькахъ по-разбойничьи въ травѣ, забиваютъ колья, наилучшіе стрѣлки становятся впереди, неумѣлые, стоя за тѣми, набиваютъ ружья и передаютъ переднимъ; они переплываютъ рѣки на кожаныхъ мѣшкахъ, плывутъ, положивши оружіе за спину и ухватившись за конскій хвостъ. Итакъ, какъ только Турокъ нападалъ на насъ, козаки тотчасъ плыли въ Черное море; если также врывался въ наши края Татаринъ, то ему на встрѣчу шло кварцяное войско и

тѣже козаки. Какъ мы утратили эту милицію съ 1648 г. и почему на насъ же это обрушилось, я отсылаю за разъясненіями къ болѣе мудрымъ, ибо, при степени развитія моего разсудка, не уразумѣю такого обстоятельства, какъ, напримѣръ, сооруженіе Кодака, для сохраненія добрыхъ отношеній съ Портой, которая тѣмъ не менѣе враждовала съ нами чрезъ посредство Татаръ. Не отклонили ли мы скорѣе козаковъ отъ себя, воздвигая Кодакъ, не грабили ли мы ихъ сами, если конституціей 1633 года довели ихъ, дѣйствительно, до отчаянія?[1]). Вообще, если возстаніе Павлюка, котораго посадили на колъ, имѣло основанія, если дѣйствительно, даны имъ коммиссары, какъ они объявляютъ, если дѣйствительно, они преданы жидамъ, запрещено имъ производство браги и водокъ и bałaxystwa (?), если дѣйствительно, вызваны нами гибельныя войны Хмельницкаго; то, конечно, чаша переполнилась, а затѣмъ на насъ обрушились войны съ сосѣдями—Москвой, Портой. Какъ я уже говорилъ, предоставляю болѣе мудрымъ разъяснять это, а я только напоминаю, что если мы впредь не удержимъ за собою Украины, то всѣ наши хлопоты тщетны. Пусть наши послы почерпнутъ изъ этой замѣтки, что найдутъ для себя нужнымъ, но они должны имѣть въ виду, что наша речьпосполитая не можетъ бороться съ такимъ могущественнымъ врагомъ (Турками) лишь съ однимъ наемнымъ войскомъ"...

Козаки, неудовлетворенные въ своихъ справедливыхъ требованіяхъ, не щадили своихъ угнетателей, а потому мы встрѣчаемъ въ инструкціяхъ западно-русскихъ дворянъ сеймовымъ посламъ постоянныя жалобы на козаковъ и просьбы объ ихъ обузданіи и возвратѣ, захваченныхъ ими, имѣній.

---

[1]) Бѣневскій разумѣетъ тяжкія репрессаліи со стороны правительства послѣ, печально кончившихся для козаковъ, возстаній Павлюка и Острянина.

Наиболѣе терпѣли отъ козаковъ кіевскіе и брацлавскіе дворяне. Особенно характерна жалоба кіевскихъ дворянъ, отъ 1688 года, великому коронному гетману, Станиславу Яблоновскому: „нѣтъ ничего тяжче, какъ переносить притѣсненія отъ своихъ собственныхъ защитниковъ; нельзя выразить того, какое разореніе производятъ козаки въ нашемъ воеводствѣ, ибо не только, возвращаясь съ войны, они не могутъ впродолженіе шести и болѣе недѣль расквартироваться, но и потомъ сотнями переходятъ съ мѣста на мѣсто и выгоняютъ другъ друга „съ лучшаго хлѣба“, бьютъ, разгоняютъ обывателей, а сами въ клуняхъ и хатахъ ихъ хозяйничаютъ. Еще этого мало—они заявляютъ что границы ихъ владѣній достигаютъ р. Случи со стороны Волыни, и р. Уши со стороны великаго княжества литовскаго, отнимаютъ у пановъ подстаростъ власть надъ подданными, возбуждаютъ крестьянъ къ бунту, производятъ разбои по лѣсамъ и большимъ дорогамъ. Наше воеводство не только стонетъ отъ этого своеволія, но и боится, чтобы эта непритушенная искра когда нибудь, по примѣру прежняго времени, не была причиной большаго пожара, а потому проситъ, чтобы козакамъ на зиму были указаны квартиры гдѣ въ другомъ мѣстѣ, а въ кіевскомъ Полѣсьи вмѣсто нихъ чтобы были размѣщены или иноземныя, или польскія войска, въ Житомирѣ или гдѣ въ другомъ мѣстѣ. Послы будутъ просить также, чтобы было обращено особенное вниманіе на защиту имѣній въ кіевскомъ Полѣсьи почтеннаго рода Немиричей и въ особенности окончательно разоренныхъ имѣній Ѳедора Немирича, подкоморича кіевскаго, въ которыхъ козаки устроили себѣ резиденцію“ [1]). Брацлавскіе дворяне постоянно хлопочутъ

[1]) Актъ № LXXXIX.—D-r. Antoni I. Opowiadania. Serya IV, t. II. О козацкихъ слободахъ въ кіевскомъ Полѣсьи. P. 270—276.

о выводѣ козаковъ, „глупаго отребья черни“, изъ предѣловъ брацлавскаго воеводства и о запрещеніи имъ устраивать здѣсь новыя слободы [1]). Въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, съ появленіемъ въ предѣлахъ Кіевщины Палія, Искры, Самуся и другихъ козацкихъ полковниковъ, жалобы кіевскихъ дворянъ превращаются въ вопли. 2-го мая 1697 года состоялось постановленіе кіевскихъ дворянъ, въ которомъ, между прочимъ, они описываютъ притѣсненія, которымъ подвергаются дворяне отъ козацкихъ полковниковъ Яремы, Искры, Палія и Барабаша; они ограбили каштеляна троцкаго, Казимира Сапѣгу, въ Чернобылѣ; Деренговскаго; войскаго житомирскаго, Стецкаго; подкоморія кіевскаго въ с. Лугинахъ; судью земскаго кіевскаго, Войнаровскаго; войскаго кіевскаго, Марка Аксака; стольника житомирскаго, Ремигіана Сурина; хоружаго житомирскаго, Ставецкаго, въ Чернеевцахъ; шляхтянокъ, какъ какихъ нибудь кухарокъ, они заставляли прислуживать, били и калѣчили, принуждая выдавать провіантъ [2]).

Волынскіе дворяне просили о возвращеніи дворянамъ, захваченныхъ козаками имѣній—м. Мліева, доставшагося въ 1659 году въ собственность бывшему судьѣ войска запорожскаго, Самуилу Зарудному, прежнимъ владѣльцамъ, Конецпольскимъ, города Умани, сдѣлавшагося резиденціею Ханенка, Потоцкимъ [3]) и т. п.

Самыми существенными мѣрами къ обузданію козаковъ западно-русскіе дворяне считали составленіе реестра козаковъ и ассигнованіе затѣмъ опредѣленной суммы на ихъ содержаніе и опредѣленнаго жалованія полковникамъ, сотникамъ, другимъ урядникамъ и рядовымъ козакамъ и

---

[1]) Акты №№ LXXXVIII, XC, XCV, XCVIII.

[2]) Акты №№ CIV, CVI, XCVI.

[3]) Актъ № XVII.—Słownik geograficzny, Filipa Sulimierskiego etc. T. III (W. 1882.) Human; t. VI. (W. 1885.) Mlijów.

кромѣ того награжденіе козаковъ, остававшихся вѣрными речипосполитой и соблюдавшихъ дисциплину [1]). Но, конечно, что эти мѣропріятія во второй половинѣ XVII вѣка, послѣ стольких кровавыхъ жертвъ не могли уже привести къ умиротворенію Украины—козаки, по выраженію Яна Юзефовича, не хотѣли уже „терпѣть польской узды, хотя бы и перевитой золотомъ милосердія", не довольствовались уже паллiативами, а требовали фактическаго признанія національной и религіозной свободы и улучшенія экономическаго положенія населенія въ Украинѣ.

Козаки опустошали дворянскія имѣнія съ оружіемъ въ рукахъ, крестьяне не менѣе способствовали этому, совершая постоянные побѣги.

Всеобщіе побѣги крестьянъ въ первой половинѣ XVII вѣка составляютъ самую выдающуюся черту бытовыхъ отношеній въ юго-западномъ краѣ. Побѣги были далеко не случайные и не единичные, а, напротивъ того, имѣли видъ передвиженія народонаселенія, настоящей колонизаціи, такъ, въ каждомъ актѣ, гдѣ перечисляются бѣжавшіе крестьяне, владѣлецъ жалуется, что они ушли отъ него не одни, а „съ женами, дѣтьми, съ лошадьми, волами и со всѣмъ своимъ домашнимъ имуществомъ"; притомъ изъ самого перечня бѣглыхъ можно заключить объ огромной численности переходившихъ съ мѣста на мѣсто крестьянъ. Вся эта масса переселялась въ гетманщину, слободскіе полки и на окраины речипосполитой, куда ее манили слободскія условія, дававшія возможность разсчитывать хотя на временное облегченіе тяжелаго ихъ экономическаго положенія [2]). Таковое стремленіе покинуть родной край и искать счастья въ новыхъ

[1]) Акты №№ XIX, XXI, LIV, LVIII, LIX, XCVII.
[2]) Архивъ Юго-зап. Россіи Ч. VI, т. 2, стр. 31, 36.

земляхъ замѣчается уже во второй половинѣ XVII вѣка— въ инструкціяхъ сеймовымъ посламъ мы находимъ постоянныя жалобы на это. Волынскіе дворяне жаловались, что крестьяне, получивши вкусъ къ своевольничанью впродолженіе многолѣтнихъ козацкихъ войнъ, стараются всѣми мѣрами освободиться отъ крѣпостной зависимости, такъ, напримѣръ, крестьяне с. Яскевичъ въ овруцкомъ повѣтѣ кіевскаго воеводства, находившагося до 1680 г. въ безмятежномъ владѣніи наслѣдниковъ Александра Цеклинскаго, выпросивши себѣ подъ какимъ-то предлогомъ изъ королевской канцеляріи привилей, напали на поссессора, дворянина Вентурія Ганскаго, спалили дворъ его, поранили нѣсколькихъ шляхтичей, а одного убили изъ ружья и другія насилія произвели, поэтому чтобы староста овруцкій или житомирскій обратилъ на это особенное вниманіе и не только бунтующихъ, но и подстрекателей предалъ строгому суду[1]) Чтобы прекратить крестьянскіе побѣги, западно-русскіе дворяне просили запретить устраивать слободы изъ бѣглыхъ и уничтожить уже устроенныя, какъ, напримѣръ, Корчикъ, Великое Полонное въ кременецкомъ повѣтѣ и др.; землевладѣльцевъ, принимающихъ бѣглыхъ на льготныхъ условіяхъ, понуждать къ выдачѣ крестьянъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ по первому требованію и присуждать къ баниціи и штрафу въ 1000 гривенъ, разборъ же подобныхъ дѣлъ предоставить гродскимъ судамъ съ правомъ аппелляціи на рѣшенія этихъ судовъ въ мѣстные рочки, а не въ трибуналъ[2]). Наиболѣе виновны были въ переманиваніи крестьянъ и укрывательствѣ магнаты, владѣвшіе обширными пустынными землями, а потому западно-русскіе дворяне просили запретить магнатамъ обижать бѣдныхъ

¹) Актъ № LXXV.
²) Акты №№ XVII, XVIII, XIX, XLV, LXIX, LXXXVII, XCVII.

дворянъ и понуждать ихъ къ отдачѣ бѣглыхъ; въ 1669 году волынскіе дворяне постановили поручить своему маршалку, Николаю Моссаковскому, мечнику висскому, написать письмо къ воеводѣ краковскому, князю Вишневецкому, гетману великому коронному, съ просьбой отъ имени всѣхъ дворянъ, чтобы онъ приказалъ осадчимъ и урядникамъ выдать бѣглыхъ изъ слободъ збаражскихъ и иныхъ и впредь не принимать[1]). До чего опустѣлъ западно-русскій край и какой ощущался недостатокъ въ рабочихъ рукахъ во второй половинѣ XVII вѣка, можно судить по слѣдующему пункту инструкціи волынскихъ дворянъ 1669 года: „вслѣдствіе постояннаго военнаго постоя, воеводство очень обѣднѣло, такъ что трудно заниматься землепашествомъ, а тутъ еще недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, такъ что приходится перебивать другъ у друга и плата доходитъ до 12 и 15 грошей въ день одному работнику, а потому послы будутъ просить объ установленіи таксы на рабочія руки и еслибы кто платилъ больше противъ положеннаго, то чтобы на такого налагали штрафъ въ 200 марокъ въ пользу лица, донесшаго объ этомъ въ гродъ и доказавшаго доносъ показаніями двухъ свидѣтелей“ [2]).

Чтобы отбить охоту у крестьянъ совершать побѣги, было постановлено: если въ какомъ селеніи найдется бѣглый крестьянинъ, то дозволялось владѣльцу имѣнія обратить все его имущество въ свою пользу, а самого его съ женою и дѣтьми предписывалось отослать къ прежнему владѣльцу и если только послѣднее выполнялось, то никто не могъ претендовать на захватъ имущества бѣглаго; бѣглые, прожившіе въ какой-либо слободѣ годъ и шесть недѣль считались уже крѣпостными [3]). Но, не-

---

[1]) Акты №№ XLII, LXXI.
[2]) Актъ № XLV.
[3]) Акты №№ LXXVI, XCVI.

смотря на все это, крестьяне производили постоянные побѣги и иногда, собираясь цѣлыми толпами, грабили дворянскія имѣнія. Эти толпы достигали иногда такихъ размѣровъ, что приходилось принимать противъ нихъ экстраординарныя мѣры, такъ, напримѣръ, въ маѣ 1665 года толпа крестьянъ до 2000 человѣкъ подъ предводительствомъ нѣкоего Дацька Дейнеки, собравшись за Днѣпромъ и переправившись на правый берегъ, направилась къ Коростышеву, Макарову, Рожеву, осадила Брусиловъ; всѣ дворяне, которые жили въ Украинѣ, и евреи поубѣгали изъ своихъ домовъ и имѣній на Волынь; жолнерскія хоругви въ разныхъ мѣстахъ вступали въ битвы, но терпѣли пораженія [1]). Изъ постановленія волынскихъ дворянъ на сеймикѣ въ Луцкѣ, 3 августа 1666 года, видно, что крестьяне эти надѣлали не мало бѣдъ, въ особенности въ волынскомъ воеводствѣ—разрушали города, селенія, убивали людей, захватывали имущество, такъ что пришлось принять противъ нихъ крайнія мѣры: послать гродскаго владимирскаго судью, Збигнѣва Лубенецкаго, и Дмитрія Рогозинскаго къ королю съ просьбой о помощи и объявить по всему воеводству, чтобы къ 14 августа всѣ собрались вооруженные къ Луцку [2]).

Обиліе крестьянскихъ побѣговъ во второй половинѣ XVII вѣка легко объясняется взглядомъ дворянъ на крестьянъ, существовавшимъ въ то время: они часто жаловались, напримѣръ, на жолнеровъ, что послѣдніе не щадятъ ни дворянскихъ, ни крестьянскихъ усадьбъ, при нападеніяхъ съ цѣлью грабежа—пусть бы ужъ грабили крестьянскія хаты, а дворянскія усадьбы оставляли въ покоѣ [1]). Конечно, подвергаясь постояннымъ угнете-

[1]) Latopisiec Joachima Jerlicza. T. II (W. 1853.), p. 102.
[2]) Актъ № XXXIII.
[3]) Актъ № XIII.

ніямъ со стороны дворянъ и жолнеровъ крестьяне поневолѣ должны были покидать родныя пепелища и искать счастья въ новыхъ земляхъ.

Ознакомимся теперь съ отношеніемъ западно-русскихъ дворянъ къ евреямъ, составлявшимъ значительный контингентъ населенія юго-западнаго края во второй половинѣ XVII вѣка, оказывавшимъ значительное вліяніе на экономическую жизнь края и бывшимъ до извѣстной степени виновниками козацкихъ возстаній, вслѣдствіе сильнаго корыстолюбія и неразборчивости путей къ добыванію денегъ.

Евреи издавна не только не пользовались покровительствомъ какъ со стороны населенія, такъ и правительства, но, напротивъ того, подвергались даже особенно стѣснительнымъ мѣрамъ. Первая весьма рѣшительная мѣра принята была правительствомъ противъ евреевъ въ 1495 году великимъ княземъ литовскимъ Александромъ, который приказалъ „жидову за земли нашое вънѣ выбити“ и конфисковалъ недвижимое имѣніе, принадлежавшее евреямъ. Правда, въ 1503 году Александръ вновь разрѣшилъ евреямъ возвратиться въ предѣлы великаго княжества литовскаго, но притѣсненія продолжались и при его наслѣдникахъ; такъ королевскою грамотою 1619 года запрещено имъ было пріобрѣтать осѣдлость или заниматься торговлею въ Кіевѣ, подъ опасеніемъ конфискаціи какъ домовъ, ими купленныхъ, такъ и, привезеннаго для продажи, товара, далѣе, тою же грамотою имъ воспрещалось останавливаться въ городѣ долѣе одного дня и внѣ особеннаго указаннаго для нихъ подворія. И въ другихъ городахъ южно-русскихъ воеводствъ состоялись подобныя стѣснительныя для евреевъ постановленія. Помимо такихъ мѣстныхъ стѣсненій, отъ времени до времени на сеймахъ старались провести общія мѣры, неблагопріятныя для евреевъ: сеймы

постановляли то взимать съ нихъ подать въ двойномъ количествѣ противъ той, которую платили христіанскія податныя сословія, то облагали ихъ единовременными подушными налогами, то, подъ угрозою смертной казни, воспрещали евреямъ торговать лошадьми, то требовали, чтобы они сдавали въ монетный дворъ по низкой цѣнѣ, принадлежавшее имъ, сребро, то заставляли ихъ испрашивать или покупать у католическихъ епископовъ право на постройку синагогъ, то запрещали, подъ опасеніемъ штрафа, держать прислугу изъ христіанъ, продавать съѣстные припасы, ходить вмѣстѣ съ христіанами въ баню и т. п. Несмотря на всѣ исчисленныя постановленія, евреи были въ выгодномъ экономическомъ положеніи, завладѣвъ всѣми почти промыслами и торговыми предпріятіями; всѣ города южно-русскіе безпрестанно жалуются на это въ срединѣ XVII вѣка[1]). Въ высшей степени интересны въ этомъ отношеніи свидѣтельства, вышеупомянутой нами, лѣтописи Яна Юзефовича. Во всей лѣтописи разсѣяны свѣдѣнія объ упорной борьбѣ горожанъ львовскихъ съ поселившимися въ городѣ евреями; послѣдніе, пользуясь покровительствомъ воеводъ, старостъ и другихъ административныхъ чиновниковъ и не признавая надъ собою власти магистрата, а также не неся повинностей, возложенныхъ послѣднимъ на членовъ христіанской городской общины, вступили въ весьма удачную торговую конкурренцію съ купцами и ремесленниками христіанами. Конкурренція эта вызвала упорную, несмолкавшую борьбу, доходившую иногда до весьма рѣзкихъ столкновеній; такъ въ 1644 году происходила на улицахъ Львова втеченіе трехъ дней формальная война между евреями и защищавшею ихъ старостинскою милиціею съ одной стороны и горожанами—христіанами и, принявшими

[1]) В. Б. Антоновичъ. Монографіи, т. I, стр. 188 сл.

ихъ сторону, студентами съ другой; съ большимъ трудомъ удалось городскимъ властямъ прекратить кровопролитныя схватки и заставить спорившія стороны подчиниться судебному разбирательству. Разсказывая столкновенія съ евреями, Юзефовичъ раздѣляетъ вполнѣ чувства раздраженія, существовавшія у его согражданъ; онъ не стѣсняется въ выраженіяхъ и эпитетахъ и приписываетъ евреямъ всевозможныя преступленія, въ которыхъ обвиняла ихъ городская молва: похищеніе дѣтей, насилія, систематическія убійства изъ побужденій религіознаго фанатизма и т. п. Вѣроятно, большинство этихъ обвиненій основано не на фактическихъ данныхъ, а на молвѣ, возникавшей на почвѣ сильнаго и продолжительнаго раздраженія; какъ кажется, фактическое основаніе имѣютъ лишь постоянные упреки евреевъ въ ростовщичествѣ [1]).

Въ отношеніяхъ дворянъ къ евреямъ замѣчается нѣкоторая двойственность.

Во второй половинѣ XVII вѣка дворяне постоянно жаловались на евреевъ: черниговскіе дворяне говорили въ 1665 году въ своей инструкціи: „страшно вспомнить, какія нечестивыя преступленія учинилъ жидовскій народъ, чему можно постоянно видѣть примѣры, а такъ какъ за такія преступленія аріане, по большей части наши братья, изгнаны, то тѣмъ болѣе враги вѣры и почти рабы должны быть выгнаны и объявлены лишенными имущества, а еслибы всѣ сословія захотѣли ихъ оставить въ речипосполитой, то чтобы была наложена на нихъ повышенная подушная подать“ [2]); также относились къ евреямъ брацлавскіе и др. дворяне—брацлавскіе дворяне высказывались даже за болѣе частое примѣненіе смертной казни въ тѣхъ случаяхъ, когда еврей-

¹) Сборникъ лѣтописей, стр. XLIV.
²) Актъ № XXVII.

ское коварство нарушало старыя установленія [1]). Очень возмущало между прочимъ дворянъ то, что прислуга, часто ради большаго жалованья, охотнѣе поступала на службу къ евреямъ, чѣмъ къ нимъ; чтобы устранить это, волынскіе дворяне сдѣлали въ 1680 году постановленіе о наложеніи подушной подати вчетверо большей противъ оклада на христіанскую прислугу обоего пола, служащую у евреевъ [2]). Еще въ 1565 году былъ законъ, по которому христіане не имѣли права служить у евреевъ подъ страхомъ заключенія въ тюрьму, а евреи должны были платить штрафъ въ 100 марокъ за удержаніе, въ качествѣ прислуги, христіанина. Это касалось домашней прислуги, а не фурманщиковъ и вообще возчиковъ, услугами которыхъ евреи пользовались короткое время. За точнымъ исполненіемъ этого закона должны были слѣдить старосты и городскіе урядники; въ 1690 году онъ былъ подтвержденъ [3]).

Но, несмотря на видимое нерасположеніе къ евреямъ, западно-русскіе дворяне часто просили оказать имъ снисхожденіе при уплатѣ податей и даже объ освобожденіи совсѣмъ отъ уплаты налоговъ и податей, кромѣ подушной и чоповаго [4]). Дѣйствительно, во второй половинѣ XVII вѣка евреи сильно обнищали. Въ 1660 году литовскіе евреи до того разорились, что главныя общины не въ состояніи были уплатить 12000 злотыхъ. Съ конца XVII вѣка евреи принуждены были дѣлать займы какъ у свѣтскихъ лицъ, такъ въ особенности у различныхъ духовныхъ учрежденій: церквей, конгрегацій, коллегій, монастырей и духовныхъ орденовъ. Займы у послѣднихъ

---

1) Актъ № XLIII.
2) Актъ № LXXIV.
3) Vol. legum, II, 691; V, 82.
4) Акты №№ XX, LVI, LXXXVI, XCIII.

заключались обыкновенно безсрочные и подъ обезпеченіе кагальною недвижимостію. Такимъ образомъ большая часть недвижимыхъ имуществъ кагаловъ находилась въ безсрочномъ залогѣ [1]).

Часто бывали случаи покровительства отдѣльнымъ евреямъ, такъ въ 1688 году волынскіе дворяне, соболѣзнуя еврею Израилю Маркевичу, мѣщанину владимирскому, который доведенъ до убожества чрезъ захватъ его товаровъ заднѣпровскими купцами, просили объ изысканіи мѣръ къ приведенію въ исполненіе приговора люблинскаго трибунала объ уплатѣ ему послѣдними 60000 злотыхъ [2]).

Съ евреевъ издавна взималась подушная подать по одному злотому съ человѣка, безъ различія пола и возраста—въ 1578 году такимъ путемъ поступило въ казну со всего государства 10018 злотыхъ 18½ грошей; изъ податнаго списка видно, что волынскіе евреи внесли въ это число 587 злотыхъ, подольскіе—531 зл., изъ кіевскаго и брацлавскаго воеводствъ совсѣмъ не было поступленій. Подушная подать съ евреевъ росла съ каждымъ годомъ, вслѣдствіе быстраго прироста еврейскаго населенія и повышенія иногда оклада—въ 1588 году она достигла общей цифры 20000 злотыхъ [3]), а ко второй половинѣ XVII вѣка до 72000 злотыхъ; въ 1672 году западно-русскіе дворяне требовали, чтобы евреи, оправившись нѣсколько послѣ войнъ, опять вносили такую же сумму подушной подати [4]). Чтобы не было злоупотребленій и чтобы тягость подати ложилась равномѣрно на всѣхъ евреевъ, дворяне просили о производствѣ ревизіи евреевъ и о равномѣрномъ распредѣленіи между

[1]) Бершадскій. Литовскіе евреи, (СПБ. 1883) стр. 3, 8, 16—20.
[2]) Актъ № LXXXVII.
[3]) A. Pawinski. Skarbowosc w Polsce etc (W. 1881.), p. 175 sq.
[4]) Акты №№ LVII, LVIII.

евреями, живущими какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ [1]).

Двойственность въ отношеніяхъ западно-русскихъ дворянъ къ евреямъ можетъ быть объяснена сословнымъ эгоизмомъ: если тѣ злоупотребленія, которыя производили евреи, приносили вредъ лишь интересамъ другихъ сословій, а дворянамъ, быть можетъ, даже нѣкоторую пользу, то послѣдніе относились къ евреямъ покровительственно; они только тогда обрушивались на евреевъ, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о наймѣ христіанской прислуги, когда затрогивались интересы ихъ сословія. Дворяне вообще интересовались присутствіемъ въ краѣ евреевъ, которые, при своей національной юркости, способствовали ихъ обогащенію.



1) Акты №№ LXXXI, LXXXII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ самомъ началѣ XVI вѣка и, вѣроятно, раньше, не говоря уже объ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ, населеніе юго-западной Руси имѣло обыкновеніе собираться въ свои административные центры, для совмѣстнаго обсужденія своихъ нуждъ, подобно тому какъ это дѣлалось и въ другихъ славянскихъ краяхъ. До эпохи люблинской уніи эти съѣзды имѣли всесословный характеръ и вслѣдствіе этого, конечно, результаты общихъ посужденій удовлетворяли интересамъ *всего* населенія. Полонизація западно-русскаго края во второй половинѣ XVII вѣка измѣнила этотъ характеръ съѣздовъ, *сеймовъ*, *соймовъ*—исключительное право активнаго участія въ нихъ получили дворяне, которые, конечно, скоро освоились съ новымъ удобнымъ для нихъ характеромъ провинціальныхъ съѣздовъ и стали удѣлять наибольшее количество времени обсужденію вопросовъ, касавшихся ихъ сословія, и если и трактовали объ интересахъ другихъ классовъ населенія, то лишь настолько, насколько таковые соприкасались съ ихъ сословными интересами.

Сосредоточеніе областнаго самоуправленія въ рукахъ дворянства способствовало его обезнаціоналенію, отчужденію отъ остальныхъ классовъ населенія, остававшихся вѣрными своимъ національнымъ и религіознымъ традиціямъ, и установленію враждебныхъ отношеній между безправными и привилегированнымъ сословіями. Ознако-

мившись ближе съ отношеніемъ западно-русскихъ дворянъ второй половины XVII вѣка къ вопросамъ, входившимъ въ сферу компетенціи сеймиковъ, мы могли убѣдиться, что, попробовавши шляхетскихъ вольностей, они представили наиболѣе удобную почву для полонизаціи. Отступивши отъ своихъ національныхъ традицій безъ всякихъ усилій со стороны польскаго правительства, они прямо примкнули къ польской шляхтѣ, скоро усвоили ея воззрѣнія и увеличили собою этотъ тлетворный элементъ речипосполитой. Подобно польскимъ шляхтичамъ, они противились усиленію королевской власти, ревниво оберегали свои сословныя права, старались облегчить тяжкое экономическое положеніе представителей преимущественно своего сословія, относились сочувственно къ католицизму и уніи и лишь терпимо, въ видахъ политическихъ, къ православію, не хотѣли признавать справедливыхъ требованій козаковъ, угнетали крестьянъ, презирали и въ тоже время покровительствовали евреямъ.

Другіе классы населенія западно-русскаго края, не имѣя возможности добиться мирнымъ путемъ лучшаго соціальнаго и экономическаго положенія и страдая отъ дворянскаго самоуправленія, проникались все большей ненавистью къ мѣстному дворянству и, естественно, къ, измѣнившимъ его духовный обликъ, польско-шляхетскимъ порядкамъ и съ оружіемъ въ рукахъ добивались признанія своей національной и религіозной свободы и облегченія тяжкаго экономическаго положенія.

Хотя со строго научной безпристрастной точки зрѣнія слѣдуетъ считаться лишь съ историческими фактами, но мы позволимъ себѣ въ интересахъ выясненія исторической истины и дальнѣйшихъ судебъ западно-русской народности сдѣлать предположеніе, которое, быть можетъ, подтвердится дальнѣйшими научными изысканіями, что

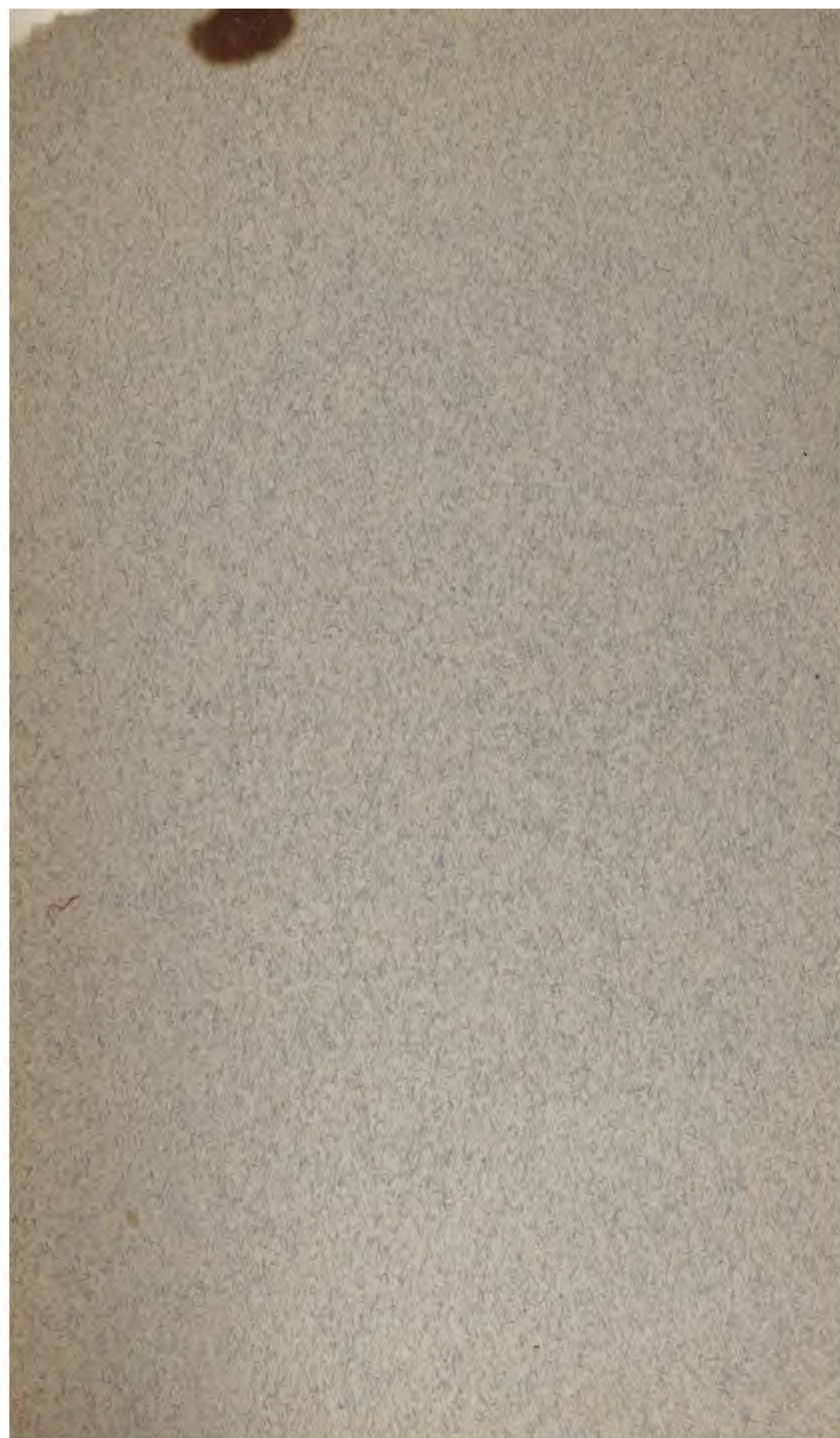
еслибы самоуправленіе въ юго-западной Руси сохранило свой прежній всесословный національно-русскій характеръ, то, быть можетъ, оно удержало бы западно-русскихъ дворянъ отъ національнаго и религіознаго отступничества на пользу родного края, до такой степени поспособствовало бы правильному гражданскому развитію населенія юго-западной Руси въ полномъ его составѣ, что послѣднее могло бы вступить въ успѣшную борьбу мирнымъ путемъ съ разнузданною польскою шляхтою за свои національныя права, реформировало бы государственный строй речипосполитой, оказавши поддержку нѣкоторымъ благимъ намѣреніямъ польскихъ королей, и такимъ образомъ спасло бы речьпосполитую отъ гибели и способствовало бы ея сближенію съ единоплеменною Россіею и другими славянскими народностями.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Замѣченныя опечатки:

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
6	4 сверху	бельзской	белзской
10	7 —	гусударство	государство
16	3 —	рѣчипосполитой	речипосполитой
—	3 снизу	вотъ, какъ	вотъ какъ
39	2 сверху	закюченъ	заключенъ
51	6 снизу	западнорусское	западно-русское
53	1 сверху	по видимому	повидимому
73	7 сверху	не далѣе	не долѣе
—	7 снизу	продолжали, проживать	продолжали проживать
108	2 —	момастыри	монастыри
110	4 —	духовеество	духовенство





ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. Охочекомонный полковникъ Илья Өедоровичъ Новицкій. Кіевъ. 1885. Ц. 30 к.

2. Исторія составленія „Топографическаго описанія черниговскаго намѣстничества“ Шафонскаго. (Эпизодъ изъ южно-русской исторіографіи). Кіевъ. 1886. Ц. 30 к.

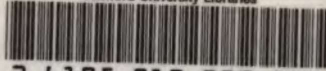
3. Отчетъ о занятіяхъ въ Архивахъ: Кіевскомъ Центральномъ и Яготинскомъ кн. Н. В Репнина. Кіевъ. 1886. Ц 25 к.

4. Стороженки. (Фамильная лѣтопись). Кіевъ. 1884. Ц. 20 к.

5. Очеркъ литературной дѣятельности А Я. Стороженка. Кіевъ. 1886. Ц. 1 р.

6. Архивъ Юго-западной Россіи, издаваемый Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ. Ч. II. Т. 2. Кіевъ. 1888. Ц. 2 р.

ЦѢНА 1 РУБЛЬ.


Stanford University Libraries
3 6105 012 337 106

